

~~15275.~~

~~Т. А., 906.~~

Гимназіж

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ V

ЛІ 1892 Мартъ

Содержаніе

1. Г. Янчевецкій. Я. А. Коменскій (съ портр.).
2. Я. А. Коменскій. Избр. сочиненія. Ч. I. Janua linguarum. I—VII.
3. Н. Schiller. Методика преп—нія въ гимн. и р. уч. III. Лат. языкъ прод.).
4. Ed. Kammer. Эстет. толкованія на Иліадѣ Гомера. II. (прод.).
5. W. Schrader. Гимназіи и р. училища. III. Общая методика. §§ 85—93 (прод.).
6. K. Nägelsbach. Вѣроученіе Гомера. §§ 73—85 (прод.).
7. Изъ циркуляра по Кавк. уч. округу.
8. Ө. Штифтаръ. Культурно-учебн. заведенія у Хорватовъ.

Приложеніе

9. Цицеронъ. О природѣ боговъ. I. 26—44. Перев. С. Б.

Сотрудники „Гимназиі“

- Ахтырна. М. Лисницъ (прог.).
Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
Болградъ. А. Кондраккій (г.).
— К. Гертеръ (прог.).
Борисоглбсьнъ. Б. Гедрихъ (прог.).
— Л. Горкевичъ.
Бѣла. Р. Киричинскій (гимн.).
Бѣлый. К. Бродскій (прог.).
Варшава. Л. Демченко.
— І. Канскій (дир. гимн.).
Вильно. Ф. Монюшко (ж. г.).
Вязьма. И. Виноградовъ (Алекс. г.).
Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
Гомель. М. Окиншевичъ (прог.).
Екатеринбургъ. Г. Бергъ (р. уч.).
Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
Елисаветградъ. Л. Коссовскій (ж. г.).
— Н. Марковъ (р. уч.).
— В. Рклицкій (р. уч.).
Замостье. Е. Киричинскій (прог.).
Ив.-Вознесенскъ. М. Лакомте (б. дир. г.).
Казань. Д. Нагевскій (проф. ун.).
— В. Латышевъ.
Калуга. Ф. Штифтаръ (гимн.).
Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчагъ (г.).
Камышинъ. А. Рождественскій (дух. уч.).
Карачевъ. А. Лещинскій (уч. сем.).
Кіевъ. И. Анненскій (дир. К. П. Г.).
— И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
— С. Воскресенскій (гимн.).
— А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
Коломна. Е. Крыловъ (г.).
Краснослободскъ. К. Трейманъ (прог.).
Курскъ. М. Куклинъ (гимн.).
Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
Митава. С. Рожанковскій (дир. гимн.).
Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
Москва. В. Апшльротъ (гимн.).
— Л. Поливановъ (дир. гимн.).
— В. Шенрокъ (гимн.).
— И. Семеновъ.
Новгородъ. И. Можайской (инсп. н. уч.).
Н.-Новгородъ. И. Шенрокъ (гимн.).
— А. Кролюницкій (гимн.).
Новочеркаскъ. И. Автократовъ (гимн.).
— И. Шамонинъ (р. уч.).
Новый Бугъ. И. Успенскій (уч. с.).
Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
Одесса. А. Григорьевъ (прог.).
— П. Браккенгеймеръ (гимн.).
— П. Ладновъ (прог.).
— М. Попруженко (пр.-д. ун.).
— А. Флеровъ (г.).
Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
Полтава. М. Андрияшевъ (гимн.).
Полангень. В. Зайць (прог.).
Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
— В. Жемчужинъ (р. уч.).
— Н. Кораблевъ (гимн.).
— А. Миллеръ (ж. г.).
— С. Николаевъ (гимн.).
— П. Пользинскій (г.).
— А. Реде (ж. г.).
— М. Тимофеевъ (б. уч. г.).
— Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
— Г. Янчевецкій (дир. г.).
Рига. Свящ. А. Аристовъ.
— И. Желтовъ (б. уч. г.).
— М. Крыгинъ (г.).
— С. Шарова (ж. г.).
Рыбинскъ. Н. Веригинъ (прог.).
Смоленскъ. Г. Лобовиковъ (р. уч.).
— М. Дроздовъ (дух. сем.).
— С. Блажеевскій (г.).
С.-Петербургъ. М. Андреяновъ (гимн.).
— С. Гинтовъ (г.).
— А. Желобовскій (г.).
— И. Киприановичъ (г.).
— М. Лянченко.
— А. Маленнъ.
— В. Межовъ.
— М. Нагорскій (г.).
— Н. Невзоровъ (г.).
— А. Образцовъ (г.).
— Н. Розовъ (г.).
— П. Санчурскій (г.).
— А. Филоновъ (б. дир. г.).
Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
Стародубъ. Е. Курчинскій (дух. уч.).
Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
Тифлисъ. А. Приселковъ (гимн.).
— Е. Бобословскій (гимн.).
Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
Урюпино. Н. Чекановъ (р. уч.).
Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
Харьковъ. А. Маларенко.
Холмъ. Е. Гомеровъ (гимн.).
— В. Ипатовъ (гимн.).
Хортица. А. Нейфельдъ (центр. уч.).
Царское-село. С. Цыбульскій (гимн.).
Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
— Я. Мищенко (гимн.).
Эриванъ. В. Романовскій (гимн.).
Феодосія. И. Буговъ (уч. инст.).
— А. Солоникио (гимн.).

Г И Ж И Ё З І М

ЖУРНАЛЪ

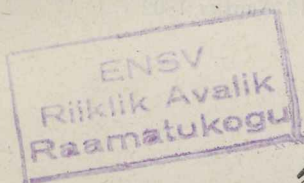
ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ V

LI

1892

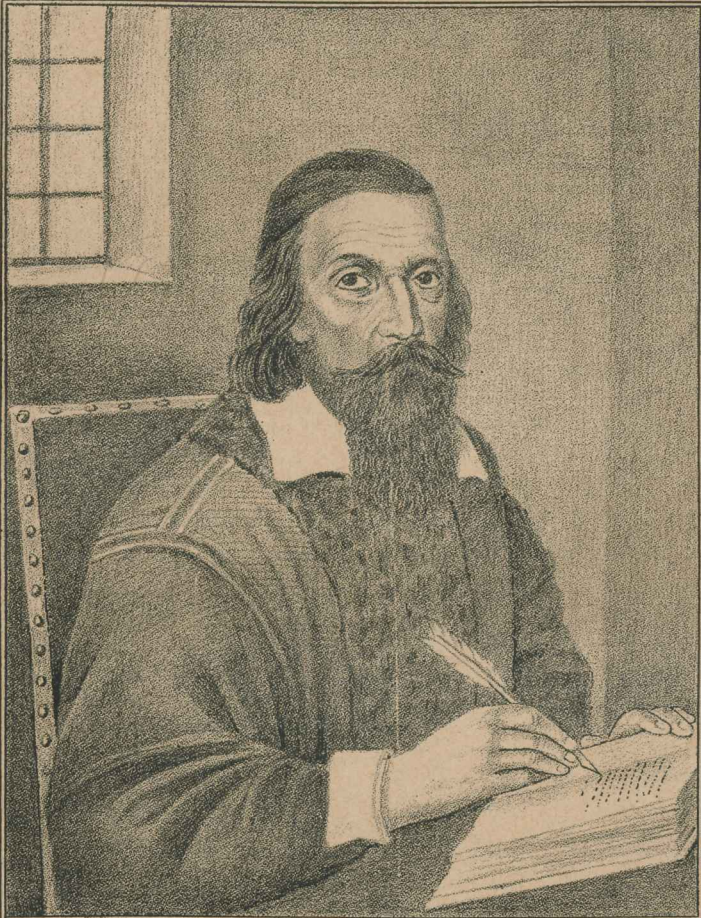

Ревель

Печатня Г. Матизена. Никольская ул., д. № 23

1892

Дозволено цензурою. — Ревель, 13 Апрелья 1892 г.

J. AMOS COMENIUS
nat.1592 defunct.1671.

Я. А. КОМЕНСКІЙ

съ стараго портрета въ Лешненской гимнази.

Я. А. Коменскій

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

~~~~~  
ЧАСТЬ I  
~~~~~

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ“

Ревель

Печатня Г. Матизена, Никольская ул. д. № 23

1892

В. А. Комарин

ИЗДАНИЕ СОБРАНИЕ

Дозволено цензурою. — Ревель, 10 Апрель 1892 г.

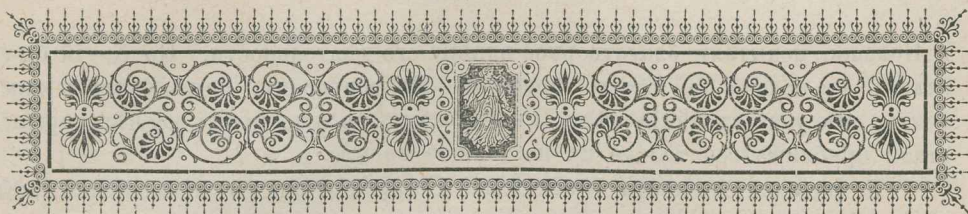
ЧАСТЬ I

ИЗДАНИЕ СОБРАНИЕ

Ревель

Издатель: В. А. Комарин

1892

Я. А. Коменскій*).

1592—1892.

[Съ портретомъ.]

*Читано 15-го марта 1892 г. въ Ревельскомъ Русскомъ Обществен. собраніи
дир. гимназіи Г. Янчевецкимъ.*

Онъ былъ педагогъ, а потому философъ.

I.

Въ ряду великихъ умовъ, которые счастье челоѳчества видѣли въ правильномъ, христіанскомъ устройствѣ училищъ и проложили ясныя пути для послѣдующихъ поколѣній, имя Яна-Амоса Коменскаго составляетъ предметъ благодарныхъ воспоминаній для всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ лишенный родины, онъ болѣе 50 лѣтъ долженъ былъ скитаться внѣ предѣловъ отечества. Но Коменскій, укрѣпляемый глубокимъ христіанскимъ чувствомъ, неустанно трудился всю свою почти 80-ти лѣтнюю жизнь. Его оживляла надежда — благочестивымъ и мудрымъ воспитаніемъ образовать болѣе крѣпкое и болѣе счастливое поколѣніе. Современныя К—му училища Германіи, Англій, особенно Швеціи, отчасти Венгріи

*) Болѣе подробно: 1) Ф. Палацкій: Жизнь Я. А. Коменскаго, перев. съ чешскаго Задерацкій (Труды Кіевской дух. ак. 1869, кн. 1 и 2). — 2) Н. Куликовъ: Коменскій, педагогъ XVII в. (Ж. Мин. Нар. Пр. 1870, окт.; небольшая статейка). — 3) С. Миропольскій: Я. А. Коменскій и его значеніе въ педагогіи (Ж. Мин. Н. Пр. 1871; май, іюнь, іюль: очень обстоятельная монографія). — 4) Я. А. Коменскій (Педагог. Календарь Воскресенскаго на 1892 г., очень обстоятельная статья). — 5) П. Шестаковъ: Я. А. Коменскій, педагогъ XVII в. (Журналъ Воспитанія, изд. А. Чумиковымъ. 1862 г. т. XI., перев. изъ Исторіи пед. Раумера). — 6) Глубокую и единственно вѣрную оцѣнку чешскаго педагога-философа сдѣлалъ русскій педагогъ-философъ, покойный профессоръ Моск. ун. П. Юркевичъ въ критической статьѣ, по поводу Исторіи воспитанія Модзалевскаго, „Идеи и факты изъ исторіи педагогики“ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1870 г., сентябрь и октябрь). — 7) Краткая, но симпатичная статья А. Б. въ Слав. Обзорѣніи, 1892, февр. — Большая часть того, что теперь пишутъ о К—мъ, показываетъ, что пишущіе едва-ли читали сочиненія К—го. Пріятное исключеніе составляетъ статейка Д. Семенова въ Вѣстникѣ Восп. 1892, III. — Въ Ист. Педаг. Шмидта (изд. Солдатенкова, т. III. М. 1890.) Коменскому отведено мѣста не многимъ больше, чѣмъ Ратке или Базедову, меньше чѣмъ Руссо или Фребелю, и вдвое меньше, чѣмъ Песталоцци.

и Польши, испытали благотворное вліяніе его дѣятельности. Но К—ій былъ великъ не только для своего времени. Въ вопросахъ, чему учить и какъ учить, онъ указалъ такія цѣли, къ которымъ, да и то только къ нѣкоторымъ, стали приближаться только въ настоящее время.

К. родился 16 марта 1592 года. Сегодня и завтра празднуется 300-лѣтіе дня его рожденія вездѣ, гдѣ училища считаются храмомъ науки и добродѣтели. При рожденіи, ему дано было имя Іоаннъ (Янъ), но отецъ его, слѣдую обычаю своей общины — носить ветхозавѣтныя имена, далъ ему еще имя Амосъ.

Отецъ его былъ мельникъ, въ Моравіи, около Брюнна, родомъ изъ мѣстечка Комны, — отсюда и фамилія Коменскихъ, — и принадлежалъ къ религіозной общинѣ извѣстныхъ въ исторіи Моравскихъ братьевъ, принявшихъ завѣты „чашниковъ“ — гусситовъ. Родители К—го были люди состоятельные, но онъ скоро ихъ лишился и остался круглымъ сиротою, около 10 лѣтъ.

Опекуны, кажется, не особенно заботились о воспитаніи мальчика; по крайней мѣрѣ извѣстно, что будущій великій педагогъ только на 16 году поступилъ въ школу и началъ учиться латинскому языку, бывшему тогда единственнымъ и почти недостижимымъ средствомъ общаго образованія. „Много потерпѣлъ я отъ этого пренебреженія, — говорилъ послѣ К., — но оно внушило мнѣ съ раннихъ лѣтъ состраданіе къ ближнему.“

К. готовилъ себя къ духовному званію, чтобы быть полезнымъ для духовныхъ потребностей своей общины, и потому, послѣ латинской школы, учился богословскимъ наукамъ, особенно въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Затѣмъ путешествовалъ; былъ въ Голландіи — центрѣ тогдашней учености и въ Англіи.

II.

По возвращеніи изъ путешествія, не будучи въ состояніи, по молодости, занять мѣсто священника, К., на 22 году, принялъ въ руководство училище на своей родинѣ, въ Моравіи, и написалъ первую книгу — „Правила облегченной латинской грамматики“, а черезъ два года Моравская община поставила его священникомъ и поручила его вѣдѣнію цѣлый округъ, Фульнекъ. К—ій всецѣло отдался своему призванію, и былъ истиннымъ благодѣтелемъ, не только распространяя образованіе, но и заботясь объ улучшеніи экономического быта своего округа. Эти 3—4 года были единственнымъ свѣтлымъ періодомъ его жизни.

Скоро наступила 30-лѣтняя религіозная война со всеми ея ужасами. Испанскія войска, явившіяся на помощь Австрійскому императору, истребляли огнемъ и мечемъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ католичеству, разорили и сожгли Фульнекъ, въ которомъ жилъ К., и уничтожили даже его бібліотеку и рукописи. К—ій, вмѣстѣ съ братской общиной, долженъ былъ бѣжать и спасаться въ горахъ Богеміи. Какъ послѣдствіе войны, явилась чума, отнявшая у К—го жену и дѣтей.

Скитаясь въ горахъ, К. встрѣтилъ временный пріютъ въ имѣніи графа

Жеротинскаго и пробыль тамъ 3 года: училъ дѣтей графа, исполнялъ обязанности священника своей общины и отдавался литературнымъ занятіямъ. Здѣсь же онъ составилъ любимую и доселѣ у чеховъ книгу „Лабиринтъ, или рай моего сердца“, написанную на тему: „Суета суетъ и всяческая суета.“ Въ этой книгѣ мѣръ странствующему по немъ автору представляется въ видѣ колеса, которое, въ своемъ вращеніи, сегодня низвергаетъ того, кого вчера подняло. Но въ этомъ коловращеніи жизни есть неподвижный центръ и вѣчная опора: это — воля Божія: въ подчиненіи волѣ Божіей и заключается искомый рай человѣческаго сердца.

Вскорѣ и имѣніе покровителя графа перестало быть надежнымъ убѣжищемъ для К—го и „братьевъ.“ Въ концѣ 1624 г. вышелъ импер. указъ объ изгнаніи навсегда изъ земель Чешскаго королевства всѣхъ не-католическихъ священниковъ, подѣ страхомъ смерти; и К—ій вынужденъ былъ оставить родину.

Зимой 1628 г., на пограничномъ хребтѣ горъ, раздѣляющихъ Богемію отъ Силезіи, происходило прощаніе „братьевъ“ съ покидаемою родиной. „Мы ничего не думали, — писалъ послѣ К., — кромѣ того, что, когда Богъ удостоитъ взглянуть на насъ окомъ милосердія, мы прежде всего явимся пособниками нашему юношеству, основывая новыя школы, снабжая ихъ хорошими книгами и вводя естественный и удобный способъ ученія, чтобы при этомъ болѣе всего процвѣтала любовь къ ученымъ занятіямъ и добродѣтели, и религіозность.“

Но надежды К—го не оправдались: ему не суждено было увидѣть родину: „не ей, но чужбинѣ пошло на пользу дѣло мое“ писалъ послѣ К—ій.

Пріютъ онъ нашелъ въ Польшѣ, въ городѣ Лешнѣ, въ нынѣшней Познанской провинціи, на границѣ Силезіи, и пробыль тамъ 13 лѣтъ*).

Главнымъ занятіемъ его было преподаваніе въ Лешненской гимназіи и исполненіе духовныхъ обязанностей скитающейся общины, которой онъ былъ послѣ также послѣднимъ епископомъ. Здѣсь кстати будетъ сообщить, что, объѣзжая „братьевъ“, К—ій въ 1634 году былъ въ Володавѣ, нын. Сѣдлецкой губерніи, и весьма вѣроятно, что онъ посѣтилъ также знаменитый тогда Острогъ на Волыни.

III.

Тамъ-то, въ Лешнѣ, К—ій написалъ книгу „Великая Дидактика“, плодъ обширнаго философскаго ума, глубокаго знанія человѣческой природы и истинной христіанской любви къ человѣчеству. Книга эта, несмотря на то, что явилась 250 лѣтъ назадъ, до сихъ поръ служитъ источникомъ, изъ котораго черпаютъ преобразователи учебнаго дѣла.

Книга озаглавлена такъ:

„Я. А. Коменскаго Великая Дидактика, содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему, или вѣрный, испытанный способъ учрежденія во всѣхъ

*) Прилагаемый портретъ представляетъ К—го въ этотъ періодъ его дѣятельности и переснять съ портрета, приложеннаго къ мартовскому выпуску весьма интереснаго чешскаго журнала „Педаг. Розгльды.“

общинахъ, городахъ и селахъ каждаго христ. государства, такихъ школь, гдѣ бы все юношество обоого пола, никого не исключая, просвѣщалось науками, совершенствовалось въ нравахъ, навывало благочестію, дабы такимъ образомъ всѣ могли достигнуть зрѣлости и научиться всему, что необходимо для этой и для будущей жизни, обстоятельно, легко, прочно, гдѣ для всего, что предлагается, основныя начала извлекаются изъ самого существа дѣла; частныя истины объясняются соответственными примѣрами изъ механич. искусствъ; порядокъ занятій распредѣляется по годамъ, мѣсяцамъ, днямъ, часамъ, и путь указывается легкой и вѣрный для благополучнаго достиженія успѣха“. — На русскомъ языкѣ книга явилась въ 1875—1877 г., вѣроятно, по случаю поминовенія 200-лѣтія со дня смерти К—го. Изданіе журнала „Семья и школа“ VI + 16 + 262. 8° l. f.

Тезисы, или главы, „В. Дидантки“*).

- I. Человѣкъ есть высшее, свободное и совершеннѣйшее созданіе.
- II. Послѣдняя цѣль человѣка внѣ этой земли.
- III. Настоящая жизнь есть только приготовленіе къ будущей.
- IV. Три степени приготовленія къ вѣчности: самопознаніе (и знаніе всего окружающаго), самоуправленіе и стремленіе къ Богу.
- V. Сѣмена знанія, нравственности и религіи врождены намъ.
- VI. Всякій человѣкъ, чтобы быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе.
- VII. Образованіе человѣка наиболѣе удобно совершается въ раннемъ возрастѣ.
- VIII. Для совокупнаго образованія юношества необходимы школы.
- IX. Всѣ дѣти обоого пола должны посѣщать школы.
- X. Обученіе въ школахъ должно быть общее, такъ какъ для всѣхъ одинаково необходимы: образованіе, нравственность и благочестіе.
- XI. Доселѣ не было совершенныхъ школь.
- XII. Школы могутъ быть преобразованы къ лучшему.
- XIII. Основаніе для преобразованія школь есть точный порядокъ во всемъ: искусное распредѣленіе времени предметовъ, и способовъ обученія.
- XIV. Точный порядокъ школы должно заимствовать у природы и изыскать основныя правила: для продолженія жизни, сокращенія наукъ, пользования случаемъ, развитія умственныхъ способностей и изощренія сужденія.
- XV. Основныя правила для продолженія жизни, находящіяся въ распоряженіи школь:
 - 1) чтобы тѣло предохранялось отъ болѣзней и смерти, и
 - 2) чтобы духъ былъ способнымъ мудро все исполнять.
- XVI. Общія условія обученія:
 - 1) имѣть наготовѣ книги и учебныя пособія;
 - 2) образовывать разсудокъ прежде языка;
 - 3) языкъ изучать не изъ грамматики, а изъ писателей;
 - 4) реальныя науки предпосылать формальнымъ;
 - 5) примѣры предпосылать правиламъ.
- XVII. Общія условія легкости ученія:
 - 1) если оно начнется своевременно, прежде чѣмъ умъ испытаетъ затемненіе;
 - 2) если ему предшествуетъ необходимая умственная подготовка;
 - 3) если въ обученіи будутъ итти отъ общаго къ частному и
 - 4) отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному;
 - 5) если ученики не будутъ обременяемы чрезмѣрнымъ количествомъ уроковъ;

*) За неимѣніемъ лат. оригинала, заимствуемъ изъ изданія „С. и Школы“ 1875—77 г.

- 6) если во всемъ не сѣбша будутъ итти впередъ;
- 7) если умы не будутъ обучаемы по принужденію, но по свободному стремленію ихъ, сообразно возрасту и способу ученія;
- 8) если все будетъ преподаваемо при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ;
- 9) если будетъ преподаваться только полезное для жизни, и
- 10) если все будетъ итти впередъ по одной и тойже постоянной методѣ.

XVIII. Основанія прочности въ обученіи:

- 1) если ученикамъ будетъ сообщаться только дѣйствительно полезное;
- 2) если все будетъ утверждаться на прочномъ, глубокомъ основаніи;
- 3) если все послѣдующее будетъ опираться только на это основаніе;
- 4) если все, что имѣетъ соотношеніе между собою, будетъ постоянно въ связи;
- 5) если все будетъ правильно распредѣляться по отношенію къ разуму, памяти и языку;
- 6) если все будетъ закрѣпляться постоянными упражненіями.

XIX. Правила кратчайшаго и скорѣйшаго ученія, если:

- 1) въ школѣ (или въ классѣ) только одинъ учитель;
- 2) въ одномъ предметѣ только одна книга;
- 3) одна и таже работа задается всему классу;
- 4) всѣ предметы преподаются по одной методѣ;
- 5) все преподается съ самыхъ основаній, кратко и прочно, такъ чтобы разумніе вещи открывалось какъ бы само собою, и вещи открывались бы сами собою;
- 6) все, имѣющее между собою связь, преподается въ связи;
- 7) все сохраняетъ неизмѣнную постепенность, такъ что сегодняшнее укрѣпляетъ вчерашнее, а завтрашнему указываетъ путь дальше;
- 8) всегда и повсюду устраняется все бесполезное.

XX. Метода наукъ въ частности:

- 1) что нужно знать, тому слѣдуетъ научить честно и добросовѣстно;
- 2) все, чему учать, должно быть преподаваемо соотвѣтственно тому состоянію, въ которомъ находится предметъ въ то время, и согласно его употребленію;
- 3) должно учить прямымъ, а не окольными путями;
- 4) то, чему учать, должно быть сообщаемо въ причинной связи;
- 5) все преподаваемое должно сообщаться сначала въ общемъ очеркѣ, а потомъ въ подробностяхъ;
- 6) части предмета должны быть познаваемы всѣ, съ рассмотрѣніемъ порядка, положенія и связи;
- 7) все преподается одно за другимъ: въ одно время не болѣе одного предмета;
- 8) на каждомъ предметѣ слѣдуетъ останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ изученъ;
- 9) различія предметовъ должны быть передаваемы отчетливо, дабы знаніе всѣхъ вещей было опредѣленное и ясное.

XXI. Метода искусствъ:

- 1) то, что слѣдуетъ дѣлать, должно изучать практически, по опредѣленной формѣ и нормѣ;
- 2) упражненіе должно начинаться на частяхъ, а не на цѣлыхъ произведеніяхъ, и притомъ надъ знакомымъ матеріаломъ;
- 3) подражаніе должно строго держаться предписанной формы, на совершенныхъ образцахъ;
- 4) совершенная теорія искусства состоитъ изъ синтеза и анализа;
- 5) упражненіе должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока не постигнется искусство.

XXII. Метода языковъ:

- 1) каждый языкъ долженъ быть изучаемъ отдѣльно, всегда одинъ, и никогда два въ одно время: сначала языкъ самой родины, потомъ языкъ сосѣдняго народа, потомъ латинскій, за нимъ греческій, еврейскій и пр.

- 2) каждый языкъ долженъ имѣть опредѣленное количество времени: родной языкъ — все дѣтство и часть отрочества (6 или 9 лѣтъ), латинскій языкъ — 2 года, греческій — одинъ годъ, еврейскій — полгода;
- 3) каждый языкъ лучше усваивается посредствомъ практики, чѣмъ посредствомъ правилъ: слушаніе, чтеніе, перечитываніе, списываніе, письменное и изустное подражаніе;
- 4) правила (грамматическія, а не философскія) должны содѣйствовать практикѣ и упрочиванію;
- 5) нормою для новаго языка долженъ служить знакомый уже, такъ чтобы оставалось только различіе;
- 6) первыя упражненія на чужомъ языкѣ должны производиться на извѣстномъ матеріалѣ;
- 7) всѣ языки можно изучать по одной и той же методѣ;
- 8) на родной и латинскій языки, дабы ученики вполнѣ овладѣли ими, обращается совершенно особенное вниманіе, раздѣленіемъ на четыре степени, соотвѣтственно возрастамаъ:

I. раннее дѣтство, когда учатся говорить кое-какъ,

II. отроческій возрастъ — правильно,

III. юношескій — изящно,

IV. возмужалый — выразительно.

- 9) по этимъ степенямъ учебники должны быть:

I. „Преддверіе“ — Vestibulum [матеріалъ для разговора: нѣсколько сотъ словъ въ краткихъ реченіяхъ, съ таблицами склоненій и спряженій; словарикъ];

II. „Входная дверь“ — Janua [всѣ употребительныя слова языка — тысячъ около восьми, въ короткихъ предложеніяхъ; краткая грамматика; этимол.; словарь];

III. „Жилище“ — Palatium [разговоры въ классической формѣ; фразеологическій словарь];

IV. „Сокровищница“ — Thesaurus [классическіе писатели; стилистика; всеобщій промѣтуарій — полныя лексическіе запасы обоихъ языковъ].

XXIII. Метода нравственнаго образованія, или внушенія всѣхъ добродѣтелей безъ исключенія: благоразумія — изъ преподаванія, умѣренности — изъ всего времени образованія, самообладанія — изъ преодоленія самого себя, привычки къ труду — изъ постоянныхъ занятій и т. д.

XXIV. Метода для внушенія благочестія: источникъ — Св. Писаніе, которое должно быть альфой и омегой для всѣхъ христіанскихъ школъ; способъ — размышленіе, молитва, испытаніе, вѣра, надежда, любовь въ практическомъ примѣненіи.

XXV. Для полнаго преобразованія школъ по началамъ истиннаго христіанства необходимо или совсѣмъ удалить языческихъ писателей, или обращаться съ ними съ большей осмотрительностью. Можно допустить Сенеку, Епиктета, Платона.

XXVI. О школьной дисциплинѣ [школа безъ дисциплины — мельница безъ воды]. Цѣль — чтобы ученики, по апостолу, „всегда радовались о Господѣ“; средство — добрый примѣръ, ласковое слово и всегда искреннее и открытое благорасположеніе.

XXVII. О школъ, какъ мастерской, въ ея четверничномъ дѣленіи, соотвѣтствующемъ степенямъ 4-хъ возрастовъ и развитія учащихся:

I. для младенчества — около матери, материнская школа [первыя 6 лѣтъ];

II. для отрочества — народная школа, или школа родного языка [втор. 6 л.];

III. для юношества — латинская школа, или гимназія [третья 6 лѣтъ];

IV. для зрѣлаго юношества — академія и путешествія [четвертая 6 лѣтъ].

XXVIII. Программа материнской школы (начала знанія и начала нравственности).

XXIX. Программа народной школы или школы родного языка (6 лѣтъ съ 6 классами — до 12 лѣтъ).

- XXX. Программа латинской школы, или гимназии (6 лѣтъ съ 6 классами).
 XXXI. Объ университетахъ (=академіи). Путешествія. Подготовка учителей.
 XXXII. О правильномъ устройствѣ всеобщаго точнаго порядка въ школахъ [подготовленные ученики, хорошіе учебники, живое слово учителя и школьная дисциплина].
 XXXIII. О необходимыхъ условіяхъ для практическаго примѣненія этой универсальной методы [соотвѣтствующіе учебники, подготовка учениковъ, поддержка прavitельствъ].

IV.

Но К—ій былъ не только педагогъ-теоретикъ; еще болѣе онъ былъ практической руководитель. Поэтому, въ слѣдъ за выпускомъ „В. Дидактики“, онъ принялся разрабатывать общія ея положенія въ подробностяхъ, чтобы примѣнить теорію къ практикѣ. Въ этомъ отношеніи составлено было нѣсколько трудовъ; важнѣйшій былъ книга, названная имъ „Открытая дверь языковъ“, въ которой К. указываетъ новый способъ изученія языковъ, состоящій въ постепенномъ восхожденіи отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному, отъ нагляднаго къ отвлеченному, и даетъ матеріалъ для послѣдующаго чтенія авторовъ.

Книга эта переведена была на 12 европейскихкихъ языковъ и нѣсколько восточныхъ; издавалась на двухъ языкахъ, на четырехъ, на шести, и дала автору имя Колумба въ педагогіи.

Книга имѣетъ своимъ эпиграфомъ мѣста изъ Сенеки и Бекона и слѣдующій текстъ изъ Св. Писанія: „Сократи слово: малыи многая изглаголи“ (Сир. 32, 10).

Книга озаглавлена такъ: „Я. А. Коменскаго Открытая дверь языковъ, или разсадникъ всѣхъ языковъ и наукъ, т. е. краткій способъ изученія латинскаго языка (и всякаго иного), вмѣстѣ съ основами наукъ и искусствъ, заключающійся въ 100 отдѣлахъ и 1000 періодахъ.“

Въ предисловіи К. говоритъ такія слова, которыя не потеряли значенія и въ наше время. „Что въ училищахъ не достаточно еще извѣстенъ правильный и цѣлесообразный способъ преподаванія языковъ, объ этомъ говорить само дѣло. Многіе, предавшіеся изученію, состарились надъ вокабулами. На одинъ латинскій языкъ требовалось 10 и болѣе лѣтъ, иногда цѣлая жизнь, съ медленными, жалкими и не вознаграждающими затратъ результатами. Вслѣдствіе этого, училища, сколько ни усваиваютъ современныхъ знаній и улучшеній, въ большинствѣ сохранили свои ненормальности и доселѣ. На длинныхъ, сбивчивыхъ, темныхъ, часто бесполезныхъ грамматическихъ правилахъ ученики стоятъ цѣлые годы Вотъ главное зло! Въ эти же годы учениковъ набиваютъ безпредметными вокабулами, т. е., ученики не имѣютъ представленій о предметахъ, выражаемыхъ словами, и не знаютъ сочетанія словъ, свойственнаго каждому языку. Поэтому, всячески должно стремиться создать такое руководство, чтобы всѣ слова и выраженія собраны были въ одно цѣлое и, въ короткое время, при возможно меньшемъ усилии, составили легкій, вѣрный и пріятный переходъ къ самимъ авторамъ“

„Въ моемъ трудѣ собрано 10 сотенъ изреченій, заключающихъ наиболѣе

ущельныя латинскія слова, расположенныя такимъ образомъ, что, за исчисленіемъ союзовъ, ни одно не повторяется, и каждое находится въ соотвѣтственной конструкціи въ красивой фразѣ. Весь кругъ предметовъ я расчлѣнилъ по группамъ, соотвѣтственно дѣтскому пониманію, и обобщилъ въ 100 отдѣлахъ.“

Послѣ введенія, первая фраза, которую долженъ выучить мальчикъ, приступая къ изученію латинскаго языка, есть: „Богъ сотворилъ все изъ ничего“; послѣдняя фраза этого руководства: „Господу Богу да будетъ слава во вѣки вѣковъ.“

Съ этого времени начинается переписка К—го съ современными учеными и государственными знаменитостями. Разныя государства Европы стали приглашать его для устройства учебнаго дѣла; настоятельно приглашали Англія и Швеція.

Коменскій рѣшился сперва отправиться въ Англію и прибылъ въ Лондонъ въ 1641 году. Сочувствіе къ реформамъ К—го было такъ велико, что даже англійскій парламентъ расположенъ былъ воспользоваться его идеями. Но въ Англіи скоро вспыхнула революція, и послѣ 10 мѣсяцевъ занятій К—ій долженъ былъ оставить Англію и отправиться въ Швецію, куда приглашалъ его шведскій канцлеръ, знаменитый Оксенширна, тотъ самый Оксенширна, который принималъ столь дѣятельное участіе въ учебномъ дѣлѣ Эстляндіи, подчиненной тогда шведскому правительству, и при которомъ въ Ревелѣ открыта была „Королевская гимназія“ (нынѣ Николаевская) и училище для дѣвицъ (нынѣ Высшее городское женское училище). Сохранившіяся отъ 1636 года „Правила“ Королевской гимназіи живо напоминаютъ духъ эпохи К—го. Не лишено интереса и то обстоятельство, что первымъ ректоромъ открытой въ Ревелѣ Королевской гимназіи шведское правительство назначило бывшаго ректора Магдебургской гимназіи, вынужденнаго бѣжать по случаю разоренія Магдебурга австрійскими войсками, противъ которыхъ спѣшилъ шведскій король Густавъ Адольфъ съ своимъ канцлеромъ Оксенширною.

Тамже, въ Швеціи, К. встрѣтилъ мецената въ лицѣ богатаго негоціанта, голландца Ванъ-Геера, который обезпечилъ К—му, на нѣсколько лѣтъ, средства жизни, чтобы К. могъ предаться составленію книгъ для юношества по новому, придуманному К—мъ, методу.

Черезъ два года, съ той же цѣлью, приглашалъ К—го Семиградскій князь Раковскій, и еще черезъ годъ литовскій князь Радзивиль. Но К—ій предпочиталъ меценатство Ванъ-Геера, все еще ожидая отъ Швеціи помощи къ возвращенію „братьевъ“ на родину. Когда же на Вестфальскомъ мирѣ 1648 г. совершенно забыли о славянскихъ изгнанникахъ и братьямъ пришлось окончательно разсѣяться, К—ій воспользовался приглашеніемъ Семиградскаго князя и поселился въ имѣніи его Шарошъ-Потокъ, на границѣ Венгріи, для преобразованія мѣстнаго училища въ образцовую гимназію, и пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, возвратившись затѣмъ обратно въ г. Лешно.

V.

Пребываніе въ Потокѣ ознаменовалось составленіемъ знаменитой въ исторіи педагогійи книги *Orbis pictus* — „Свѣтъ въ картинахъ.“ Это та книга, по поводу которой нѣмецкій историкъ педагогійи (Раумеръ) говоритъ, что это только начало такихъ книгъ, какія должны быть въ рукахъ юношества, „и кто можетъ сказать, что родится со временемъ изъ этого начала?“ Эта-то книга дала К—му имя Коперника въ педагогійи.

Orbis pictus есть первообразъ всего того, что нынѣ называется „Родное слово“, „Азбука съ картинками“, „Первая книга для чтенія“, „Книга для народнаго чтенія“, „Родина“ и пр. и пр. *Orbis pictus* есть также первообразъ обученія по звуковому способу, считаемому изобрѣтеніемъ нашихъ дней, при чемъ никому и на мысль не приходитъ, что это изобрѣтеніе славянина.

Въ училищномъ воспитаніи громадное значеніе имѣютъ три книги — три подарка дѣтскому міру отъ трехъ европейскихъ націй. Кто не читалъ Робинзона? Кто не знаетъ Телемака? И кто можетъ забыть ту первую „книжку съ картинками“, — болѣе или менѣе испорченный *Orbis pictus*, — которую для него выбрали въ дѣтствѣ и по которой онъ сталъ знакомиться съ окружающимъ міромъ, проникаясь, въ дѣтской невинности, благоговѣніемъ къ Творцу?

„Робинзонъ — твореніе англійскаго писателя [Defoe, 1664—1731], лондонскаго горожанина, и представляетъ методъ для образованія человѣка смѣтливаго, ловко извлекающаго изъ земли потребныя блага. Здѣсь преобладаетъ разсудительность и сознаніе нужды. Это подарокъ дѣтскому міру отъ англосаксонскаго племени.

„Телемакъ — твореніе французскаго епископа [Фенелонъ, 1651—1715], методъ для воспитанія царей и правителей, нравственному совершенству которыхъ противодѣйствуютъ особенныя искушенія и которые поэтому должны отличаться особенною же разсудительностію и яснымъ сознаніемъ долга. Слѣдовательно, здѣсь преобладаетъ разсудительность и сознаніе долга. Это подарокъ дѣтскому міру отъ романскаго племени.

„Такимъ образомъ, оба эти, дѣйствительно, великія произведенія созданы изъ резонновъ: одно — практическихъ, другое — моральныхъ. Но *Orbis pictus* построенъ на идеальныхъ началахъ — на эстетическомъ созерцаніи, которое составляетъ краеугольный камень для возведенія на немъ величественнаго зданія нравственной свободы. Поэтому, для К—го развитіе человѣческой личности не есть ткань приключеній, какъ въ Робинзонѣ или въ Телемакѣ, но радостное свѣтлое возрастаніе духа, питающагося созерцаніемъ дѣлъ Божіихъ.“ (Юркевичъ.)

Книга состоитъ изъ 151 краткихъ отдѣловъ, въ которыхъ учащіеся знакомятся со всѣмъ, что окружаетъ ихъ и что доступно дѣтскому уму.

Для К—го основнымъ принципомъ всѣхъ книгъ, назначаемыхъ для юношества, былъ текстъ изъ Св. Писанія, поставленный епиграфомъ въ *Orbis*

pictus: „Яже въ юности не собралъ еси, то како можеши обрѣсти въ старости твоей?“ (Сир. 25, 5.) Слѣдуя этому принципу, К—ій, послѣ ознакомленія съ азбукой (при помощи картинокъ*), утверждаетъ понятіе о Богѣ, Творцѣ вселенной, и затѣмъ, показывая новую картинку, учить словамъ и предметамъ: „Небо имѣетъ свѣтила. Облака висятъ въ воздухѣ. Птицы летаютъ подъ облаками“ и т. д. Затѣмъ переходитъ къ стихіямъ, къ тому, что окружаетъ человѣка: домъ, хозяйство, городъ, ремесло; переходитъ къ наукамъ и опять возвращается къ богопознанію, напоминая о страшномъ судѣ. „Богъ есть существо всесовершеннѣйшее и всеблаженнѣйшее“, начинаетъ славянскій педагогъ, и кончаетъ: „Бога бойся и призывай имя Его, да дастъ тебѣ духъ премудрости“ (**).

Таковъ подарокъ дѣтскому міру отъ славянскаго племени.

Геній К—го есть та творческая сила, которая положила глубокія основы для всѣхъ преобразованій и усовершенствованій на почвѣ педагогики.

Публикѣ извѣстны имена Базедова, Песталоцци, Фребеля, Дистервега. Но относительно Базедова достаточно привести отзывъ поэта Гете, важнаго авторитета въ педагогическихъ вопросахъ. Гете, увидѣвши начальную книжку съ картинками, составленную Базедовомъ, сказалъ, что это испорченный Orbis pictus Коменскаго.

Фребеля, какъ и Лейбница, Гердера, Краузе, Фихте, сами нѣмецкіе ученые считаютъ послѣдователями Коменскаго. Что же касается Песталоцци, то онъ самъ говоритъ о себѣ слѣдующее: „Я шель мертвымъ путемъ моего вѣка, колеблясь между чувствами, которыя влекли меня къ религіи, и между сужденіями, которыя отворачивали меня отъ нея. Мое сердце сдѣлалъ я холоднымъ къ тому, что составляетъ сущность религіи, хотя дѣйствительно я не былъ противъ религіи“, и самъ сознается, что только въ послѣдніе дни своей жизни онъ въ христіанствѣ нашелъ то успокоеніе, котораго прежде тщетно искалъ на ложномъ пути. Дистервегъ былъ послѣдователь Песталоцци, и его „Путеводитель къ образованію нѣмецкихъ учителей“ совершенно чуждъ универсальности „Великой Дидактики“ Коменскаго.

*) Наглядная азбука Коменскаго съ картинками: 1) Воронъ каркаетъ: á-a = A a. — 2) Овца блеетъ: b-é-é = B b. — 3) Стрекоза цвиркаетъ: sí-sí = S s. — 4) Удодъ гудеть: du-du = D d. — 5) Ребенокъ плачетъ: é-é-é = E e. — 6) Вѣтеръ свищетъ: fí-fí = F f. — 7) Гусь гогочетъ: go-go = G g. — 8) Ротъ дышетъ: ha-ha = H h. — 9) Мышь пищитъ: í-í-í = I i. — 10) Утка крикаетъ: kha-kha = K k. — 11) Волкъ воетъ: lu-ú = L l. — 12) Медвѣдъ рычитъ: mum-mum = M m. — 13) Кошка мяукаетъ: nau-nau = N n. — 14) Возница кричитъ: ó-ó-ó = O o. — 15) Цыпленокъ пищитъ: pí-pí-pí = P p. — 16) Кукушка кукуетъ: kuk-ku = Q q. — 17) Собака рычитъ: eгг = R r. — 18) Змѣя шипитъ: s-í = S s. — 19) Соя тѣкаетъ: tae-tae = T t. — 20) Сова укаетъ: ú-ú = U u. — 21) Заяцъ визжитъ: vá = V v. — 22) Лягушка квакаетъ: soax = X x. — 23) Осель гикаетъ: ý-ý-ý = Y y. — 24) Оводъ жужжитъ: ds-ds = Z z.

***) На р. яз. издано было въ 1768 г., 1788, 1793 и 1808.

VI.

Между тѣмъ, вліяніе іезуитовъ въ Австріи и въ Польшѣ усиливалось, а съ нимъ и преслѣдованіе всѣхъ не-католиковъ. Въ 1656 г., во время шведско-польской войны, городъ Лешно сперва былъ взятъ шведскими войсками, а затѣмъ отнятъ польскими, которые предали все грабежу и истребленію. При этомъ вторично погибла бібліотека К—го и всѣ его рукописи, нѣкоторыя — плодъ 20 и 30-лѣтнихъ трудовъ. Между ними для насъ особенно важны тѣ, въ которыхъ разработанъ былъ, на философскихъ основаніяхъ, вопросъ, — чему и какъ учить молодое поколѣніе въ каждомъ возрастѣ и въ каждомъ классѣ, тотъ вопросъ, къ которому только 200 лѣтъ спустя стали подходить лучшіе умы (Гербартъ и его школа). Трудъ этотъ назывался „Пансофія.“

Послѣ этого разоренія, Коменскій, 65-лѣтній бездомный старикъ, принужденъ былъ пятый разъ искать новаго пристанища. Теперь онъ былъ принятъ въ Амстердамъ сыномъ прежняго мецената Ванъ-Геера. Просвѣщенный и богатый городъ Амстердамъ понималъ значеніе К—го и гордился своимъ гостемъ. По опредѣленію магистрата рѣшено было снова издать всѣ педагогическіе труды К—го, которые и стали печататься съ 1657 года и вышли въ 4 томахъ in folio, подъ редакціей самого автора.

Въ Амстердамѣ К—ій прожилъ еще 14 лѣтъ, занимаясь составленіемъ педагогическихъ и религіозныхъ сочиненій. Послѣднее его произведеніе озаглавлено „Единое на потребу“ — *Unum necessarium*. Умеръ 15 ноября 1670 г., на 79 году жизни, и похороненъ 22 ноября въ Наарденѣ, около Амстердама, въ реформатской церкви.

Современники и оставшіеся портреты представляютъ К—го человѣкомъ красивой и величественной наружности, съ длинной бородой, высокимъ челомъ, добрымъ, но скрывающимъ тихую печаль, взоромъ. Въ отношеніи къ людямъ, онъ былъ чрезвычайно ласковъ, терпѣливъ и покоренъ, всегда готовый услужить ближнему и принести жертву для его блага. Глубокая чувствительность, доброта, чистосердечіе, религіозность, проявлялись не только въ его сочиненіяхъ, но и во всей его жизни.

VII.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ привести слова К—го изъ послѣдняго сочиненія, когда онъ, по собственнымъ словамъ, стоялъ уже надъ гробомъ.

„Я прошелъ лабиринты, по которымъ снуетъ и вращается каждый изъ людей; и такъ какъ Богу угодно было надѣлить меня сердцемъ, ревнующимъ объ общемъ благѣ, со многими меня познакомить и во искушенія ввести, то я намѣренъ каждому, кто считаетъ меня образцомъ прилежанія или предприимчивости, указать на то, что и при наилучшемъ намѣреніи трудно избѣжать ошибокъ.“

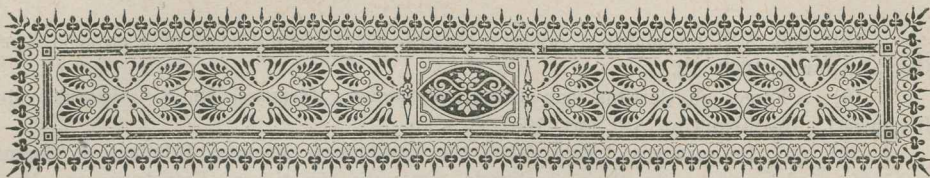
„Затѣмъ, воздаю благодарность Богу моему, который хотѣлъ употребить меня на пользу другимъ, и хотя свергъ меня во многія невзгоды, но изъ

многихъ вывелъ невредимо, и я вѣрю, что вывелъ съ тѣмъ, чтобы я опочилъ, благословляя Его славу.

„При всемъ томъ я знаю, что каждое стремленіе къ добру есть потокъ, текущій отъ источника добра, т. е. отъ Бога, и всегда возвращающійся къ цѣли своей, т. е. благу. Только мы, люди, не всегда имѣемъ дойти по потоку къ источнику или потокъ обратить къ морю, гдѣ ждетъ насъ обиліе и насыщеніе пышнымъ веселіемъ предъ лицомъ Божіимъ.

„Слава Богу, который ведетъ насъ по разнымъ ходамъ нашихъ лабиринтовъ и можетъ мудростью своею вывести насъ изъ всѣхъ ихъ и привести къ Себѣ — источнику и морю всякаго блага.

„Такъ и со мной случилось. И теперь я радуюсь, что онъ привелъ меня, по безконечной благодати своей, къ Себѣ — границамъ всѣхъ безконечно-добрыхъ стремленій. Да будетъ благословенно имя Его!“

Перечень всѣхъ сочиненій Я. А. Коменскаго, по времени ихъ составленія.

[Сост. Ф. Палацкимъ. Труды К. д. ак. 1869. февр.].

- 1) 1616. *Grammaticae facilioris praecepta*. Прага. 1616.
- 2) 1617. *Pauperum oppressorum clamores in coelum*. Ольмюць. 1617.
- 3) 1622. Имя Господне — крѣпкое прибожище. 10 октября 1622. 8.
- 4) 1623. Лабиринтъ свѣта и рай сердца. (Лешно). 1631. 4. Амстердамъ 1663. 12.
- 5) 1625. Глубина безпечности. Лешно. 1633. 12. Амстердамъ. 1663. 12.
- 6) ... Карта Моравскаго маркиграфства, въ 1627 г. въ Амстердамъ вторично издана.
- 7) ... Моравскія древности, и сочиненіе о родѣ пановъ изъ Жеротина. Ркп.
- 8) 1628 слѣд. *Didactica magna, universale omnes omnia docendi artificium exhibens*. Первоначально писана по-чешски. По-латыни напечатана первый разъ въ Англіи около 1639 г.; потомъ въ Орега *didact.* 1657 г. I. 5—196. На р. яз. 1875—1877 г.; см. выше стр. 6.
- 9) 1628 слѣд. *Schola materni gremii, sive de provida juventutis primo sexennio educatione*. Первоначальная рукопись по-чешски. Напечатана по-нѣмецки въ Лешнѣ 1633, а потомъ въ Лейпцигѣ; по-польски въ Торнѣ; по-латыни впервые 1653 (въ Потокѣ?) и въ Ор. *didact.* I. 198—249.
- 10) 1628 слѣд. *Scholae vernaculae delineatio*. Шесть трактатовъ на чешскомъ языкѣ, въ ркп. Никогда не были напечатаны. (I. 249).
- 11) 1629 слѣд. *Janua linguarum reserata*. Лешно. 1631. (Потомъ опять печаталась безчисленное число разъ). По-чешски впервые въ Лешнѣ 1633. (Ор. *didact.* I. 250—302).
- 12) 1630. *Praxis pietatis*, Упражненіе въ благочестіи. Лешно 1630. 8. Амстердамъ. 1661. 12. Съ англійскаго «Practice of piety». Лудов. Бэйля.
- 13) 1631. Исторія страданій и смерти, погребенія и воскресенія Господа І. Христа. Лешно. 1631. 12. Амст. 1663. 12.
- 14) 1632. *Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis, philodidacticorum et theodidacticorum censurae exposita*. Лейпцигъ. 1633. 8. и пр.
- 15) 1632. *Vestibulum Januae Latinitatis reseratae*. 1633. Ор. did. 1. 302—317.
- 16) 1632. *Historia persecutionum ecclesiae Bohemicae*. (Безъ года и гор.) 1648. 12. Составителями были старшины братской общины въ Лешнѣ, въ числѣ ихъ и Коменскій. По-чешски вышла („О тяжкихъ преслѣдованіяхъ чешской церкви“), въ переводѣ Ад. Гартмана, съ предисловіемъ Коменскаго, впервые въ Лешнѣ 1655. 12., потомъ въ Амстердамѣ 1663. 12. и пр. По-нѣм. пер. Эльснеромъ.
- 17) 1634 слѣд. «*Conatuum Commenianorum praecludia*». *Porta sapientiae reserata*. Оксфордъ. 1637. 4. Ор. did. I. 403—454. Позже вышла также книга подъ заглавіемъ „*Ransophiae prodromus*“, изданная Сам. Гартлибомъ въ Лондонѣ. 1639. 12.

- 18) 1636. XXI проповѣдь о тайнахъ смерти, воскресенія и вознесенія на небо Христа Спас. Амстер. 1663. 12.
- 19) ... Frage, ob Christus sich selbst auferwecket. Лешно. 1638. 8. (Противъ Мелх. Шеффера). По-латыни въ Амстерд. 1657. 8. и пр.
- 20) 1637. De sermonis Latini studio per Vestibulum, Januam, Palatium et Thesauros latinitalis quadripartito gradu plene absolvendo, dissertatio didactica ad Vratislavienses. Вратиславъ. 1638. 8. Op. did. I. 346—393.
- 21) 1637. Faber fortunae, sive ars consulendi sibi ipsi. Амстердамъ. 1658. (1661). 12.
- 22) 1638. Diogenes cynicus redivivus, sive de compendiose philosophando. Амстердамъ. 1658. 12. (Школьная драма).
- 23) 1639. Conatum pansophicorum dilucidatio, in gratiam censorum facta. (Лешно? 1639?) Op. did. I. 455—482.
- 24) 1640. A dextris et sinistris, h. e. pro fide in Christum Deum-hominem cum Marcioniticis deliriis lucta. Амстердамъ 1662. 8. (Это, собственно, два письма къ Дан. Столцію, противъ Павла Фельгенгауэра).
- 25) 1641. Via lucis vestigata et vestiganda, h. e. rationabilis disquisitio, quomodo intellectualis animorum lux, sapientia, per omnes omnium hominum mentes et gentes spargi possit. Амстердамъ. 1668. 4.
- 26) 1643. Pansophiae diatyposis ichnographica et orthographica. Данцигъ. 1643. Амстерд. у Эльцевира. 1645. 12.
- 27) 1644. Huldrici a Neufeld iudicium de iudicio Valeriani Magni, super Catholicorum et Acaatholicorum credendi regula, s. Absurditatum echo. Данцигъ. 1644. Амстерд. 1643. 8. и пр.
- 28) 1645. Regulae vitae sapientis, harmonicae, tranquillae, actuosae, negotiis obrutae, liberaliter otiosae, peregrinantis denique. Амстердамъ. 1658. (при ном. 21. и пр.)
- 29) 1646. Methodus linguarum novissima, fundamentis didacticis solide superstructa. Лешно. 1648. Op. did. II, 1—292.
- 30) 1646. Eruditionis scholasticae pars prima. Vestibulum, rerum et linguarum fundamenta exhibens. (Лешно. 1649.) Потокъ. 1651. Op. did. III. 134—213.
- 31) 1646. Eruditionis scholasticae pars II. Rerum et linguarum structuram externam exhibens. (Вмѣстѣ съ словаремъ и грамматикой.) Первое изд. въ Лешнѣ 1650. 8, потомъ въ болѣе исправленномъ видѣ въ Потокѣ 1651, и во Франкфуртѣ 1656, и пр.
- 32) 1646. Eruditionis scholasticae pars III. Atrium, rerum et linguarum ornamenta, exhibens. (Потокъ. 1651.) Op. did. III. 415—718.
- 33) 1649. Joan. Lasitii, nobilis Poloni, historiae de origine et rebus gestis fratrum bohemorum liber octavus, qui est de moribus et institutis eorum. (Лешно.) 1649. 8. Амстерд. 1660. 8. На чешскомъ языкѣ, съ предисловіемъ „Увѣщаніе къ возвращенію къ первой любви“, впервые издана въ Лешнѣ 1649. 8. въ Амстерд. 1660. 12. и пр.
- 34) ... Manuctio in viam pacis ecclesiasticae. (Безъ города.) 1650. 8.
- 35) 1650. Завѣщаніе умирающей матери, братской Общины. (Лешно.) 1650.
- 36) 1650. Ученіе о проповѣдничествѣ, изд. I. Л. Цилеромъ въ Прагѣ, 1823. 8.
- 37) 1650. Schola pansophica, h. e. universalis sapientiae officina, nunc auspiciis Jll. D. Sigismundi Rasoci de Felseovadas etc. Saros-Pataki Hungarorum feliciter erigenda. (Потокъ.) 1651. Op. did. III. 6—60.
- 38) 1651. Primitiae laborum scholasticorum in illustri Patakino gymnasio, in maius et melius transformari coepto. (Двѣ школьныя рѣчи: de ingeniorum cultura; de libris.) Шар. Потокъ, 1651. 4. Op. did. III. 67—113.
- 39) 1651. De reperta ad autores Latinos legendos et intellegendos via (Школьная рѣчь), 1651. Op. did. III. 114—133.
- 40) 1652. Laborum scholasticorum in ill. Patakino gymnasio continuatio. Потокъ. 1652. Op. did. III. 736—757. (Три школьныя рѣчи.)
- 41) 1652. Fortius redivivus, sive de pellenda scholis ignavia. Потокъ. 1652. Op. did. III. 759—775.

- 42) 1653. Praecepta morum, in usum juventutis collecta. Потокъ. 1653. Op. did. III. 776—783.
- 43) 1653. Leges scholae bene ordinatae. Op. did. III. 784—803.
- 44) 1654. Orbis sensualium pictus, h. e. omnium fundamentalium in mundo rerum et in vita actionum nomenclatura, ad ocularem demonstrationem deducta. Нюрнбергъ, у Мих. Эндера, 1658. 8. и пр. Съ русскимъ текстомъ, подъ заглавiемъ: „Зрѣлище вселенныя, на лат., росс. и нѣм. языкахъ, изд. для народныхъ училищъ Россiйской Имперiи“ и пр. Сиб. 1768, 1788, 1793 и 1808 г.
- 45) 1654. Schola ludus, seu Encyclopaedia viva, h. e. Januae linguarum praxis scenica. Потокъ 1655. Op. did. III. 831—1040.
- 46) 1654. Lexicon atriale Latino-Latinum. Амстерд. у Янсонiя, 1657. 8.
- 47) 1654. Laborum scholasticorum Patakini obitorum coronis (Школьная рѣчь 2 iюня 1654). Op. did. III. 1041—1050
- 48) ... Animae sanctae beatum satellitium, ad nob. D. Laurent. de Geer. Потокъ. 1654. (О жизни и смерти Лудовика ванъ-Гееръ.)
- 49) 1655. Прибѣжище въ печали, или бой съ Богомъ молитвами. Лешно. 1655.
- 50) 1656. Excidium Lesnense an. 1656 factum fide historica narratum. 1656. 4.
- 51) 1657. Opera didactica omnia. Амстердамъ 1657. fol. 4 части; въ четвертой части. находится слѣд. сочиненiя:
- 52) 1657. Vestibuli Latinae linguae auctarium. IV. 9—26.
- 53) 1657. Apologia pro Latinitate Januae linguarum. IV. 27—41. также отдѣльно въ Амстерд. 1657. 4 и 1658. 8.
- 54) 1657. Ventilabrum sapientiae, s. sapienter sua retractandi ars. Cum adjuncta Authoris omnium didacticarum suarum cogitationum retractatione brevi. IV. 41—63.
- 55) 1657. E scholasticis Labirthis exitus in planum. IV. 64—75.
- 56) 1657. Latium redivium, h. e. de forma erigendi Latinissimi Collegii. IV. 76—84
- 57) 1657. Typographeum vivum, h. e. ars sapientium non chartis, sed ingeniis imprimendi. IV. 85—95.
- 58) 1657. Paradisus juventuti Christianae reducendus. IV. 95—105.
- 59) 1657. Traditio lampadis, h. e. didactico studio imposita coronis. IV. 105—116.
- 60) 1657. Lux in tenebris, h. e. prophetae donum, quo Deus ecclesiam evangelicam... per. Crist. Cotterum, Christinam Poniatoviam et Nic. Drabicium)... dignatus est. (Безъ мѣста.) 1657. 4.
- 61) 1658. Janua, seu introductio in biblia. Нюрнбергъ, у Мих. Эндера. 1658. 8.
- 62) 1658. Мануальникъ или ядро всей Библии. Амстердамъ. 1658. 12.
- 63) 1658. Regula fidei iudicium duplex. Амстердамъ. 1658. 8.
- 64) 1659. De Christianorum vero Deo, Patre, Filio, Spiritu Sancto fides antiqua. Амстердамъ 1659. 4.
- 65) 1659. Канціональ, т. е. книга псалмовъ и пѣсней духовныхъ. Амстердамъ. 1659. 12.
- 66) 1659. Vindicatio famae suae contra Mic. Arnoldum. Лейденъ. 1659. 4. (10 листовъ)
- 67) 1659. Admonitio fraterna ad Sam. Maresium de zelo sine scientia et charitate....
- 68) ... Disquisitiones de caloris et frigoris natura. Амстерд. 1659. 12.
- 69) 1660. Смутный голосъ гонимаго гнѣвомъ Божиимъ пастыря къ разогнанному гибнущему стаду. Амстердамъ 1660. 12.
- 70) 1660. Ratio discliplinae ordinisque ecclesiastici in Unitate fratrum Bohemorum, cum praemissa de ecclesiae Bohemicae ortu, progressu, mutationibusque historiola. Амстердамъ. 1660. 8.
- 71) 1660. Paraenesis ecclesiae Bohemicae ad Anglicanam, de bono unitatis et ordinis etc. Амстерд. 1660. 8. (Это, собственно, прибавленiе къ предыдущей книгѣ, посвященное английскому королю Карлу II).
- 72) 1660. Refutatio exercitationis paradoxae, cui titulus «Philosophia scripturae interpres», 1660. Eleutheropoli in 4. editae.
- 73) ... Cartesius cum sua naturali Philosophia a mechanicis eversus. 12.

- 18) 1636. XXI проповѣдь о тайнахъ смерти, воскресенія и вознесенія на небо Христа Спас. Амстер. 1663. 12.
- 19) ... Frage, ob Christus sich selbst auferwecket. Лешно. 1638. 8. (Противъ Мелх. Шеффера). По-латыни въ Амстерд. 1657. 8. и пр.
- 20) 1637. De sermonis Latini studio per Vestibulum, Januam, Palatium et Thesaurus latinitalis quadripartito gradu plene absolvendo, dissertatio didactica ad Vratislavienses. Вратиславъ. 1638. 8. Op. did. I. 346—393.
- 21) 1637. Faber fortunae, sive ars consulendi sibi ipsi. Амстердамъ. 1658. (1661). 12.
- 22) 1638. Diogenes cynicus redivivus, sive de compendiose philosophando. Амстердамъ. 1658. 12. (Школьная драма).
- 23) 1639. Conatum pansophicorum dilucidatio, in gratiam censorum facta. (Лешно? 1639?) Op. did. I. 455—482.
- 24) 1640. A dextris et sinistris, h. e. pro fide in Christum Deum-hominem cum Marcioniticis deliriis lucta. Амстердамъ 1662. 8. (Это, собственно, два письма къ Дан. Столцію, противъ Павла Фельгенгауэра).
- 25) 1641. Via lucis vestigata et vestiganda, h. e. rationabilis disquisitio, quomodo intellectualis animorum lux, sapientia, per omnes omnium hominum mentes et gentes spargi possit. Амстердамъ. 1668. 4.
- 26) 1643. Pansophiae diatyposis ichnographica et orthographica. Данцигъ. 1643. Амстерд. у Эльцевира. 1645. 12.
- 27) 1644. Huldrici a Neufeld iudicium de iudicio Valeriani Magni, super Catholicorum et A catholicorum credendi regula, s. Absurditatum echo. Данцигъ. 1644. Амстерд. 1643. 8. и пр.
- 28) 1645. Regulae vitae sapientis, harmonicae, tranquillae, actuosae, negotiis obrutae, liberaliter otiosae, peregrinantis denique. Амстердамъ. 1658. (при ном. 21. и пр.)
- 29) 1646. Methodus linguarum novissima, fundamentis didacticis solide superstructa. Лешно. 1648. Op. did. II, 1—292.
- 30) 1646. Eruditionis scholasticae pars prima. Vestibulum, rerum et linguarum fundamenta exhibens. (Лешно. 1649.) Потокъ. 1651. Op. did. III. 134—213.
- 31) 1646. Eruditionis scholasticae pars II. Rerum et linguarum structuram externam exhibens. (Вмѣстѣ съ словаремъ и грамматикой.) Первое изд. въ Лешнѣ 1650. 8, потомъ въ болѣе исправленномъ видѣ въ Потокѣ 1651, и во Франкфуртѣ 1656, и пр.
- 32) 1646. Eruditionis scholasticae pars III. Atrium, rerum et linguarum ornamenta, exhibens. (Потокъ. 1651.) Op. did. III. 415—718.
- 33) 1649. Joan. Lasitii, nobilis Poloni, historiae de origine et rebus gestis fratrum bohemoꝝ liber octavus, qui est de moribus et institutis eorum. (Лешно.) 1649. 8. Амстерд. 1660. 8. На чешскомъ языкѣ, съ предисловіемъ „Увѣщаніе къ возвращенію къ первой любви“, впервые издана въ Лешнѣ 1649. 8. въ Амстерд. 1660. 12. и пр.
- 34) ... Manuductio in viam pacis ecclesiasticae. (Безъ города.) 1650. 8.
- 35) 1650. Завѣщаніе умирающей матери, братской Общины. (Лешно.) 1650.
- 36) 1650. Ученіе о проповѣдничествѣ, изд. I. Л. Циглеромъ въ Прагѣ, 1823. 8.
- 37) 1650. Schola pansophica, h. e. universalis sapientiae officina, nunc auspiciis Jll. D. Sigismundi Racoci de Felseovadas etc. Saros-Pataki Hungarorum feliciter erigenda. (Потокъ.) 1651. Op. did. III. 6—60.
- 38) 1651. Primitiae laborum scholasticorum in illustri Patakino gymnasio, in maius et melius transformari coepto. (Двѣ школьныя рѣчи: de ingeniorum cultura; de libris.) Шар. Потокъ, 1651. 4. Op. did. III. 67—113.
- 39) 1651. De reperta ad autores Latinos legendos et intellegendos via (Школьная рѣчь), 1651. Op. did. III. 114—133.
- 40) 1652. Laborum scholasticorum in ill. Patakino gymnasio continuatio. Потокъ. 1652. Op. did. III. 736—757. (Три школьныя рѣчи.)
- 41) 1652. Fortius redivivus, sive de pellenda scholis ignavia, Потокъ. 1652. Op. did. III. 759—775.

- 42) 1653. Praecepta morum, in usum juventutis collecta. Потокъ. 1653. Op. did. III. 776—783.
- 43) 1653. Leges scholae bene ordinatae. Op. did. III. 784—803.
- 44) 1654. Orbis sensualium pictus, h. e. omnium fundamentalium in mundo rerum et in vita actionum nomenclatura, ad ocularem demonstrationem deducta. Нюрнбергъ, у Мих. Эндера, 1658. 8. и пр. Съ русскимъ текстомъ, подъ заглавиемъ: „Зрѣлище вселенныя, на лат., росс. и нѣм. языкахъ, изд. для народныхъ училищъ Россійской Имперіи“ и пр. Спб. 1768, 1788, 1793 и 1808 г.
- 45) 1654. Schola ludus, seu Encyclopaedia viva, h. e. Januae linguarum praxis scenica. Потокъ 1655. Op. did. III. 831—1040.
- 46) 1654. Lexicon atriale Latino-Latinum. Ахстерд. у Янсонія, 1657. 8.
- 47) 1654. Laborum scholasticorum Patakini obitorum coronis (Школьная рѣчь 2 іюня 1654). Op. did. III. 1041—1050
- 48) ... Animae sanctae beatum satellitium, ad nob. D. Laurent. de Geer. Потокъ. 1654. (О жизни и смерти Лудовика ванъ-Гееръ.)
- 49) 1655. Прибѣжище въ печали, или бой съ Богомъ молитвами. Лешно. 1655.
- 50) 1656. Excidium Lesnense an. 1656 factum fide historica narratum. 1656. 4.
- 51) 1657. Opera didactica omnia. Амстердамъ 1657. fol. 4 части; въ четвертой части. находятся слѣд. сочиненія:
- 52) 1657. Vestibuli Latinae linguae auctarium. IV. 9—26.
- 53) 1657. Apologia pro Latinitate Januae linguarum. IV. 27—41. также отдѣльно въ Амстерд. 1657. 4 и 1658. 8.
- 54) 1657. Ventilabrum sapientiae, s. sapienter sua retractandi ars. Cum adjuncta Authoris omnium didacticarum suarum cogitationum retractatione brevi. IV. 41—63.
- 55) 1657. E scholasticis Labirinthi exitus in planum. IV. 64—75.
- 56) 1657. Latium redivium, h. e. de forma erigendi Latinissimi Collegii. IV. 76—84
- 57) 1657. Typographeum vivum, h. e. ars sapientium non chartis, sed ingeniis imprimendi. IV. 85—95.
- 58) 1657. Paradisus juventuti Christianae reducendus. IV. 95—105.
- 59) 1657. Traditio lampadis, h. e. didactico studio imposita coronis. IV. 105—116.
- 60) 1657. Lux in tenebris, h. e. prophetae donum, quo Deus ecclesiam evangelicam... per. Crist. Cotterum, Christinam Poniatoviam et Nic. Drabicium)... dignatus est. (Безъ мѣста.) 1657. 4.
- 61) 1658. Janua, seu introductio in biblia. Нюрнбергъ, у Мих. Эндера. 1658. 8.
- 62) 1658. Мануальный или ядро всей Вибли. Амстердамъ. 1658. 12.
- 63) 1658. Regula fidei iudicium duplex. Амстердамъ. 1658. 8.
- 64) 1659. De Christianorum vero Deo, Patre, Filio, Spiritu Sancto fides antiqua. Амстердамъ 1659. 4.
- 65) 1659. Канціональ, т. е. книга псалмовъ и пѣсней духовныхъ. Амстердамъ. 1659. 12.
- 66) 1659. Vindicatio famae suae contra Mic. Arnoldum. Лейденъ. 1659. 4. (10 листовъ)
- 67) 1659. Admonitio fraterna ad Sam. Maresium de zelo sine scientia et charitate....
- 68) Disquisitiones de calorіs et frigoris natura. Амстерд. 1659. 12.
- 69) 1660. Смутный голосъ гонимаго гнѣвомъ Божиимъ пастыря къ разогнанному гибнущему стаду. Амстердамъ 1660. 12.
- 70) 1660. Ratio disciplinae ordinisque ecclesiastici in Unitate fratrum Bohemorum, cum praemissa de ecclesiae Bohemicae ortu, progressu, mutationibusque historiola. Амстердамъ. 1660. 8.
- 71) 1660. Paraenesis ecclesiae Bohemicae ad Anglicanam, de bono unitatis et ordinis etc. Амстерд. 1660. 8. (Это, собственно, прибавленіе къ предыдущей книгѣ, посвященное английскому королю Карлу II).
- 72) 1660. Refutatio exercitationis paradoxae, cui titulus «Philosophia scripturae interpres», 1660. Eleutheropoli in 4. editae.
- 73) ... Cartesius cum sua naturali Philosophia a mechanicis eversus. 12.

- 74) 1660. Jrenico-Jrenicorum, h. e. conditionibus pacis a Socini secta oblatis ad Christianos admonitio. Амстердамъ. 1660. 8.
- 75) 1661. Raym. de Sabunae Oculus fidei, theologia naturalis. Амстердамъ. 1661. 8.
- 76) 1661. De iterato Sociniano Jrenico iterata ad Christianos admonitio. Амстердамъ 1661. 8.
- 77) 1661. Socinismi speculum, ex ipsorumet propria confessione concinnatum. Амстр. 1661. 8.
- 78) ... Epistola ad Petrum Montanum, de suis fatis et scriptis. 1661.
- 79) ... (Катихизисъ, изданный въ Амстердамѣ, для чешскихъ и моравскихъ братьевъ. 1661).
- 80) 1662. Admonitio tertia ad D. Zwickerum et ad Christianos. Амстердамъ. 1662. 8.
- 81) 1662. Нравственныя поученія мудреца Катона. Амстердамъ. 1662.
- 82) 1662. Высота свѣта. Амстердамъ. 1663. 12.
- 83) ... Panegersia, s. De rerum humanarum emendatione consultatio catholica ad genus humanum, ante alios vero eruditos, religiosos, pōtentes Europae. Безъ года и мѣста; (въ Амстердамѣ, 1666) въ 8.; потомъ въ Галлѣ Магдеб. 1702. 4.
- 84) ... Panaugia, s. De rerum humanar. emend. consultationis cathol. pars secunda. Безъ года и мѣста, (въ Амстерд. 1666). 8. (Того же рода должны были быть изданы еще книги, подъ заглавiемъ: «Pantaxia (pansophia); Pampaedia; Panglottia; Panorthosia»; но были ли онѣ изданы, не знаю).
- 85) ... Christianismus reconciliabilis reconciliatore Christo. (Неизвѣстно ни одного экземпляра).
- 86) 1567. Angelus pacis ad legatos pacis Anglos et Belgas Bredam missus, indeque ad omnes populos mitendus. (Безъ мѣста). 1667. 4.
- 87) 1668. Unum necessarium. Амстерд. 1668. 4. (по-чешски вышла только одна лава его, подъ заглавiемъ I. A. K. послѣдняя воля или завѣщанiе, у Лассицiя, въ Галле Магд. 1765. 12).
- 88) ... Религiозныя размышленiя о вечери Христа. Галле Магд. 1765. 12.
- 89) ... Размышленiе о христiанскомъ совершенствѣ. Галле Магдеб. 1765. 12.
- 90) ... Двѣ проповѣди, первая рождественская, вторая постная. Берлинъ. 1763. 8.
- 91) ... Объ исцѣленiи нѣмага и кое о чемъ бѣсовскомъ. (Изъ Указателя).
- 92) ... Бой Михаила и ангеловъ съ дракономъ и ангелами его. Кутна Гора. 1785. 8.
- Послѣднiя пять книгъ извѣстны только по названiю; тоже должно сказать и о многихъ выше поименованныхъ книгахъ. Латинскiя его сочиненiя такъ рѣдки, что ихъ никакими старанiями нельзя доискаться даже въ богатѣйшихъ библиотекахъ.

J. A. Comenii

JANUA LINGUARUM RESERATA

sive

SEMINARIUM LINGUARUM ET SCIENTIARUM OMNIUM

hoc est

compendiosa latinam (et quamlibet aliam) linguam, una cum
scientiarum artiumque fundamentis, perdiscendi methodus, sub
titulis centum, periodis mille comprehensa.

Я. А. Коменскаго

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ ЯЗЫКОВЪ

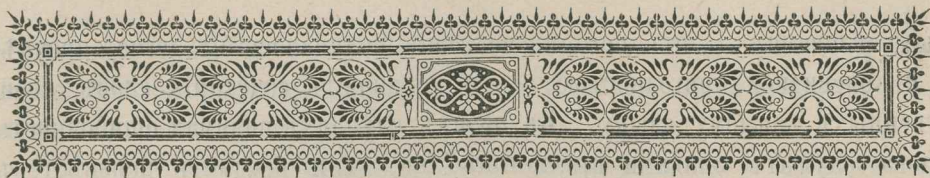
или

РАЗСАДНИКЪ ВСѢХЪ ЯЗЫКОВЪ И НАУКЪ

то есть

краткій способъ изученія латинскаго языка (и всякаго иного)
вмѣстѣ съ основами наукъ и искусствъ, заключающійся
въ 100 отдѣлахъ и 1000 періодахъ.

J. A. COMENII
AD LECTORES ERUDITOS
PRAEFATIO.

[Къ просвѣщеннымъ читателямъ.]

Что въ училищахъ недостаточно еще извѣстенъ правильный и цѣлесообразный способъ преподаванія языковъ, объ этомъ говорить само дѣло.

Многіе, предавшіеся изученію, состарились надъ вокабулами. На одинъ латинскій языкъ требовалось десять и болѣе лѣтъ, иногда цѣлая жизнь, съ медленными, жалкими и неознаграждающими затратъ результатами.

На это и раньше жаловались такія личности, какъ Вивъ, Эразмъ, Штурмъ, Фришлинъ, Дорнавій и др. Жалобы ихъ слишкомъ извѣстны, хотя и не излечиваютъ зла въ самомъ корнѣ.

Выдающіеся умы, какъ Скалигеръ, Липсій и т. п., оставивъ обычную, несчастно истоптанную дорогу, достигали языковѣдѣнія и образованія болѣе прямыми, не дорожными путями. Но эти пути они показали немногимъ; да и не всякій рѣшится на собственныя изысканія, и, какъ говорится, плыть безъ пробокъ.

Вслѣдствіе этого, училища сколько ни усваиваютъ современныхъ знаній и улучшеній, въ большинствѣ сохранили свои ненормальности и доселѣ. На длинныхъ, сбивчивыхъ, темныхъ, часто бесполезныхъ грамматическихъ правилахъ ученики стоятъ — вѣрнѣе сказать, задерживаются — цѣлые годы. Вотъ главное зло.

Въ эти же годы, учениковъ набиваютъ безпредметными вокабулами, т. е., ученики не имѣютъ представленія о предметахъ, выражае-

мыхъ словами, — отъ чего впечатлѣніе получалось бы легче, прочнѣе и съ очевидной пригодностью, — и не знаютъ сочетанія словъ, свойственныхъ каждому языку. Въ обоихъ случаяхъ видимая ошибочность. Слова служатъ знаками предметовъ; но, если предметъ неизвѣстенъ, слово не будетъ имѣть смысла. Мальчикъ можетъ знать тысячи словъ, но, если не умѣетъ примѣнить, весь этотъ запасъ ни къ чему не служитъ. Если кто надѣется построить рѣчь изъ отдѣльныхъ вокабулъ, то это все равно, какъ еслибы онъ надѣялся взять въ охапку песокъ или же вывести стѣну изъ щебня, но безъ извести. Такимъ образомъ изученіе латинскаго языка изъ словарей и лексиконовъ крайне затруднительно. Помочь этому обстоятельству надѣялись введеніемъ въ училища хорошихъ писателей — Теренція, Плавта, Цицерона, Вергилія, Горація, на томъ основаніи, что оттуда, вмѣстѣ съ усвоеніемъ языка, приобрѣтаются разныя свѣдѣнія и что изъ этихъ античныхъ писателей, какъ изъ чистаго источника, лучше всего можетъ быть почерпнута самая чистая латинская рѣчь.

Но насколько это похвально, настолько неудобно. Во-первыхъ, приобрѣсти столько писателей не всякій можетъ. Во-вторыхъ, направлять юношество на такую массу томовъ и на такихъ авторовъ, которые большею частію трактуютъ о вопросахъ, недоступныхъ для дѣтскаго возраста и чуждыхъ нашему употребленію, значить тоже самое, что пустить въ океанъ маленькую лодочку, когда назначеніе ея плавать въ мелкомъ озерѣ: или будетъ прибита къ берегу, или будетъ залита волнами. Если же кто счастливо и одолѣетъ, всетаки найдено, что цѣли своей — достаточнаго знанія латыни не достигъ: такъ какъ эти авторы трактовали не о всѣхъ вопросахъ, и, еслибъ трактовали даже о всѣхъ вопросахъ своего времени, всетаки о нашихъ вопросахъ не трактуютъ; да и не могли.

Поэтому является необходимость въ присоединеніи къ нимъ другихъ еще авторовъ, древнихъ и новыхъ, напр., по ботаникѣ, металлургіи, хозяйству, военному дѣлу, архитектурѣ и пр. (см. Frischlinius, «Предисловіе» къ его *Nomenclator*); и этому конца нѣтъ.

Наконецъ, если кто теряетъ столько лѣтъ ради изученія языка, то когда же онъ приступитъ къ самому предмету этого языка? когда укрѣпитъ свой разумъ изученіемъ здравой философіи? когда проникнетъ въ святилище богословія, въ тайны медицины? когда раскроетъ томы правовѣдѣнія? когда достигнетъ конца обученія и, что еще важнѣе, когда займется практикой столь мучительно изучаемаго, на благо

церкви и государству? Собственно никогда, въ виду краткости этой жизни, или же слишкомъ поздно; пойметъ только, что жизнь потрачена на приготовленіе къ жизни.

Поэтому всячески должно стремиться создать такое руководство, чтобы всѣ слова и выраженія были собраны въ одно цѣлое и въ короткое время, при возможно меньшемъ усиліи, составили легкій, вѣрный и пріятный переходъ къ самимъ авторамъ. Вѣрно замѣчаетъ D. Isaacus Habrecht (хотя нѣкто далеко не основательно примѣняетъ это къ лексиконамъ): «Подобно тому, какъ гораздо легче было бы, посѣтивъ ковчегъ Ноя, простымъ взглядомъ обозрѣть всѣхъ животныхъ, собранныхъ тамъ по парѣ, чѣмъ путешествовать по всему свѣту, покуда случайно встрѣтится какое либо животное: на томъ же основаніи гораздо легче изучить всѣ вокабулы языка изъ краткаго руководства, заключающаго ихъ основы, чѣмъ слушать или говорить, читать, покуда встрѣтится этотъ вокабулъ».

На это обратилъ вниманіе, нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ іезуитъ, издавшій въ одной книжечкѣ обзоръ всего латинскаго языка подъ названіемъ: *Ianua linguarum latine et hispanice (Collegii hibernici Salmanticae Hispaniarum)*. Въ этомъ трудѣ собрано 12 сотенъ изреченій, заключающихъ наиболѣе употребительныя латинскія слова, расположенныя такимъ образомъ, что, за исключеніемъ союзовъ: *cum*, *ex*, *in* и т. п., ни одно не повторяется и каждое находится въ соотвѣтствующей конструкціи и въ красивой фразѣ.

Изобрѣтеніе это прежде всего принято было, кажется, въ Англіи и съ прибавленіемъ англійской рѣчи издано въ 1615 году. Два года спустя, нѣмецъ D. Is. Habrecht, въ Страсбургѣ, прибавилъ французскій языкъ и издалъ на четырехъ языкахъ, а для Германіи издалъ съ нѣмецкимъ переводомъ и съ особенной рекомендаціей для изученія языковъ, называя этотъ методъ «*compendiosissima, certissima, utilissima et nunquam satis laudata.*» Книга нашла многихъ поклонниковъ, издана въ Германіи въ разныхъ мѣстахъ и быстро разошлась; введена въ болѣе извѣстныя училища, и въ 1629 году издана на 8 языкахъ.

Когда она попала въ мои руки, я пересмотрѣлъ ее раза два съ большимъ интересомъ и радовался за наше юношество, получающее по божеской милости такіе дары для своего слабаго возраста; но затѣмъ, при внимательномъ сличеніи съ ея цѣлью, я началъ сомнѣваться, дастъ ли она то, что обѣщаетъ, а при третьемъ внимательномъ чтеніи я нашелъ, что заглавіе книги не оправдывается, и могу сказать это безъ всякой

зависти, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ назначенію «двери.» Дверь выпускаетъ входящихъ въ домъ, а эта «Дверь» для начинающаго даетъ мало или ничего, именно, по тремъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, въ ней не достаетъ словъ, встрѣчающихся въ ежедневномъ употребленіи, и слишкомъ много словъ, превышающихъ кругозоръ начинающаго; поэтому справедливо мнѣніе нѣкоторыхъ, что эта іезуитская «Дверь» годится не столько для руководства начинающихъ, сколько для проверки сдѣланныхъ успѣховъ и, главнымъ образомъ, для полужнающихъ, такъ что ее лучше бы назвать не «Дверь», а «Проходъ».

Второй недостатокъ тотъ, что при единичномъ употребленіи словъ вовсе не приводятся слова равнозначныя и многозначныя, каковыхъ въ латинскомъ языкѣ, какъ и всякихъ идиомовъ, очень много. Какимъ же образомъ начинающій можетъ приступить къ чтенію латинскихъ писателей — а это, вѣдь, главная цѣль книги, — если онъ не знаетъ словъ, имѣющихъ въ разныхъ случаяхъ совершенно разныя значенія?

Третій и, по моему, самый важный недостатокъ: слова должны быть показаны въ своемъ главномъ, простомъ, коренномъ значеніи, изъ котораго смѣтливый умъ можетъ вывести остальные; и этого-то нѣтъ: у этого автора очень многія слова употребляются въ переносномъ смыслѣ, метафорически, метонимически, синекдохически, только бы ради изящества выраженія. Умалчиваю о вычурности нѣкоторыхъ выраженій, не соотвѣтствующихъ ни нравамъ, ни самому дѣлу: они лишены смысла, такъ что самое соотвѣтствіе глаголовъ можетъ возбудить удивленіе, напр., 360 *Artifici compedes impinguntur suae*, 623 *Vadem in ergastulo clam confectum comperi*, 733 *Occasus domini attingit limen*, 953 *Has dictionum telas posthumus novit* и пр.

Тѣмъ не менѣе, отцы іезуиты первые дали опытъ руководства къ цѣльному латинскому языку; и это изобрѣтеніе ихъ мы вполне признаемъ и на ошибки смотримъ снисходительно; и такъ какъ улучшение изобрѣтенія, какъ и открытіе за нимъ чего либо новаго, не представляетъ такой трудности, то мы и рѣшаемся на *plus ultra*, слѣдуя примѣру многихъ ученыхъ, потрудившихся для училищъ, которые, располагая досугомъ, не отказывались отъ труда совершенствованія.

Но, какъ извѣстно, за этотъ трудъ никто еще не брался. Поэтому я, какъ младшій изъ послѣднихъ, рѣшился сдѣлать необходимыя дополненія, не потому, чтобы надѣялся на слабый талантъ или эрудицію — этого у меня, къ прискорбію, едвали и тѣнь имѣется, — и не потому,

чтобы я располагалъ досугомъ, но единственно руководствуясь желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ учениковъ.

Должно однако сообщить, что я сдѣлалъ или что хотѣлъ сдѣлать, и изложить для руководства начинающихъ и для сужденія образованныхъ лицъ.

1. Основное правило дидактики говорить, что пониманіе и языкъ всегда слѣдуютъ вмѣстѣ и что настолько человѣкъ можетъ высказаться, насколько имѣетъ пониманія; если же онъ понимаетъ и не можетъ выразить, то ничѣмъ не отличается отъ статуи, а издавать бессмысленные звуки свойственно развѣ попугаямъ. Поэтому я признаю необходимымъ весь кругъ предметовъ распредѣлить по извѣстнымъ группамъ, соотвѣтственно дѣтскому разумѣнію, и то, что должно быть выражено словесно, закрѣпить сперва образно. Такимъ образомъ у меня составилось 100 обобщающихъ отдѣловъ.

2. Вторая забота была — выбрать употребительнѣйшія реченія и, при примѣненіи ихъ для выраженія понятій, ради которыхъ реченія изобрѣтены или послѣ примѣнены, распредѣлить такъ, чтобы не опустить необходимаго и чтобы все стояло тамъ, гдѣ его нужно искать. Эти реченія сведены почти на 8000 вокабулъ, заключающихся въ 1000 періодахъ, сперва краткихъ и притомъ однозначныхъ, затѣмъ распространенныхъ и многочленныхъ.

Цицеронъ говоритъ, что для дѣтей весьма важно, чтобы ихъ съ раннихъ лѣтъ приучать къ собственному значенію словъ, и что собственное значеніе то, которое (такъ и Август. de doctr. l. II, с. 10) прилагается къ тому предмету, для котораго оно найдено. На этомъ основаніи употреблены усилія, сообразно съ понятіями мальчиковъ, — чтобы всѣ слова стояли въ собственномъ, коренномъ своемъ значеніи, за исключеніемъ весьма немногихъ, утерявшихъ первоначальное значеніе, или когда собственно латинскихъ словъ не достаетъ для выраженія предметовъ изъ родного языка, — на что тоже обращалось постоянное вниманіе.

3. Задавшись такою цѣлью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя испанской *lanua*, я каждое слово ставилъ только по разу, за исключеніемъ омонимовъ, которые, для выраженія различія, употреблены въ разныхъ мѣстахъ при разномъ содержаніи. О соединительныхъ частицахъ: *et*, *sed*, *quia* и т. п., надѣюсь, не можетъ быть возраженія.

4. Синонимы и противоположныя имъ, большею частію, я поставилъ рядомъ, чтобы они взаимно указывали свой подлинный смыслъ;

а тѣ синонимы, которые обозначаютъ также самый предметъ и на обыкновенномъ языкѣ выражаются однимъ словомъ, я поставилъ въ скобкахъ съ особымъ шрифтомъ.

5. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы соблюсти интересы грамматики, слова имѣютъ такое соединеніе, что дѣлаются указанія не только на синтаксисъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ родного языка, но и на этимологию (родъ, склоненіе, спряженіе). Напр., изъ пер. 169 (*haleces salitas nobis afferunt*) мальчикъ легко запомнить, что *halex* женскаго рода; изъ пер. 420 (*quis iis vescatur?*) замѣтимъ, что *vesci* соединяется не съ винительнымъ, а съ творительнымъ.

6. Обыденный языкъ такъ приспособленъ къ латинской рѣчи, чтобы всѣ темы, вмѣстѣ съ производными и сложными, выступали въ коренномъ значеніи, и чтобы могли быть понятны и происходящіе оттуда тропы.

7. По примѣру испанской книжки, мы тоже присоединили латинскій указатель.

Кромѣ того, мы готовимъ болѣе обширный трудъ — этимологическій лексиконъ, который долженъ содержать основаніе каждаго наименованія, происхожденіе темы — латинское, греческое, еврейское, вмѣстѣ съ готовымъ, предъ глазами, перечнемъ всѣхъ производныхъ. Къ нему будетъ присоединена краткая фразеологія со статьей, очень полезной, о синонимахъ, омонимахъ и паронимахъ, и краткая, удобная, практическая грамматика, основанная на началахъ натуральной дидактики и составляющая, для учащихся и учащихя, синопсисъ самой дидактики. Все это, собранное въ одномъ томѣ, можетъ составить маленькую сокровищницу начальнаго училищнаго обученія.

Итакъ, кажется, мы будемъ имѣть «Дверь къ языкамъ» на прочныхъ, предметныхъ косякахъ, съ вращающимися, лексическими, петлями и съ легко открывающимъ ее грамматическимъ ключемъ; будемъ имѣть до тѣхъ поръ, пока болѣе просвѣщенные умы не представятъ чего либо болѣе обстоятельнаго, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія; и сдѣлаютъ это не громкія всемірныя, пока еще несбывшіяся, обѣщанія Глаумія и Глауміанцевъ, а искреннее усердіе и соревнованіе при работкѣ положеній дидактики. Да я и самъ вижу болѣе совершенное; но такъ какъ и на это составленіе потребовалось почти три года (кто повѣритъ, что такая маленькая книжечка стоила такого труда?), а разрушать созданное и начинать снова нѣтъ времени, то я рѣшился издать ее въ такомъ видѣ, какъ есть. Сохраняю также надежду, что кто либо,

съ бѣльшими способностями, рѣшится на что либо большее, хотя бы даже исходя изъ этихъ началъ. Съ меня довольно, если я вторично попробовалъ новый бродъ, или вновь поломалъ ледъ.

Казалось мнѣ также за лучшее назвать этотъ трудъ *Seminarium*, потому что здѣсь одинаково принято во вниманіе и слово, и предметы, и обращены усилія на то, чтобы, съ одной стороны, весь предметный хаосъ получилъ въ глазахъ учащихся нѣкоторое освѣщеніе, и, съ другой стороны, чтобы безконечной массѣ словъ и выраженій дать вѣрные корни и такимъ образомъ сформировать первыя, основныя представленія всего нравственного и благочестиваго воспитанія.

Такова была цѣль. Но я настолько далеко отъ мысли о достиженіи ея, что первый вполнѣ признаю недостатки, а надежду на прощеніе у образованныхъ читателей подаетъ Горацій, когда говоритъ, что при великомъ дѣлѣ (и въ маломъ, которое все изъ мелочей) не грѣхъ, когда сонъ найдетъ. Да и что когда сразу созрѣвало и расцвѣтало?

По этой же причинѣ убѣдительно просимъ типографовъ, чтобы они, въ случаѣ желанія отпечатать книжку, не предпринимали этого безъ вѣдома автора. Мы увѣрены, что трудъ тотчасъ выиграетъ въ отдѣлкѣ, а съ принятіемъ нашихъ замѣчаній и во внѣшности.

Остается пожелать, чтобы ученые, сильные въ латинскомъ языкѣ, проходили такой матеріалъ еще болѣе обстоятельно по этому или подобному методу, и чтобы научили говорить не только пространнѣе этихъ фразъ изъ классическихъ авторовъ, но и съ краснорѣчіемъ и выразительностію.

Пусть же этотъ радостнѣйшій садъ всеобщности и чистой латыни, сокровище драгоценнаго училищнаго обученія, идетъ въ руки учащагося юношества. И да даруетъ Богъ, чтобы все мы горѣли ревностію на общее благо.

Писано въ изгнаніи 4 марта 1631 г.

J. A. Comenius.

INDEX

titulorum ea qua continentur serie.

I. Introitus. II. De ortu mundi. III. « elementis. IV. « firmamento. V. « igne. VI. « meteoris. VII. « aquis. VIII. « terra. IX. « lapidibus. X. « metallis. XI. « arboribus et fructibus. XII. « herbis. XIII. « fruticibus. XIV. « animalibus et primo de avibus. XV. « aquatilibus. XVI. « jumentis. XVII. « feris. XVIII. « amphibis et reptilibus. XIX. « insectis. XX. « homine. XXI. « corpore et primum de membris externis. XXII. « membris internis. XXIII. « accidentibus corporis. XXIV. « morbis. XXV. « ulceribus et vulneribus. XXVI. « sensibus externis. XXVII. « sensibus internis. XXVIII. « mente. XXIX. « voluntate et affectibus. XXX. « mechanicis in genere. XXXI. « hortorum cultura. XXXII. « agricultura. XXXIII. « molitura. XXXIV. « panificio. XXXV. « pecuaria. XXXVI. « lanionia. XXXVII. « venatura. XXXVIII. « piscatione. XXXIX. « aucupio. XL. « coquinaria. XLI. « potulentorum paratura. XLII. « aurigatione. XLIII. « navicularia. XLIV. « itineribus. XLV. « mercatura. XLVI. « vestiariis opificiis. XLVII. « vestituum generibus. XLVIII. « fabrilibus artificiois. XLIX. « domo ejusque partibus. L. « hypocausto.	LI. De coenaculo. LII. « cubiculo. LIII. « balneo et munditie. LIV. « conjugio et affinitate. LV. « puerperio. LVI. « cognatione. LVII. « oeconomia. LVIII. « urbe. LIX. « templo. LX. « ecclesia. LXI. « ethnicorum Judaeorumque superstitionibus. LXII. « curia. LXIII. « judiciiis. LXIV. « maleficis et suppliciis. LXV. « statu regio. LXVI. « regno et regione. LXVII. « pace et bello. LXVIII. « schola et institutione. LXIX. « musaeo. LXX. « grammatica. LXXI. « dialectica. LXXII. « rhetorica et poësi. LXXIII. « arithmetica. LXXIV. « geometria. LXXV. « mensuris et ponderibus. LXXVI. « optica et pictura. LXXVII. « musica. LXXVIII. « astronomia. LXXIX. « geographia. LXXX. « historia. LXXXI. « medicina. LXXXII. « ethica in genere. LXXXIII. « prudentia. LXXXIV. « temperantia. LXXXV. « castitate. LXXXVI. « modestia. LXXXVII. « autarkeia. LXXXVIII. « justitia: primo commutativa. LXXXIX. « justitia distributiva. XC. « fortitudine. XCI. « patientia. XCII. « constantia. XCIII. « amicitia et humanitate. XCIV. « candore. XCV. « conversatione erudita. XCVI. « ludicris. XCVII. « morte et sepultura. XCVIII. « providentia. XCIX. « angelis. C. Clausula.

УКАЗАТЕЛЬ

оглавленій въ послѣдовательномъ порядкѣ.

I. Введеніе.	LI. О столовой.
II. О сотвореніи міра.	LII. О спальной.
III. О началахъ.	LIII. О банѣ и чистотѣ.
IV. О тверди.	LIV. О супружествѣ и родствѣ.
V. Объ огнѣ.	LV. О дѣтяхъ.
VI. О воздушныхъ явленіяхъ.	LVI. О свойствѣ.
VII. О водахъ.	LVII. О хозяйствѣ.
VIII. О сушѣ.	LVIII. О городѣ.
IX. О камняхъ.	LIX. О храмѣ.
X. О металахъ.	LX. О церкви.
XI. О деревьяхъ и плодахъ.	LXI. О суевѣріяхъ іудеевъ и язычниковъ.
XII. О травахъ.	LXII. О городской думѣ.
XIII. О кустарникахъ.	LXIII. О судахъ.
XIV. О животныхъ. А. О птицахъ.	LXIV. О преступникахъ и наказ.
XV. О водныхъ животныхъ.	LXV. О царскомъ достоинствѣ.
XVI. О домашнихъ животныхъ.	LXVI. О царствѣ и области.
XVII. О звѣряхъ.	LXVII. О мирѣ и войнѣ.
XVIII. Объ амфибіяхъ и пресмыкающихся.	LXVIII. О школѣ и воспитаніи.
XIX. О насѣкомыхъ.	LXIX. Объ учебныхъ комнатахъ.
XX. О человѣкѣ.	LXX. О грамматикѣ.
XXI. О тѣлѣ. О ви́шнихъ органахъ.	LXXI. О діалектикѣ.
XXII. О внутреннихъ органахъ.	LXXII. О риторикѣ и поэзіи.
XXIII. О случайностяхъ.	LXXIII. Объ ариѳметикѣ.
XXIV. О болѣзняхъ.	LXXIV. О геометріи.
XXV. О нарывахъ и ранахъ.	LXXV. О мѣрахъ и вѣсахъ.
XXVI. О ви́шнихъ чувствахъ.	LXXVI. Объ оптикѣ и живописи.
XXVII. О внутреннихъ чувствахъ.	LXXVII. О музыкѣ.
XXVIII. О разумѣ.	LXXVIII. Объ астрономіи.
XXIX. О волѣ и страстяхъ.	LXXIX. О географіи.
XXX. О промыслахъ вообще.	LXXX. Объ исторіи.
XXXI. О садоводствѣ.	LXXXI. О медицинѣ.
XXXII. О земледѣліи.	LXXXII. Объ этикѣ вообще.
XXXIII. О мельничествѣ.	LXXXIII. Объ осмотрительности.
XXXIV. О приготовленіи хлѣба.	LXXXIV. О воздержаніи.
XXXV. О скотоводствѣ.	LXXXV. О цѣломудріи.
XXXVI. О мясничествѣ.	LXXXVI. О скромности.
XXXVII. Объ охотѣ.	LXXXVII. О довольствѣ.
XXXVIII. О рыболовствѣ.	LXXXVIII. О справедл. въ обращеніи.
XXXIX. О птицеводствѣ.	LXXXIX. О справедливости къ дѣйствіямъ другихъ.
XL. О поваренномъ искусствѣ.	XC. О храбрости.
XLI. О приготовлен. напитоковъ.	XCI. О терпѣніи.
XLII. О повозкахъ.	XCII. О постоянствѣ.
XLIII. О корабельномъ дѣлѣ.	XCIII. О дружбѣ и человѣчности.
XLIV. О дорогахъ.	XCIV. Объ искренности.
XLV. О торговлѣ.	XCV. Объ образован. обществѣ.
XLVI. О портняжествѣ.	XCVI. Объ увеселеніяхъ.
XLVII. Объ одѣяніи.	XCVII. О смерти и погребеніи.
XLVIII. О строительномъ искусствѣ.	XCVIII. О промыслѣ.
XLIX. О домѣ и его частяхъ.	XCIX. Объ ангелахъ.
L. О теплой комнатѣ.	C. Заключение.

JANUA LINGUARUM RESERATA.

I. Introitus.

1. § alve, lector amice. 2. Si rogas, quid sit eruditum esse, responsum habere nosse rerum differentias et posse unumquodque suo designare nomine. 3. Nihilne praeterea? Nil certe quidquam. 4. Totius eruditionis posuit fundamenta, qui nomenclaturam naturae et artis perdidicit. 5. Sed id difficile forsitan? 6. Est: si invitus feceris aut praeconcepta opinione te ipsum terrueris. 7. Tandem, si quid asperitatis erit, initio erit. 8. Annon et litterarum ductus pueris primo intuitu mira portenta videntur? 9. Ast ubi paululum impenderint operae, lusum esse animadvertunt. 10. Idem in omni re evenit, ut inspectu exteriori operosa appareat. 11. At si aggrederis, nihil est, quod non cedat et se subdat ingenio. 12. Qui cupit, capit omnia. 13. Agedum itaque quisquis es, sperare ego te jubeo, desperare veto. 14. En vide exiguum hoc opusculum. 15. Hic tamen universum mundum latinamque linguam (velut in breviario) ostendam. 16. Tenta, quaeso; evolve et edisce aliquot has pagellas! 17. Facto hoc, oculatum te ad omnia humanitatis studia re ipsa comperies.

II. De ortu mundi.

18. Deus omnia creavit ex nihilo. 19. Principio enim expandit vastissimum spatium (ubi coelum et terra existunt). 20. Et complevit id tenebrosa quadam et informi caligine. 21. Ex qua tanquam materia figuravit creaturas corporeas, distinctas formis et vestitas accidentibus variis, prout cujusque ideam intra se conceperat, 22. implantavitque cuique naturam suam, id est, vim observandi assignatum locum, modum, genusque suum.

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ ЯЗЫКОВЪ.

I. Введеніе.

1. **П**ривѣтъ тебѣ, любезный читатель. 2. Ты спрашиваешь, что значить быть образованнымъ? Отвѣтъ на это: умѣть различать предметы и каждый называть своимъ именемъ. — 3. И ничего болѣе? — Рѣшительно ничего. 4. А основанія всему образованію положилъ тотъ, кто изучилъ наименованія природы и искусства. — 5. Но это, вѣроятно, трудно? — 6. Да. Если ты возьмешься неохотно и съ предвзятымъ мнѣніемъ, то самъ себя смутишь. 7. Наконецъ, если будетъ что трудно, то въ началѣ. 8. Да развѣ очертанія буквъ, при первомъ взглядѣ, не кажутся мальчикамъ какими-то чудовищами? 9. Но когда они сколько нибудь приложатъ усилія, видятъ, что это забава. 10. Также и во всякомъ дѣлѣ: при внѣшнемъ осмотрѣ оно кажется труднымъ. 11. А если взяться, все уступаетъ и поддается умѣнію. 12. Кто желаетъ, достигаетъ всего. 13. Итакъ, кто бы ты ни былъ, приказываю тебѣ надѣяться и запрещаю отчаяваться. 14. Взгляни на эту маленькую книжку. 15. Здѣсь я покажу тебѣ весь міръ и, какъ бы въ извлеченіи, латинскій языкъ. 16. Попытайся. Раскрой и выучи эти нѣсколько страницъ; 17 и затѣмъ ты на самомъ дѣлѣ увидишь себя просвѣтленнымъ для всѣхъ гуманитарныхъ занятій.

II. О происхожденіи міра.

18. Богъ все сотворилъ изъ ничего. 19. Ибо въ началѣ распростеръ безконечное пространство (гдѣ находятся небо и земля). 20. И наполнилъ его нѣкимъ туманнымъ и безвиднымъ мракомъ. 21. Изъ какового, какъ бы изъ матеріи, образовалъ тѣлесныя творенія, различенныя образами и одѣтыя разнообразной внѣшностью, по тому, какъ составилъ въ себѣ видъ cadaго творенія. 22. И вкоренилъ каждому свою природу, т. е., силу сохранять назначенное мѣсто, способъ и родъ.

III. De elementis.

23. Ante omnia vero confusum istud chaos juxta densitatis et raritatis gradus, in quatuor species separavit. 24. Tenuissimam subtilissimamque partem fecit lucidam et calidam, et appellavit ignem seu lucem. 25. Aliam iterum tenuem pellucidam et tepidam dixit aërem. 26. Tertia portio fluida et frigida fuit, aqua. 27. Sub qua mansit sedimentum crassum, limus seu terra. 28. Atque haec sunt simplicia corpora, ex quibus composita (mixta) exsurgunt. 29. Omnia enim reliqua ex his constant. 30. Quippe ex iis generantur, iis nutriuntur, in easdem, dum corrumpuntur, resolvuntur.

IV. De firmamento.

31. Astra sunt ceu lampades in aethere suspensae, ut indesinenter circumcirca rotatae lumine suo tenebras illuminent, cursu autem temporum vices dimetiantur. 32. Planetae sunt septem, quisque in suo orbe. 33. Infima est luna, quae, prout nobis illustrem sui medietatem exhibet, incrementa et decrementa pati videtur, retardationeque sua menses efficit. 34. Sol revolutione sua dies definit. 35. Ortum ejus praecedat aurora et diluculum, quum diescit et lucescit. 36. Occasum sequitur crepusculum, quum vesperascit et noctescit. 37. Ascendens ad nostrum zenith, facit ver, rursumque descendens autumnum (et utrobique aequinoctium). 38. Imus dat brumam orditurque hiemem: summus solstitium inchoatque aestatem, ubi Sirius (caniculae stella) excitat aestum. 39. Mercurius eum in epicyclo suo circuit, citius quam semianno: venusta Venus sesquianno. 40. Hanc mane Luciferum (phosphorum), vesperi Hesperum vocant. 41. Mars ignito jubare periodum suam biennio ferme percurrit, splendidus Juppiter non etiam undecim: gelidus Saturnus pene viginti novem. 42. Eclipses (obscuraciones) luminarium fiunt propter interpositionem tertii et obumbrationem. 43. Stellae fixae cum octava sphaera aequaliter progrediuntur, sed inaequaliter coruscant.

V. De igne.

44. Incendium ex quavis scintilla, si permittis, oritur. 45. Nam, quidquid ignem concipit, id primum gliscit, dein ardet, tum flagrat et flammatur, postremo crematum redigitur in favillas et cineres. 46. Lignum ardens torris appellatur, extinctum titio, particula ejus carbo et, quamdiu candet, pruna. 47. Fumus ardens flamma est, camino adhaerens fuligo.

VI. De meteoris.

48. Vapores aquosi perpetuo sursum feruntur. 49. Ex his densatis fit nubes, aut, si haec deorsum labitur, nebula. 50. Inde pluit, ningit, grandinat. 51. Pluvia destillat lente, imber dense, nimbus impetuose. 52. Hic si inter destillandum gelascit, fit grando; si incalescit nimium, vredo seu rubigo. 53. Pruina

III. О началахъ.

23. Но прежде всего слитный этотъ хаосъ раздѣлили на четыре состава, по степенямъ плотности и жидкости. 24. Тончайшую и нѣжнѣйшую часть сдѣлалъ свѣтящеюся и горячею и назвалъ огнемъ или свѣтомъ. 25. Другую, тоже тонкую, прозрачную и теплую, нарекъ воздухомъ. 26. Третья доля была жидкая и холодная, вода. 27. Подъ ней остается густой осадокъ — иль, или земля. 28. Это простыя тѣла, изъ которыхъ возникли составныя. 29. Ибо всѣ прочія состоятъ изъ нихъ. 30. Такъ какъ изъ нихъ рождаются, ими питаются, въ нихъ же, когда повреждаются, разрѣшаются.

IV. О тверди.

31. Звѣзды суть какъ бы повѣшенныя въ эфирѣ свѣтильники, дабы безпрестанно вращались вокругъ и своимъ свѣтомъ освѣщали мракъ, а теченіемъ размѣряли смѣну временъ. 32. Семь есть планетъ, каждая въ своемъ кругѣ. 33. Самая нижняя — луна, которая по тому, какъ предъявляетъ намъ свою свѣтлую половину, кажется, будто испытываетъ ущербъ и наращеніе, а своей остановкой производитъ мѣсяцы. 34. Солнце своимъ обращеніемъ опредѣляетъ дни. 35. Восходу его предшествуетъ денница и разсвѣтъ, когда днѣть и свѣтаетъ. 36. За закатомъ слѣдуютъ сумерки, когда вечерѣетъ и смеркается. 37. Восходя къ нашему зениту, дѣлаетъ весну, а нисходя назадъ, — осень (оба раза равноденствіе). 38. Самое низкое положеніе даетъ кратчайшій день и производитъ зиму; самое высокое — солнцестояніе и начинается лѣто, когда Сиріусъ (созвѣздіе пса) возбуждаетъ зной. 39. Меркурій въ своей орбитѣ обѣгаетъ солнце скорѣе, чѣмъ въ полгода; прелестная Венера — въ полтора года. 40. Утромъ называютъ ее лудиферомъ (свѣтоносцемъ), вечеромъ — гесперомъ. 41. Марсъ съ огненнымъ свѣтомъ пробѣгаетъ свое теченіе почти въ два года, блестящій Юпитеръ въ 12 лѣтъ, холодный Сатурнъ почти въ 29 лѣтъ. 42. Затменія свѣтилъ дѣлаются по причинѣ нахождения между ними затмевающего третьяго. 43. Неподвижныя звѣзды двигаются наравнѣ съ восьмымъ кругомъ, но свѣтятся не одинаково.

V. Объ огнѣ.

44. Горѣніе происходитъ отъ всякой искры, если ты допустишь. 45. Ибо, что только захватывается огнемъ, тлѣетъ, затѣмъ пламенѣетъ, затѣмъ горитъ, пылаетъ; наконецъ, сгорѣвшее превращается въ пепель и золу. 46. Горящее полѣно называется головня, сгорѣвшее — уголь, частица его — горящій уголь, пока уголь раскаленъ — жаръ. 47. Горящій дымъ — пламя, осѣдающій въ печкѣ — сажа.

VI. О воздушныхъ явленіяхъ.

48. Водяныя пары постоянно несутся вверхъ. 49. Отъ ступенія ихъ дѣлаются облака, а если эти внизу осѣдаютъ, — туманъ. 50. Отъ этого идетъ дождь, снѣгъ, градъ. 51. Дождь струится тихо, сильный дождь густо, ливень стремительно. 52. Если ливень, при паденіи замерзаетъ, дѣлается градъ;

est congelatus ros, stiria stilla rigens. 54. Nives segetem operiunt, ne a gelu vel glacie algeat. 55. Aura lenis cum spirat, focillat nos; ventus vehemens cum flat, quatit, prosternit et proterit, quoquo se vertit. 56. Cardinales sunt: subsolanus (orientalis), auster (seu notus, meridionalis), favonius (occidentalis), aquilo (seu boreas, septentrionalis). 57. Turbo et circius in gyrum se circumagunt. 58. Exhalationes sulphureae incensae edunt fulgura, fulgetra et chasmata. 59. Et tum caloris cum frigore pugna tonitrua ciet, cum fragore terribili. 60. Emicans inde flamma fulmen nuncupatur: 61. quod sive sit urens, sive discutiens, momento se dissipat, et, quidquid eo icitur, corrui. 62. Cum fulgurat, tonat, fulminat, quis non attonitus pavescat? 63. Cometa nunquam fulsit, quin sterilitatem inureret (terris) aut infectionem. 64. Iris matutina (ut et halo) nubilosam, vespertina serenam tempestatem (sudum) nunciat.

VII. De aquis.

65. E laticibus scatentes saliunt fontes, unde rivi manant. 66. Ex his colliguntur fluvii, et denique flumina, jugiter intra ripas suas decurrentia. 67. Ast sicubi profluvio et decursu carent, tument et in stagna se diffundunt. 68. Paludes sunt scaturigines sine fluxu. 69. Torrentes sunt aquae pluviales rapide defluentes, a quibus fiunt exundationes et diluvia. 70. Aquam ubi fluit fluentum, ubi gyratur gurgitem et vorticem, ubi se ipsam absorbet voraginem (barathrum), ubi expers fundi est, abyssum dicito. 71. Si quid ei mergis, emergit; sed claram turbari quid refert? 72. Bulla fit a stillante gutta. 73. Mare salsum est muriae instar. 74. Ubi tellurem terminat, sinus et promontoria habet. 75. Undae ejus sex horis fluunt ad littora refluuntque reciproce cum sonitu horribili: maxime intra freta. 76. In boreali plaga oceanus est glacialis.

VIII. De terra.

77. Terrae superficies alicubi uda est et uliginosa, alicubi arida et petrosa. 78. Non nullibi plana, alibi montes et valles, ac convalles, tumuli et depressa (loca), hiatus, antra et speluncae, conspiciuntur. 79. Colles et clivi cacumen versus euntibus acclives sunt, declives retro. 80. Terrae motus fit a subterraneis flatibus: qui, si prorumpunt foras, labes fiunt. 81. Glebam si teris et frias, pulvis erit; si diluis, lutum.

IX. De lapidibus.

82. Lapis comminutus arena est, quae si crassior, sabulum et glarea vocatur. 83. Saxa humi jacent (sive extant, sive delitescent), cautes eminent.

H. Schiller.

МЕТОДИКА

ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

[Продолж. См. „Гимназія“, кн. XLIX.]

III. Иностранные языки.

A. Древніе языки.

а) Латинскій языкъ.

15. Начальное преподаваніе. Чтеніе и разговоръ.

Вогда склоненіе*) и спряженіе на предварительныхъ и отдѣльныхъ предложеніяхъ описаннымъ способомъ пройдены, изучены и затвержены, то уже рѣшительнымъ образомъ на первый планъ выступаетъ матеріалъ перевода. Онъ можетъ представлять собою отдѣльныя сентенціи съ нравственнымъ содержаніемъ; но, сообразно природѣ дѣла и склонностямъ дѣтскаго возраста, подобный матеріалъ не можетъ быть даваемъ ежедневно, а только иногда, въ видѣ исключенія. Правильный матеріалъ для упражненій долженъ заключаться въ связныхъ статьяхъ и долженъ быть избранъ и обработанъ примѣнительно къ древней исторіи. Однако могутъ быть даваемы для перевода и отдѣльныя предложенія, но подъ условіемъ, чтобы они имѣли дѣльное содержаніе, принадлежали къ сферѣ нравственныхъ мыслей и чтобы содержаніе ихъ сознавалось учениками. Самый большій вредъ, какой можетъ причинить ученикамъ начальное преподаваніе иностраннаго языка, есть привычка читать безъ смысла: этимъ полагается основаніе нынѣ господствующему въ школахъ дословному переводу. Тривиальности, которыя все еще встрѣчаются въ большинствѣ книгъ

*) Для изученія 3 склоненія практическія указанія даетъ Perthes, Zur Ref. 3, 27. — Bromig, Behandl. d. lat. Declin. Zeitschr. f. d. Gymnasialw. 41, 80. — Altenburg, Lat. Konj. u. lat. Element.-Unterr. N. Jahrb. für Phil. u. Päd. 100, 565.

для чтенія, — чего составители книгъ часто и не сознають, — принадлежать тому времени, которое преподаванію латинскаго языка ставило совѣтъ другія цѣли, чѣмъ нынѣшнее время. Когда этотъ языкъ изучали только для жизненнаго обращенія, тогда содержаніе было дѣломъ второстепеннымъ, а форма языка составляла все; даже и тривиальное содержаніе имѣло свое оправданіе, такъ какъ и въ жизненномъ обращеніи не обойтись безъ тривиальной рѣчи. Но нашей задачей служить, вмѣстѣ съ образовательными элементами, которые заключаетъ въ себѣ форма языка, дать юношескому духу также содержаніе, которое внушало бы ему охоту и интересъ побѣждать трудности, представляемыя для него первыми. Слѣдовательно, главное содержаніе книги для чтенія должны составлять не предложенія тривиальнаго или совершенно безынтереснаго содержанія, какъ они изъ старыхъ книгъ для чтенія нерѣдко переходятъ въ новыя*), а рассказы изъ древнихъ сказаній и исторій, безъ затрудненій отыскиваемые въ античной литературѣ и, если нужно, не съ большимъ трудомъ и нынѣ составляемые; и она въ разумной послѣдовательности должна преподносить ученику отдѣльные круги мыслей. Такъ какъ воинскіе подвиги больше всего нравятся ученику этого возраста, то на нихъ въ данномъ случаѣ нужно обратить особенное вниманіе; но равнымъ образомъ книга должна заключать въ себѣ черты жизни древнихъ во время мира (описаніе дома, образа жизни, воспитанія, игры). Этотъ матеріалъ входитъ въ составъ преподаванія исторіи въ кварталѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть даваемы и статьи, заимствованныя изъ круга опыта и обращенія дѣтей, примыкающія къ тому же кругу мыслей и, въ силу своей противоположности, болѣе проясняющія и въ то же время служащія къ удовлетворенію дѣтской фантазіи*). Но вездѣ содержаніе должно быть извѣстно ученику и запоминаемо имъ. Если слова избраны и распредѣлены по этимъ связнымъ кругамъ мыслей, то въ такомъ родствѣ значеній изученіе будетъ имѣть столь же твердую точку опоры, какъ еслибы они дѣлились на первоначальныя и производныя. Къ послѣдней помощи преподаванію нѣтъ нужды прибѣгать для запоминанія и воспроизведенія; но первымъ, главнымъ средствомъ для образованія рядовъ словъ, должно пользоваться съ большею осторожностью, съ большею послѣдовательностью, чѣмъ какъ дѣлалось это до сихъ поръ. При этомъ очень важно, чтобы отдѣльныя слова и фразы чаще повторялись; это будетъ достигнуто, если послѣдовательно будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ сознаніе ученика

*) См. сопоставленіе у Латмана, *Ref. d. Elem.-Unterr.* стр. 28—32. — Osterdorf, *Mit welcher Sprache beginnt am zweckmässigsten der fremdspr. Unterr.?* Düsseldorf 1873, стр. 18—23. — Perthes, *Zur Ref. 4*, 67 слѣд. — Günther, въ *Jahrbb. d. Vereins f. wissenschaftl. Päd.* 13, 149. 172.

**) Примѣры для этого: Käleker въ *N. Jahrbb. f. Phil. u. Päd.* 128 стр. 291. — v. Müller, въ *Pr. R.-G. Altenburg* 1887, стр. 20 слѣд. и его же *Übungsb. f. d. Unterr. im Lat.* Berlin, 1889. — Другія книги для чтенія въ *Jahresberichte üb. d. h. Schulw.* 1, 157 слѣд.; 2 В. слѣд. — Споръ о Meurer's *Pauli sextani liber* показываетъ, что вопросъ о томъ, въ какомъ объемѣ долженъ быть даваемъ современный матеріалъ, далеко еще не рѣшенъ.

не входили слова, которыя не могутъ тамъ удержаться, и во весь курсъ сексты и квинты снова не встрѣчаются, въ изолированномъ видѣ попали въ сознание и также не могутъ быть обновлены и утверждены въ основаніи чрезъ словопроизводство.

Слѣдовательно, и здѣсь, какъ въ обученіи отечественному языку и въ обученіи всякому иностранному языку, матеріаль чтенія составляетъ средоточіе преподаванія. Дѣло идетъ о томъ, чтобы научиться читать на иностранномъ языкѣ, о переводѣ съ иностраннаго на родной языкъ и наоборотъ и о переводѣ предложеній и статей на латинскій языкъ.

На правильное чтеніе съ самаго начала должно быть обращено тщательное вниманіе. И такъ какъ дѣло идетъ объ иностранныхъ словахъ и и о соединеніи словъ для мыслей, которыя ученику совершенно чужды, то его еще менѣе, чѣмъ въ родномъ языкѣ, можно заставлять читать предложенія, содержанія которыхъ онъ не понимаетъ. Добрая часть бессмысленнаго чтенія, что въ высшихъ школахъ обнаруживается и въ родномъ языкѣ, происходитъ отъ привычки заставлять читать непонятное на иностранномъ языкѣ. Такое требованіе невѣроятнымъ образомъ противорѣчитъ элементамъ педагогики, когда ежедневно отъ квартанера и терціанера ожидаютъ, будто они со смысломъ читаютъ остающіяся для нихъ загадками выраженія Корнелія Непота или Цезаря. Логически правильно ученикъ можетъ читать только тогда, когда пониманіе будитъ въ немъ чувство. Слѣдовательно, вездѣ прежде всего ученикъ слышитъ правильное чтеніе предложенія отъ учителя. Только послѣ того, когда оно сдѣлалось для него вполнѣ понятнымъ, слѣдовательно, послѣ объясненія, можно требовать отъ него логически правильнаго чтенія. Такимъ образомъ это требованіе обыкновенно умѣстно тогда, когда статья задана уже для повторенія. Едва ли нужно говорить, что правильное чтеніе въ данномъ случаѣ служить рѣшительнымъ доказательствомъ пониманія читаемаго; уже по чтенію съ вѣрностью можно судить, понялъ ли ученикъ содержаніе, и временемъ, которое потребно для указанія содержанія или для перевода на родной языкъ, можно воспользоваться для другихъ упражненій. Чтеніе латинскихъ статей доставляетъ ученику не только ту трудность, что онъ тутъ имѣетъ дѣло съ чуждыми ему впечатлѣніями зрѣнія и слуха, но здѣсь требуется отъ него еще новая дѣятельность, къ которой онъ въ своемъ родномъ языкѣ еще не привыкъ: именно, слѣдить за количествомъ гласныхъ буквъ. Уже по этой причинѣ нельзя обойтись безъ предварительнаго чтенія учителя.

На самой низшей ступени предпочитается переводъ съ латинскаго языка на родной, такъ какъ вокругъ этого перевода сосредоточиваются всѣ остальные упражненія*). Дѣло начинается съ того, что учитель возбуждаетъ вниманіе учениковъ къ новому, читая заглавіе новой статьи; оно указываетъ на цѣль, къ которой должно стремиться объясненіе. Затѣмъ учитель кратко

*) Подробное психологическое объясненіе изображаемаго здѣсь способа даетъ Н. Perthes, Zur Reform d. lat. Unterr. 40, 10 слѣд.

сообщаетъ содержаніе*) и послѣ того читаетъ статью медленно, съ выдѣленіемъ главныхъ понятій и съ пріостановками между отдѣлами. Попытка теперь же требовать отъ учениковъ краткаго пересказа содержанія, можетъ быть, съ указаніемъ отдѣльныхъ частей, при болѣе легкихъ статьяхъ даетъ хорошій результатъ. Если же это кажется невозможнымъ, то тотчасъ начинается объясненіе содержанія. Объясненіе ведется учителемъ совмѣстно съ учениками и въ низшихъ классахъ сполна есть дѣло преподаванія; вездѣ, гдѣ только возможно, оно начинается отъ извѣстнаго, уже находящагося въ сознаніи ученика, и надъ всѣмъ, что въ матеріалѣ можно найти, оно заставляетъ ученика пробовать свою самодѣятельность. Но эта самодѣятельность только тогда можетъ сопровождаться правильнымъ результатомъ равносильнаго остальному обученію дедуктивнаго упражненія, когда ученикъ при каждомъ словѣ долженъ дѣлать заключенія, въ концѣ концовъ ведущія къ подчиненію одному общему понятію. Слѣдовательно, полезнѣе всего для упражненія въ дедуктивномъ мышленіи имѣть словарь, въ которомъ слова сопоставлены по категоріямъ (существит. 1, 2, 3 и др. склоненія, прилагат., глаголы и т. д.**). Только въ такомъ случаѣ объясненіе даетъ обильное упражненіе мышленія; ревность учениковъ здѣсь имѣетъ случаи обнаруживаться и обыкновенно ее приходится даже обуздывать; ибо всякій хочетъ слово первымъ найти и однако всѣ должны умѣть его не только искать, но и найти. Потому и здѣсь нужно систематически руководить слабѣйшихъ и, гдѣ возможно, заставлять лучшихъ учениковъ поддерживать ихъ, ревность которыхъ въ то же время находитъ случай удовлетворить себя въ нравственномъ отношеніи. Въ школѣ найденныя и выясненныя слова записываются въ тетрадь, которая чрезъ каждыя четырнадцать дней исправляется учителемъ. Часто было предлагаемо уже съ самой низшей ступени заставлять учениковъ слова въ тетради распредѣлять по группамъ, и это дѣлать и по всѣмъ классамъ; это было бы идеаломъ въ дѣлѣ заучиванія словъ и, гдѣ имѣются постоянные учителя и они питаютъ интересъ и необходимую преданность своему дѣлу, тамъ даже при значительныхъ затрудненіяхъ должно стараться о выполненіи этого условія. Нами самими въ этомъ отношеніи дѣлавшіяся попытки по причинѣ неблагоприятныхъ обстоятельствъ кончались неудачею. И однако въ этомъ заключалось бы для учениковъ единственное средство постепенно затвердить необходимый для нихъ запасъ словъ.

Объясненіе отдѣльныхъ предложеній формально основывается на строѣ словъ, при чемъ оно всегда начинается съ приведенія и обозначенія предиката***). Затѣмъ спрашиваютъ о субъектѣ и объ остальныхъ частяхъ предложенія. Запоминаніе простыхъ отношеній предложенія происходитъ парал-

*) Такъ поступалъ уже Ратихій, см. Vogt, Leben u. pädag. Bestr. des W. Ratichius. Fr. Kassel. 1881. стр. 35 слѣд.

**) Пергесъ пытается этой цѣли достигнуть другимъ способомъ. Ср. Zur Reform 2, 19 слѣд.

***) Ср. Rothfuchs, Beitr. z. Meth. d. altspr. Unterr. стр. 62 слѣд.

дельно и въ обученіи латинскому, и въ обученіи отеч. языку*). Когда содержаніе предложенія отъ слова до слова обработано, тогда начинается установленіе правильной родной рѣчи и въ этой формѣ оно еще разъ повторяется учениками, наконецъ, также при закрытой книгѣ. По возможности на урокъ всегда проходитъ отдѣлъ разсказа или статьи. Заключеніе объясненія составляетъ передача латинскаго текста правильною родною рѣчью и послѣ того еще свободное изложеніе содержанія на родномъ языкѣ. Наконецъ, учитель посредствомъ вопросовъ обращаетъ вниманіе учениковъ на слова и формы, которыя въ настоящемъ урокъ наиболѣе важны, и сопоставленіемъ заканчивается первое объясненіе статьи для чтенія.

Домашнею задачею служить затверженіе объясненной статьи до той степени, что ученикъ не только можетъ ее перевести правильною родною рѣчью, но также знаетъ и латинскій матеріалъ языка, какой изъ нея можно приобрѣсть. Послѣдующій урокъ имѣетъ своею цѣлью удостовѣриться, достигнутъ ли этотъ результатъ, и восполнить еще недостающее. Главное дѣло здѣсь въ томъ, чтобы развить привычку въ ученикахъ переводить мысли, такъ какъ они нынѣ, даже въ высшихъ классахъ, по большей части переводятъ только слова. Образованію этой привычки можно содѣйствовать тѣмъ, если всякое латинское предложеніе заставляють переводить на родной языкъ въ различныхъ видахъ и если, съ другой стороны, при переводѣ на латинскій языкъ то же упражненіе продѣлывается надъ переводимымъ предложеніемъ. Черезъ это въ ученикѣ постепенно вкореняется сознаніе, что мысль есть существенное, которое можно выражать на различныхъ языкахъ и даже на одномъ и томъ же языкѣ разными словами**). Для послѣдней цѣли рекомендуются обратное переложеніе и варьированіе. Первое состоитъ въ томъ, что одинъ изъ учениковъ читаетъ латинскій текстъ, предложеніе за предложеніемъ, медленно и правильно, при чемъ всѣ книги закрыты. Затѣмъ одному изъ класса приказывается повторить прочитанный латинскій текстъ, а другому — пересказать его правильною родною рѣчью. Когда такимъ образомъ пройденъ цѣлый отдѣлъ, то учитель заставляеть нѣсколькихъ учениковъ повторить его по-латыни, причемъ ихъ усмотрѣнію предоставляется пересказать латинскій текстъ дословно или въ свободномъ переложеніи; если послѣднее гладко, то, конечно, приноситъ больше пользы, такъ какъ дословный пересказъ передаетъ только теченіе рядовъ мыслей, а въ переложеніи къ этому присоединяется еще моментъ сужденія. Затѣмъ начинается обратное упражненіе. Одинъ изъ учениковъ читаетъ переводъ, другіе переводятъ его обратно на латинскій языкъ. Когда такимъ образомъ перебранъ цѣлый отдѣлъ, то еще разъ слѣдуетъ пересказъ содержанія на родномъ языкѣ, по возможности примѣнительно къ латинскому строю рѣчи. Къ этому учитель прибавляетъ еще упражненіе, состоящее въ томъ,

*) По причинѣ своей простоты можно рекомендовать Fr. Korn, Reform d. Satzlehre ср. стр. 387 примѣч. 1.

***) G. O. Berger, N. Jahrb. f. Phil. u. Päd. 126, 538 слѣд.

что онъ выбираетъ отдѣльныя части содержанія и заставляетъ опредѣлять ихъ по-латыни. Чрезъ эти упражненія достигается твердое запоминаніе содержанія и формы. Но они не имѣютъ еще цѣлью свободное обладаніе латинскимъ языкомъ. Для этого нужно еще варьированіе, которое можно свести къ двумъ родамъ. Или учитель сообщаетъ переводный матеріалъ въ болѣе свободной связи на родномъ языкѣ и одинъ изъ учениковъ повторяетъ эту задачу, другой же послѣ того, какъ она построена въ правильную рѣчь, переводитъ на латинскій языкъ, или учитель заставляетъ пользоваться запасомъ словъ для перевода новаго матеріала. Такъ какъ здѣсь удержаніе въ памяти родного текста доставляетъ ученику уже больше напряженія, то это упражненіе по формѣ строго должно придерживаться образца. Свободное движеніе для ученика заключается только въ томъ, что матеріалъ языка, который онъ до сихъ поръ зналъ въ одномъ опредѣленномъ отношеніи, онъ научается примѣнять въ новомъ отношеніи. Только уже постепенно и это упражненіе можетъ получить большую свободу. Равнымъ образомъ вполне полезно, только въ другомъ направленіи мысли, упражненіе, состоящее въ томъ, что учитель обѣ эти варіаціи продѣлываетъ надъ латинскимъ матеріаломъ и послѣ того, какъ образованное имъ предложеніе повторено, заставляетъ перевести его. Съ большою послѣдовательностью нужно затѣмъ слѣдить, чтобы сказанное учителемъ предложеніе сначала повторено было ученикомъ; лучше всего еще разъ заставить того ученика пересказать, который вызванъ для перевода. Какъ извѣстно, многія ошибки и неточности перевода происходятъ отъ неполнаго знанія переводимой мысли. Но также самихъ учениковъ можно заставлять принимать дѣятельное участіе въ этомъ варьированіи. Простѣйшій родъ представляетъ превращеніе числа и падежа (дѣйствит. залогъ, страдательный залогъ); больше напряженія требуетъ упражненіе, когда ученика заставляютъ прилагательныя или нарѣчія замѣнить другими; еще труднѣе требованіе изъ матеріала языка построить другой, изъ опыта ему извѣстный кругъ мыслей, по аналогіи съ даннымъ предложеніемъ. Къ послѣднему упражненію только тогда можно приступить, когда учитель уже многократно продѣлалъ съ учениками предыдущія.

Въ особенности полезный родъ варьированія есть латинскій разговоръ*). Для него предполагается, что ученикъ, повидимому, случайнымъ, но со стороны учителя строго рассчитаннымъ путемъ, усвоилъ наиболѣе употребительныя вопросительныя слова (*quis? cuius? cui? quem? quid? quando? cur? ubi? quomodo?*). Упраженія въ разговорѣ не дадутъ уже забыть ихъ. Ближайшимъ образомъ они имѣютъ цѣлью перебросить мостъ надъ пропастью, которую ученикъ видитъ между собою и подлежащимъ изученію иностраннымъ языкомъ. Что они часто оставляются безъ вниманія при

*) Н. Perthes, Zur Ref. d. lat. Unterr. 4, 58 слѣд. — W. Fries, Zur Meth. d. lat. Elem.-Unterr. въ N. Jahrb. f. Phil. u. Päd. 118, 221. — Lattmann, Das meth. Prinzip, стр. 32 слѣд. — J. Schmalz, N. Jahrb. f. Phil. u. Päd. 118, 588 слѣд.

преподаваніи новаго языка, — это существенная причина, почему ученики, обладающіе знаніемъ грамматики и большого запаса словъ, не приобрѣтаютъ навыка разговора, который быстро получаютъ дѣвушки, потому что у нихъ съ самаго начала бессознательное чувство языка имѣетъ болѣе правильныя условія для своей жизни. Конечно, эта цѣль не единственная и даже не главнѣйшая. Чувство языка больше всего основывается на образованіи слуха. Впечатлѣнія, полученныя чрезъ разговоръ, тверже остаются въ памяти, чѣмъ полученныя чрезъ чтеніе, такъ какъ при чтеніи не всегда можно достигнуть того вниманія, которое должно быть на лицо при разговорѣ; при разговорѣ слова медленнѣе проникаютъ въ память, но зато и не улетучиваются такъ скоро, какъ при чтеніи. Но эти упражненія также самымъ дѣйствительнымъ образомъ соединяютъ вмѣстѣ результаты прежнихъ упражненій въ переводѣ съ латинскаго языка и на латинскій. Учитель спрашиваетъ словами статьи перевода, и ученикъ прежде всего долженъ воспроизвести въ памяти этотъ вопросъ, слѣдовательно, онъ переводитъ съ латинскаго языка на родной. Теперь начинается процессъ его мышленія, и отвѣтъ онъ, естественно, прежде всего составляетъ на родномъ языкѣ и затѣмъ непосредственно переводитъ на латинскій языкъ. При этомъ онъ учится сравнительно свободно, по своему усмотрѣнію, примѣнять матеріалъ языка, который онъ въ связномъ видѣ встрѣчалъ въ обратномъ переложеніи и варьированіи. Также здѣсь рекомендуется, чтобы ученикъ близко придерживался оборотовъ и выраженій статьи для чтенія, такъ какъ ее онъ долженъ себѣ усвоить, ею долженъ научиться владѣть. Съ полнымъ успѣхомъ упражненія въ разговорѣ могутъ быть производимы только надъ связными статьями чтенія. При этомъ вовсе не второстепенное дѣло, чтобы въ продолженіе одного и того же урока были примѣнены, по возможности, всѣ формы вопросовъ и чтобы ученику были открыты новые взгляды на связь содержанія.

Перебрать всѣ эти способы объясненія текста вмѣстѣ или въ послѣдовательномъ порядкѣ, время едва ли позволить; однако учитель всегда долженъ помнить то, что для знанія ученика полезнѣе внутреннимъ образомъ понять матеріалъ чтенія, чѣмъ внѣшнимъ образомъ пробѣжать его. Если чтеніе ограничить малымъ количествомъ статей, то возможно будетъ такъ основательно ихъ обработать, что онѣ станутъ неотъемлемою собственностью большинства учениковъ. Рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи будетъ имѣть стремленіе къ приобрѣтенію достаточнаго запаса словъ. Къ сожалѣнію, въ этой области нѣтъ у насъ подробныхъ и методическихъ исследований, которыя могли бы помочь въ дѣлѣ составленія запаса словъ, повднѣ встрѣчающихся въ чтеніи. Въ настоящее время мы только то знаемъ, что имѣющіяся книги для чтенія слишкомъ мало удовлетворяютъ этой точкѣ зрѣнія и что потому заучивается много словъ, послѣ нигдѣ не примѣняемыхъ, тогда какъ масса словъ, встрѣчающихся въ чтеніи поэтовъ, остается для дѣтей совершенно неизвѣстною. Эту роскошь можно было допускать до тѣхъ поръ, пока устное и письменное употребленіе латинскаго языка въ жизненномъ обращеніи было цѣлью преподаванія. Въ нынѣшнее

время, когда цѣлью преподаванія латинскаго языка исключительно служить пониманіе литературы и всѣ упражненія въ языкѣ группируются около матеріала чтенія, много силы и времени тратилось бы напрасно, еслибы стали заучивать сборники словъ шестнадцатаго вѣка. Здѣсь настоятельно нужна помощь. Непринужденно и обыкновенно пріятнымъ для учениковъ способомъ, конечно, если не будетъ чрезмѣрнаго обремененія, запасъ словъ можетъ быть увеличенъ чрезъ запоминаніе отдѣльныхъ изреченій и, въ особенности, многочисленныхъ предложеній, такъ какъ здѣсь слова входятъ въ память неразрывными рядами. Также цѣлая статья чтенія можетъ быть заучена наизусть, при чемъ объясненіе должно позаботиться объ установленіи опоръ для сохраненія ея въ памяти. Такимъ образомъ заученныя статьи также вполне годятся для замѣны чтенія, когда онѣ произносятся наизусть логически правильно и съ соблюденіемъ благозвучія*).

16. Письменные упражненія.

Чтобы достигнуть полнаго владѣнія иностраннымъ языкомъ, нельзя обойтись безъ письменныхъ упражненій. То знаніе пріобрѣтается легче всего, которое тотчасъ же учатся примѣнять къ дѣлу, и никто вполне не понимаетъ того, чего онъ въ извѣстномъ смыслѣ не можетъ сдѣлать. Письменные упражненія могутъ быть только особымъ выраженіемъ устныхъ. Пишутъ сначала на классной доскѣ, чтобы тверже напечатлѣть образы иностранныхъ словъ; это происходитъ такъ послѣдовательно, что каждое новое слово пишется также на доскѣ. Тотъ же способъ необходимъ для переводовъ; они, насколько происходятъ на латинскомъ языкѣ, всѣ пишутся на классной доскѣ. Чтобы не слишкомъ тормозить ходъ преподаванія, эти упражненія можно производить такимъ образомъ, что, по окончаніи устнаго перевода, одному изъ учениковъ поручается получившійся переводъ написать на доскѣ. Такъ какъ другіе ученики въ это время остаются безъ дѣла, то учитель еще разъ въ вопросахъ обращаетъ вниманіе учениковъ на главные части написаннаго на доскѣ предложенія. Когда предложеніе написано до конца, то ученики смотрятъ на него и одинъ вызывается для исправленія ошибокъ, если таковыя окажутся. Пишущій ученикъ при этомъ ничего не теряетъ, такъ какъ работа его показываетъ, насколько онъ понималъ переводъ и дастъ случай къ объясненію ошибокъ. Молодые учителя легко впадаютъ въ ту ошибку, что забываютъ, что одинъ изъ учениковъ на доскѣ пишетъ и что онъ въ опредѣленное время долженъ кончить свою задачу. Они тѣмъ больше должны обращать на это свое вниманіе, что къ правильному выполненію работы принадлежитъ также поспѣваніе съ нею въ опредѣленное время. Дальнѣйшее продолженіе этихъ задачъ можетъ происходить такимъ образомъ, что, по окончаніи перевода, переложенія или варьированія нѣсколькихъ предложеній, учитель произноситъ слова на родномъ языкѣ

*) W. Fries, въ Pr. Eutin. 1881.

и ученики тотчасъ ихъ записываютъ. Это ограничивается однимъ или двумя предложеніями, которыя тотчасъ же, иногда учениками взаимно, исправляются и заносятся на доску.

Письменные упражненія ученика въ тетради могутъ только тогда начаться, когда онъ устно выполнѣ владѣетъ матеріаломъ и когда онъ получилъ устойчивыя и вѣрныя впечатлѣнія зрѣнія. При такомъ условіи безразлично, будутъ ли записи — диктанты латинскихъ предложеній или переводы устно произносимыхъ предъ учениками предложеній на латинскій языкъ. Тогда и для малыхъ учениковъ самыми правильными будутъ дѣйствительныя экстемпораліи, т. е. писанныя по устно произносимому тексту. Работа здѣсь та же, что ученикъ не задумываясь устно исполняетъ ежедневно и которую онъ на данномъ матеріалѣ выполнялъ уже до полного ознакомленія съ нимъ. Только потому, что неправильное мнѣніе имѣютъ о цѣли экстемпоралій въ настоящее время, выполнѣ ошибаются и въ способѣ веденія ихъ, и въ сужденіи о нихъ; и во всякомъ случаѣ не излишне будетъ этотъ вопросъ разъ навсегда здѣсь обсудить*).

Нашъ учительскій міръ во многихъ вопросахъ имѣетъ еще взгляды, которые предполагаютъ отношенія, опоздавшія на нѣсколько столѣтій. Такъ какъ школа временъ реформаціи письменное владѣніе латинскимъ языкомъ ставила существенною цѣлью образованія, то она принуждена была частыми упражненіями выработать этотъ навыкъ и съ полнымъ правомъ школьные планы Штурма требовали ежедневныхъ упражненій въ стилѣ**). Еслибы нынѣ дѣлали то же самое, то мы самымъ очевиднымъ образомъ доказали бы, что и въ настоящее время стремимся къ цѣлямъ прежнихъ временъ. Теперь уже никому въ голову не приходитъ выработку навыка въ письменномъ владѣніи латинскимъ языкомъ ставить цѣлью гимназическаго образованія, однако для насъ не совсѣмъ еще ясно, какое значеніе должно быть придано упражненіямъ въ латинскомъ стилѣ. Въ настоящее время они имѣютъ еще только то значеніе, чтобы сопровождать чтеніе и выражать и усиливать тотъ результатъ, который оно даетъ. Слѣдовательно, они учителямъ и ученикамъ показываютъ, что устные упражненія въ преподаваніи дѣйствительно дали тотъ результатъ, на который были разсчитаны, но они не могутъ имѣть своею цѣлью затверженіе изучаемаго въ устномъ преподаваніи. Незнаніе этого факта часто уже въ выборѣ матеріала ведетъ къ неправильностямъ; матеріалъ языка долженъ быть ученикамъ выполнѣ извѣстенъ, и это условіе можетъ быть соблюдено только тогда, когда онъ взятъ изъ чтенія. Но также примѣняемыя здѣсь грамматическія правила ученикъ долженъ выполнѣ знать, прежде чѣмъ его заставятъ самостоятельно ими пользоваться. Насколько этотъ пунктъ опускается изъ виду, доказываетъ обыч-

*) Ср. W. Fries, Das lat. Extemporale in Sexta въ Lehrproben u. Lehrgänge 1, 102 слѣд. — Perthes, Schriftl. Üb. im Anf. d. fremdspr. Unterr. въ N. Jahrb. f. Phil. u. Päd. 136, 509. — Bender, Extemporal. въ Gymn. 5, 369.

*) Sturm, Class. epist. 1. 1 ad stud. quotidie faciendum est aliquando etiam iterum atque iterum quotidie.

ная практика средних учебных заведений, по которой въ письменныхъ упражненіяхъ требуютъ примѣненія правилъ, пройденныхъ только на предыдущей недѣлѣ. Но достаточно ли для полнаго знанія грамматическихъ правилъ иностраннаго языка, — если классъ изъ 30, 40, 50 человекъ только одну недѣлю учился примѣнять ихъ, — правилъ, не рѣдко запутанныхъ. Нужно бы сдѣлать общеобязательнымъ правиломъ, что ранѣе не слѣдуетъ, требовать примѣненія извѣстныхъ грамматическихъ положеній въ письменныхъ упражненіяхъ, пока ученики въ продолженіе 3—4 недѣль въ школьномъ обученіи не упражнялись въ нихъ, — предполагая, что они ежедневно съ ними встрѣчаются. Оттого и происходятъ, въ большинствѣ случаевъ, столь неудовлетворительные результаты письменныхъ упражненій. Ничтожный результатъ экстемпораліямъ навязали именно постороннія по отношенію къ школѣ лица, потому что, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вышеозначенная ошибка особенно часто имѣла мѣсто и гдѣ, кромѣ того, опускали изъ виду, что экстемпоралии, какъ всякое учебное средство, должны имѣть свою опредѣленную границу, ничтожные результаты особенно рѣзко бросались въ глаза и дали себя почувствовать въ какомъ нибудь родительскомъ домѣ. Такой взглядъ у лицъ, непосвященныхъ въ эти вопросы, можетъ имѣть оправданіе*), но педагогія оттого не можетъ отказаться отъ необходимости проникнуть въ отношенія, лежащія въ основаніи такого явленія, и она не можетъ благотворное учебное средство устранить изъ-за того только, что имъ можно злоупотреблять.

Экстемпоралии имѣютъ свои границы въ двойномъ отношеніи. Прежде всего онѣ предъявляютъ мышленію и вниманію учениковъ большія требованія; онѣ требуютъ напряженія и быстро овладѣнія тѣмъ и другимъ, и равномѣрно могутъ быть контролируемы у всѣхъ учениковъ. Въ этомъ заключается ихъ воспитательное значеніе, такъ какъ чрезъ это ученики воспитываются и приучаются къ присутствію духа, которое по большей части есть дѣло привычки, и въ этомъ же главное дисциплинарное средство для воли. Говорятъ, что устное преподаваніе все это уже дѣлаетъ въ достаточной мѣрѣ, и частію это справедливо, но только частію. Письменное изображеніе матеріала перевода въ большей мѣрѣ внушаетъ ученику самообладаніе и приучаетъ къ сосредоточенію духа, чѣмъ устное преподаваніе. Кромѣ того, первая дѣятельность носитъ характеръ большей интенсивности, такъ какъ она къ устному знанію прибавляетъ еще умѣніе письменно изложить его. Но именно потому, что письменное изложеніе по произносимому тексту причиняетъ ученику большее напряженіе, оно должно быть коротко. Во второмъ классѣ крайняя мѣра времени для экстемпоралій 20—25 минутъ, но также и въ III классѣ она не можетъ быть больше 40 минутъ. Другая граница для этихъ упражненій заключается въ самомъ матеріалѣ, который они обрабатываютъ. Чтобы ученику овладѣть цѣлымъ предложеніемъ, онъ долженъ быть въ состояніи обозрѣть

*) Ср. Hirsch, Über schriftl. Übung d. Unterr. in d. fremd. Sprachen. Pr. Dorothe.-R. Berlin 1885.

его, но это уже невозможно, коль скоро начинается образование латинскихъ періодовъ. Чтобы рядъ предложеній (соединеніе нѣсколькихъ главныхъ предложеній съ придаточными) обратить въ латинскій періодъ, ученикъ долженъ имѣть ихъ въ текстѣ передъ собою, долженъ имѣть возможность спокойно представлять себѣ ихъ логическое отношеніе, такъ какъ онъ въ такомъ дѣлѣ нерѣдко будетъ ошибаться и только послѣ многократнаго опыта побѣдитъ трудности. Слѣдовательно, коль скоро начинается образование періодовъ, экстемпоралии уже неумѣстны и должны быть замѣняемы переводомъ по данному тексту. И здѣсь иногда еще можетъ быть примѣняемо это упражненіе, но подъ условіемъ исключенія образования періодовъ. Наконецъ, при составленіи экстемпоралій ученику должно еще оставаться время для спокойнаго просмотра и исправленія возможныхъ ошибокъ. Самый матеріалъ не можетъ быть слишкомъ далекій: его нужно брать изъ пройденнаго за послѣднюю недѣлю. Главная причина неудовлетворительности этихъ упражненій, далѣе, заключается въ томъ, что они представляютъ собою образцовыя собранія грамматическихъ ловушекъ, и то же самое нужно сказать о работахъ по записанному тексту. Но ученикъ не привыкъ къ такимъ хитростямъ въ латинскомъ языкѣ, какъ онъ по опыту учился ему, и также по большей части не имѣетъ силъ справиться съ такимъ конденсированнымъ упражненіемъ мышленія, такъ какъ въ другихъ случаяхъ учитель часто помогаетъ ему намеками.

Что касается способа диктованія экстемпоралій, то рекомендуется, чтобы учитель сначала медленно произносилъ все предложеніе, при чемъ всѣ ученики кладутъ перья изъ рукъ и смотрятъ на него. Затѣмъ для облегченія упражненія онъ дѣлаетъ имъ указанія, которыя въ секретѣ должны быть очень обильны. Здѣсь должно быть правиломъ — и это должно соблюдать также въ квинтѣ и квартѣ, — чтобы учитель повторялъ предложеніе въ меньшихъ его частяхъ, снова напоминая о связи отдѣльныхъ частей, указывая ученикамъ на трудности, которыя они должны преодолѣть (въ секретѣ онъ прежде всего заставляетъ построить предложеніе, устанавливаетъ родъ существительныхъ, образовываетъ корни словъ и пр., въ послѣдующихъ классахъ онъ кратко напоминаетъ о примѣняемыхъ правилахъ и т. д.). Только, когда ученики достаточно обдумали свою задачу, слѣдуетъ приказаніе: теперь пишите! Черезъ это достигается также то, что скоро вовсе не будетъ этихъ противныхъ ошибокъ; конечно, и въ устномъ преподаваніи должно держаться правила, что ученикъ сначала обдумываетъ, а потомъ говорить.

Когда экстемпоралии пишутся такимъ образомъ, то не будетъ несправедливымъ требованіе, чтобы онѣ принимались во вниманіе при оцѣнкѣ знаній ученика. Вѣдь, онѣ ничто иное, какъ запись результатовъ устнаго преподаванія, а послѣднему всѣми безъ спора придается значеніе при сужденіи о зрѣлости учениковъ. Слѣдовательно, насколько несправедливо сужденіе объ ученикѣ по экстемпораліямъ обыкновеннаго рода, настолько справедливо основывать это сужденіе на экстемпораліяхъ, методически руково-

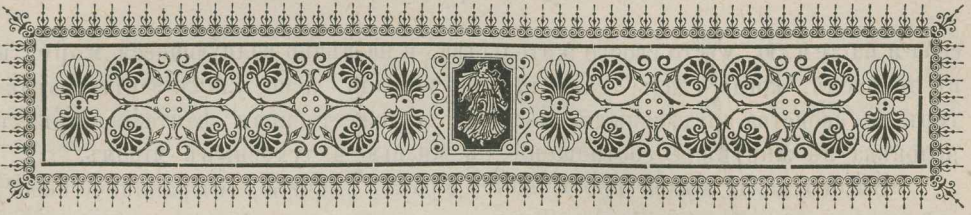
димыхъ. Доказательство владѣнія матеріаломъ преподаванія, которое учитель иначе можетъ получить только съ большою тратою времени на всѣхъ учениковъ равномѣрно, онъ здѣсь получаетъ въ короткое время, получаетъ сужденіе вѣрное, насколько это вообще можно сказать о человѣческомъ сужденіи, при чемъ, конечно, должны быть приняты во вниманіе случайныя уклоненія отъ устныхъ знаній съ разслѣдованіемъ ихъ причины и основанія.

Такъ какъ латинскія задачи, описаннымъ способомъ приготовляемыя, служатъ только пробою правильного веденія учителемъ преподаванія, то нѣтъ нужды задавать ихъ слишкомъ часто, но онѣ не должны быть и очень рѣдки, и можно принять за правило — задавать ихъ одинъ разъ въ недѣлю. О домашнихъ работахъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ ученики слишкомъ несамостоятельны и при распространеніи приватнаго обученія или совмѣстныхъ занятій, таковыя работы будутъ несамостоятельныя и потому безъ всякаго значенія.

Исправленіе происходитъ по основоположенію, чтобы оно интересовало всѣхъ учениковъ. При исправленіи учитель составляетъ списокъ чаще встречающихся ошибокъ и только таковыя дѣлаются предметомъ обсужденія; опущенныя изъ виду правила снова напоминаются и всюду такъ или иначе перебирается пройденный матеріалъ. Совсе негодныя работы переписываются снова, а въ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ поправки дѣлаются на поляхъ. Важнѣе то, чтобы забытыя и неправильно примѣненныя правила контролировались затѣмъ въ продолженіе недѣли, чтобы удостовѣриться, насколько твердо ученики ихъ усвоили. Чтобы предметъ объясненія былъ еще свѣжъ въ памяти, должно принять за правило — экстемпоралии исправлять на слѣдующій день послѣ ихъ подачи*).

*) Прекрасный образецъ исправленія см. у Fries, означен. соч. стр. 107 слѣд.

(Продолженіе будетъ).

Ed. Kammer.

ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ТОЛКОВАНІЯ НА ИЛІАДУ.

[Продолж. См. „Гимн.“ кн. L.]

II. Люди Гомера по первоначальной Иліадѣ.

1. Отношеніе къ силамъ природы. Небесныя силы.

Мѣстомъ дѣйствія для Иліады служитъ троянскій берегъ съ видомъ на безпредѣльное море, усѣянное множествомъ острововъ; на другой сторонѣ находится родная земля, откуда ахейцы, соединившись подъ однимъ знаменемъ, предприняли трудный и продолжительный походъ и куда переносились они мысленно, вспоминая о родинѣ и семьѣ. Этотъ народъ, отдѣльныя племена котораго получили впоследствии общее названіе еллиновъ, былъ богато одаренъ фантазіей, благодаря которой онъ искони считался художественно творческимъ народомъ. Благопріятная судьба переселила его изъ первоначальнаго мѣста жительства въ счастливый край, гдѣ стихійныя силы не устрашаютъ ума человѣка рѣзкими контрастами и не дѣйствуютъ на него усыпляющимъ или угнетающимъ образомъ; напротивъ, гдѣ веселой переменой временъ года онъ приносятъ съ собой и способствуютъ развитію въ человѣкѣ добраго настроенія, чувства жизнерадостности и творческой дѣятельности, гдѣ блескъ неба и прозрачный воздухъ не омрачаютъ яснаго взора и не удерживаютъ стремительнаго полета мыслей. Умѣренность въ проявленіи стихійной власти, разнообразіе страны и почвы способствовало тому, что въ народѣ рано развилась счастливая равномерность въ образѣ жизни, сердечныхъ побужденій, въ стремленіи ума, религіи и правахъ. Богатство и роскошь земли и моря, вѣчно ограждая дѣятельную фантазію отъ гнета, давали ей кипучую жизнь. Народъ обращалъ вопросительный взоръ къ небеснымъ силамъ, которыя окружаютъ человечество съ самаго начала и сопровождаютъ его до конца жизни, къ небесному своду съ его солнцемъ, луной и звѣздами, которыя приносятъ на землю утро, божественный день и божественную ночь и производятъ перемѣну временъ года. Народъ смотрѣлъ внимательнымъ взоромъ вокругъ

себя и на землю, мѣсто своего жительства, и на вѣчно волнующееся море, и въ то время, когда глазъ, какъ вѣрное зеркало, ясно улавливаетъ характеръ и свойства отдѣльныхъ явленій, художественная фантазія ставитъ человѣка въ живѣйшее соотношеніе съ жизнью и духовнымъ міромъ.

Высоко надъ землей простирается Уранъ, „вѣчное, безграничное небо“, усыянное множествомъ звѣздъ. Тамъ живутъ боги въ вѣчномъ, лучезарномъ воздухѣ — „эѳирѣ“, который обтекаетъ небесный сводъ, между тѣмъ, какъ атмосфера — „аэръ“ — окружаетъ жилища людей. Небесныя свѣтила, двигаясь по небу съ востока на западъ, погружаются въ холодныя волны океана; онѣ приносятъ человѣку свѣтъ, встрѣчаемый людьми съ радостью и восторгомъ; напротивъ, облако, распространяющее тьму и приносящее бурю, возбуждаетъ ужасъ.

... Когда, перуновъ носитель Кроніонъ
Ододвигаетъ отъ вершины тяжелую тучу,
Вдругъ все кругомъ открывается, холмы, высокія скалы,
Доли; небесный эѳиръ разверзается весь безпредѣльный. (XVI, 296.)
... Пастырь, завидя черную
Тучу, гонимую надъ моремъ вѣтромъ Зефиромъ,
Въ страхѣ торопится быстро загнать скотъ въ пещеру. (IV, 275.)

На солнцѣ человѣкъ смотритъ съ благодарностью во взорѣ, потому что для него жить значитъ видѣть солнечный свѣтъ.

Блескъ и сила огня также влекутъ его къ себѣ, причемъ, смотря на огонь, онъ сознаетъ свое безсиліе и въ тоже время эстетически наслаждается его яркимъ свѣтомъ (II, 455; XVIII, 207; XIX, 375; XII, 493; XI, 158). „Быстро наступающая Ночь приноситъ въ даръ утомленному человѣку укротителя сердечныхъ тревогъ, все умиряющій сонъ. Ночь разлиываетъ благотворную росу, освѣжающую изнуренные дневнымъ зноемъ поспѣвы, подобно тому, какъ счастье согрѣваетъ душу; къ радости ночующихъ въ полѣ пастуховъ Ночь зажигаетъ на небѣ мѣсяцъ и звѣзды, петушкинѣющія вслѣдствіе южнаго воздуха даже при блескѣ луны, кроткой сестры дневного свѣтила.“

... Словно какъ звѣзды
Съ яснымъ мѣсяцемъ ярко блестятъ, когда воздухъ безвѣтренъ,
Такъ пылали несчетно костры во вражескомъ станѣ. (VIII, 555.)

Человѣкъ съ удовольствіемъ смотритъ на эти привѣтливые огоньки ночи, которые особенно ярко блестятъ осенью, омывшись въ волнахъ океана (ср. V, 5 сл.); и, смотря по тому, возвѣщаютъ ли они свсимъ восходомъ жару и, слѣдовательно, тяжкія болѣзни или, какъ неугасимые маяки, освѣщаютъ путнику дорогу, ихъ ставили въ соотвѣтственное отношеніе къ явленіямъ человѣческой жизни. Когда Ахиллесъ стремительно бѣжитъ по полю сраженія, чтобы помѣряться силами съ Гекторомъ, Пріамъ, со страхомъ слѣдящій за ходомъ сраженія, первый замѣчаетъ бѣгущаго героя и сравниваетъ его со звѣздой, которая восходитъ подъ осень и которую люди называютъ псомъ Оріона; отличаясь блескомъ и красотой отъ другихъ звѣздъ, она возвѣщаетъ людямъ страшныя болѣзни (XXII, 26). Гекторъ, появляющійся въ сраженіи то въ переднихъ, то въ заднихъ рядахъ войска, сравни-

вается съ вредоносной яркой звѣздой, то показывающейся изъ-за облака, то снова скрывающейся въ темной тучѣ (XI, 62). Точно также и блестящія одежды, различныя принадлежности боевыхъ доспѣховъ сравниваются со звѣздами. Но особенно это сравненіе подходитъ къ цвѣтущему здоровьему младенцу, еще покоющемуся на груди у кормилицы, сыну Ректора — Астіанаксу:

.... Младенецъ подобный звѣздѣ лучезарной. (VI, 401.)

Прекраснѣйшими изъ звѣздъ считаются „вечерняя звѣзда“, появляющаяся предъ наступленіемъ ночи, и „утренняя звѣзда“ — предвѣстница свѣта и зари, поднимающейся надъ моремъ въ пурпурномъ одѣяніи (XXIII, 226).

Какъ часы дня и ночи, такъ и „приносящій исполненіе желаній“ новый годъ съ его смѣняющимися другъ друга временами года зависитъ отъ движенія „въ пути неустаннаго“ солнца (XVIII, 239, 484; XIX, 32). Перемена временъ года не имѣетъ значенія въ Илиадѣ. На сѣверѣ времена года вліяютъ на состояніе души человѣка, принося съ собой то радость и веселіе, то грусть и уныніе; но въ южныхъ странахъ времена года не отличаются другъ отъ друга, какъ у насъ, рѣзкими контрастами: тамъ и зимой не увидишь прозрачныхъ деревьевъ, таинственно простирающихъ свои обнаженныя вѣтви; тамъ круглый годъ земля утопаетъ въ блескѣ и зелени. Порядокъ временъ года опредѣляется преимущественно порядкомъ жатвы плодовъ и смѣняющимися работами на лугахъ, нивахъ и въ виноградникахъ. Такъ изображены весна, лѣто, осень и зима и на щитѣ Ахиллеса, скованномъ божественнымъ мастеромъ — Гефестомъ. Въ странѣ обильной горами и ручьями сильнѣе другихъ временъ года ощущается приближеніе весны, когда потоки, вздувшись отъ дождей и снѣговъ, съ ревомъ несутъ свои воды въ долину, когда вскрывшійся ручей ломаетъ мосты, размываетъ дюны и, не встрѣчая препятствія, разливается въ полѣ, уничтожая работы „юношей красныхъ“ и вырывая на своемъ пути древніе дубы и сосны (IV, 452; V, 88; XI, 492). Эти элементарныя явленія глубоко врѣзываются въ память человѣка и становятся какъ бы прообразомъ дикой и неукротимой силы человѣческой страсти.

„Жить“ значить не только видѣть солнечный свѣтъ, но также видѣть и землю, потому что земля вмѣстѣ съ солнцемъ есть самая важная стихія для человѣка. Земля даетъ жизнь, питаетъ людей, производитъ имъ плоды, вино и хлѣбъ; жители ея зовутся просто „поѣдающими хлѣбъ“ людьми.

Послѣ земли дѣятельность и фантазія человѣка болѣе всего возбуждаются моремъ; по его „влажному пути“ плыветъ „мореходный, многовесельный“ корабль, чтобы соединить между собою отдаленныя страны. На берегу сидитъ человѣкъ и смотритъ вдаль на „божественное, немолчно шумящее“ море. Волны, мѣняя свой цвѣтъ сообразно съ солнцемъ и освѣщеніемъ, принимаютъ то сѣрый, то синій, то блестящій оттѣнокъ (XVI, 34). Какъ теперь, такъ и за тысячу лѣтъ сидѣлъ человѣкъ на берегу, любясь вѣчной игрой волнъ шумнаго моря, когда онѣ съ ревомъ разбиваются о берегъ, или внезапно налетѣвшій вихрь взволнуетъ морскую пучину (II, 209; XI, 297).

Любовь гомеровскаго человѣка къ морю высказывается во множествѣ прекрасныхъ картинъ. Здѣсь возвышается надъ моремъ скала вѣчно омываемая волнами, привносимыми къ ней южнымъ вѣтромъ. Тамъ, гонимыя западнымъ вѣтромъ, идутъ къ гремучему берегу волны, гряда за грядой; сначала онѣ едва поднимаются, потомъ растутъ все больше и больше, пока, наконецъ, не разбиваются съ шумомъ о берегъ, оставляя на землѣ соленую пѣну (XV, 422): „Также надвигались ахейцы толпа за толпою“ (XI, 305). Буря нераздѣльна отъ морской волны, также какъ и человѣческое сердце, волнуемое житейскими бурями, не знаетъ покоя, и поэтому съ давнихъ поръ признается это сходство между бурнымъ моремъ и взволнованнымъ сердцемъ; слова: волноваться, бушевать, кипѣть — одинаково употребляются какъ относительно моря, такъ и относительно сердца (XXI, 551). Скорбь, овладѣвшая сердцами ахейцевъ вечеромъ послѣ неожиданнаго пораженія, сравнивается съ двумя бурями вѣтровъ Борея и Зефира, которые, вдругъ пронсясь отъ Фракіи надъ поверхностью многорыбнаго моря, высоко вздымаютъ темныя волны (IX, 4). И ужъ, конечно, не вслѣдствіе какого нибудь вишняго или случайнаго побужденія, а единственно вслѣдствіи внутренняго стремленія огорченнаго сердца, Ахиллесъ послѣ нанесеннаго ему оскорбленія покидаетъ товарищей и отправляется на берегъ пустыннаго моря, чтобы тамъ вдали отъ всѣхъ, смотря на безпредѣльное пространство, облегчить свое горе слезами (I, 348). Тотъ же самый Ахиллесъ, въ ночь передъ погребеніемъ друга, ищетъ покоя не въ палаткѣ, а подъ открытымъ небомъ, гдѣ спятъ его товарищи, на берегу моря, гдѣ волны съ шумомъ разбиваются о камни.

2. Царство животныхъ.

Также и на одушевленную природу, на все царство звѣрей человѣкъ смотритъ яснымъ, открытымъ взглядомъ, вѣрно и опредѣленно схватывая характеръ и особенности каждой породы.

Во главѣ дикихъ животныхъ стоитъ левъ, царь звѣрей, который въ то время былъ еще въ Греціи страшнымъ гостемъ уединенныхъ пещеръ, заставляя людей и собакъ сторожить стада въ ночную пору:

Словно какъ жаднаго льва отъ загона воловъ тяжконогихъ
Гонять сердитые псы и отважные мужи селяне,
Звѣрю они не дающіе тука отъ стада ихъ похитить;
Цѣлую ночь они стерегутъ ихъ, а онъ наслаждается жадный,
Мечется прямо; но тщетно ярится: изъ рукъ дерзновенныхъ
Съ шумомъ летятъ, устремленному въ срѣтенье, частыя копы,
Главни горячія: ихъ устрашаетъ онъ и свирѣпый
Съ свѣтомъ зари удаляется, сердцемъ печальнѣй:
Такъ Теламонидъ вспать отошелъ... (XI, 548—557)

(XI, 548). Человѣку левъ представляется именно благороднымъ существомъ; онъ не можетъ достаточно нахвалиться его страшной силой, упрямствомъ, дикой яростью, съ которой онъ нападаетъ на человѣка, вырывая могущественной лапой его оружіе, его страшными морщинами, образующимися на лбу, особенно если онъ защищаетъ своихъ дѣтенышей (XVII 132).

Также и другія животныя боятся льва и, по возможности, избѣгаютъ борьбы, вступая въ бой только въ крайнемъ случаѣ; такъ, при его приближеніи хищные шакалы скрываются въ темной дубравѣ, оставляя ему безъ борьбы свою добычу (XI, 477). Кромѣ льва охотились также за страшной пантерой (XXI, 573), за хищнымъ волкомъ, когда онъ съ окровавленной мордой бѣжитъ съ другими волками къ источнику и тонкимъ языкомъ лакаетъ воду, отрывая кровью растерзаннаго оленя (XVI, 156); но больше всего охотились за дикой свиньей: окруженная собаками и охотниками она продирается изъ лѣсной чащи, точа свои клыки.

Изъ домашнихъ животныхъ гордый, смѣлый конь составляетъ особѣмъ особенный предметъ образной фантазіи. Въ этомъ отношеніи особенно хороша картина, въ которой Парисъ, отправляющійся послѣ долгаго бездѣлья на поле сраженія, сравнивается съ застоявшимся въ стойлѣ конемъ, который, оборвавъ привязь, гордо несется къ широкотекущему потоку; высоко держитъ онъ голову; грива бьетъ его по бедрамъ; гордясь своей красотой, мчится онъ къ знакомымъ источникамъ (VI, 506). Также и Ахиллесъ, стремительно бѣгущій чрезъ поле сраженія, приравнивается къ коню съ колесницей; бѣгущій Гекторъ и преслѣдующій его Ахиллесъ сравниваются съ двумя конями, состязающимися за большой призъ въ быстротѣ бѣга (XXII, 162).

Изъ другихъ животныхъ въ Илиадѣ являются: чуткая, неумолимая охотничья собака; овцы, непрестанно блеющія при доеніи (II, 432); терпѣливый и неповоротливый оселъ (XI, 558); яремные мулы, задыхающіеся подъ тяжестью ноши, которую они поднимаютъ по горной тропинкѣ (XVII, 742); робкій олень. Изъ птицъ встрѣчаются: орелъ, отличающійся быстротой полета и зоркимъ зрѣніемъ; онъ съ высоты видитъ спокойно лежащаго подъ кустомъ зайца и, какъ молнія, спускается на свою жертву (XVII, 674; XV, 690; XXII, 308); хищныя птицы, которыя растерзываютъ тѣла умершихъ, дико размахивая крыльями, быстрый соколъ и ястребъ (XVIII, 616); стаи дикихъ гусей, журавлей и утокъ, собирающіяся передъ отлетомъ на берегу рѣки Каистра (II, 459); стаи дроздовъ и скворцовъ, разлетающіяся при приближеніи ястреба; робкій голубь, съ жалобнымъ крикомъ бросающійся въ разныя стороны, чтобы спастись отъ своего лютаго врага — ястреба (XXII, 139). Кромѣ того въ Илиадѣ упоминаются прожорливыя рыбы, то появляющіяся на поверхности воды, то снова исчезающія въ глуби (XXI, 126); дельфинъ, разгоняющій рыбу (XXI, 25); ядовитый змѣй, имѣющій способность свертываться въ клубокъ; саранча, въ страхѣ разлетающаяся отъ огня: все выражено очень сжато, но всегда ясно и опредѣленно.

Вполнѣ понятно, что человѣкъ относился къ царству животныхъ иначе, чѣмъ къ великимъ небеснымъ силамъ, которыя обусловливаютъ его жизнь; вѣдь, онъ также не долговѣченъ, какъ и животныя; онъ видитъ, какъ они живутъ рядомъ съ нимъ, растутъ и умираютъ.

Въ Илиадѣ мы находимъ не одинъ глубоко трогательный примѣръ того участія, съ которымъ человѣкъ относится къ животнымъ. Въ этомъ отноше-

ни особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее описаніе: левъ врывается въ логовище оленя и разрываетъ своими крѣпкими зубами находящихся тамъ дѣтенышей; вблизи стоитъ мать ихъ и, сознавая свое безсиліе, смотритъ, какъ истребляются ея дѣтеныши; наконецъ, ею овладѣваетъ страхъ и она, преслѣдуемая львомъ, исчезаетъ въ лѣсной чащѣ (XI, 113 сл.). Чувство состраданія, вызываемое въ душѣ человѣка этой картиной, заставило автора описать ее не въ примѣрѣ прочимъ подробно. Ахиллесъ, рыдающій надъ трупомъ Патрокла, сравнивается съ львицей, у которой охотникъ похитилъ дѣтей; найдя свое логовище пустымъ, животное въ ярости рыщетъ по ложбинѣ, отыскивая слѣдъ охотника. Въ XXII пѣснѣ (ст. 132 сл.) Аяксъ, защищающій трупъ Патрокла, сравнивается также съ львицей, которая, проводя своихъ дѣтенышей черезъ лѣсное ущелье, натывается на охотника. Забывая собственную опасность, разъяренное животное выступаетъ впередъ, чтобы защитить своихъ малютокъ.

Но не только могучій левъ, но и другія мелкія животныя не отступаютъ предъ сильнѣйшимъ врагомъ, если опасность угрожаетъ ихъ дѣтенышамъ. Воробей съ жалобнымъ пискомъ вѣтается около гнѣзда, въ которомъ страшная змѣя поѣдаетъ его восьмерыхъ птенцовъ, пока и самъ не становится жертвой лютаго врага (II, 308). Самоотверженіе и безпредѣльность материнской любви не можетъ быть лучше выражена другимъ примѣромъ изъ жизни животныхъ, какъ тѣмъ, который приводится поэтомъ въ IX пѣснѣ (ст. 323 сл.): птица несетъ найденный кормъ птенцамъ, несмотря на то, что сама она голодна; здѣсь мы видимъ, что человѣкъ находитъ въ животныхъ чувства, соотвѣтствующія его собственнымъ, и поэтому относится къ нимъ съ живымъ сочувствіемъ.

3. Сравненія Гомера.

Подобныя сравненія мы найдемъ также и въ другихъ сферахъ и всегда съ тою же мягкостью и нѣжностью: напр., красивый, мужественный станъ сравнивается съ стройно и прямо растущимъ деревомъ (XVIII, 56).

Эти картины изъ жизни природы и животнаго царства приведены здѣсь не только ради ихъ самихъ, но главнымъ образомъ потому, что онѣ, будучи употреблены всегда какъ аллегоріи, составляютъ характерную черту поэмы: въ нихъ авторъ вложилъ все свое міросозерцаніе.

Необычайныя происшествія, о которыхъ рассказываетъ авторъ, становятся понятнѣе для слушателя чрезъ сравненіе ихъ съ подобными же явленіями изъ окружающаго и, слѣдовательно, болѣе знакомаго міра. Поэтому-то аллегоріи и встрѣчаются больше всего въ тѣхъ мѣстахъ эпоса, гдѣ дѣйствіе быстро подвигается впередъ; напротивъ того, въ разговорахъ эти сравненія попадаютъ очень рѣдко, за исключеніемъ рѣчей Ахиллеса, что объясняется особенностью его характера (IX, 323; XXI, 282; XXII, 262).

Но эпическое произведеніе должно избѣгать этого прекраснаго украшенія героическаго разсказа, такъ какъ въ немъ дѣйствіе принимаетъ ровное и спокойное теченіе и замыкается въ рамкахъ гражданскаго быта. Уже

Одиссея существенно отличается отъ Иліады въ употребленіи метафоръ, а Гете въ поэмѣ „Германъ и Доротея“, за исключеніемъ двухъ случаевъ, намѣренно избѣгаетъ ихъ употребленія. Въ Энеидѣ Вергилія метафоры не самобытны, а заимствованы, точно также, какъ и все произведеніе имѣетъ только по виду характеръ героическаго произведенія. Также и нѣмецкому эпосу метафоры мало свойственны; напр., въ Нибелунгахъ ихъ можно найти только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Поэтому метафора первоначально зародилась на почвѣ гомеровскаго эпоса и свойственна только этому роду поэзи.

Уже по употребленію сравненій необходимо признать фантазію автора Иліады фантазією необыкновенною, неистощимою, замѣчательною по своей художественности и образности. Для нагляднаго изображенія того или другаго предмета, о которомъ поэтъ рассказываетъ, есть всегда наготовѣ картина изъ окружающаго міра, иногда поразительная по своей простотѣ и осязательности, но именно вслѣдствіе этого такъ сильно дѣйствующая на читателя. Желая изобразить въ Аяксѣ въ одно и тоже время беспокойный, воинственный духъ и упрямую настойчивость, авторъ прибѣгаетъ къ двумъ картинамъ: льва и осла и, сообразуясь съ характеромъ этихъ животныхъ, ставитъ ихъ въ соотвѣтствующее положеніе.

Но поэтическое сравненіе можетъ и не согласоваться съ предметомъ сравненія во всѣхъ частяхъ; только тотъ моментъ долженъ быть рѣзко выдѣленъ, для котораго, собственно, и приведено сравненіе, для того, чтобы представить его вполне образно и наглядно: это и есть *tertium comparationis*, понятіе общее предмету и сравненію: напр., троянь, идущихъ на поле сраженія съ громкимъ и нестройнымъ говоромъ нарѣчій, и стадо блеющихъ овецъ соединяетъ, какъ *tertium comparationis*, смѣшанный шумъ голосовъ; въ предметѣ сравненія дѣло идетъ о людяхъ, въ самомъ же сравненіи объ овцахъ. Если *tertium comparationis* найдено ясно и опредѣленно, то сравненіе можетъ заключать въ себѣ соотвѣтственное описаніе подробностей, хотя бы оно не іота въ іоту совпадало съ описаніемъ предмета. Темныя, страшныя толпы воиновъ Аякса находятъ себѣ олицетворяющую картину въ темной, грозной тучѣ. Страхъ пастуха, скрывающаго свое стадо въ пещерѣ, составляетъ черту, характеризующую еще болѣе опасность тучи, а между тѣмъ въ самомъ предметѣ нѣтъ ничего, что бы соотвѣтствовало этому страху. — Аяксъ, настойчиво отражающій нападенія троянь, сравнивается, какъ уже было сказано выше, съ осломъ. Поэтъ рисуетъ намъ слѣдующую картину: упрямый оселъ заходитъ въ засѣянное поле; несмотря на удары дѣтей, онъ продолжаетъ ѣсть хлѣбъ, и только, когда животное наѣлось, удается, наконецъ, дѣтямъ, и то съ большимъ трудомъ, выгнать его изъ поля. Здѣсь видно, какъ сравненіе выражено „съ поразительною ясностью и задушевностью“ (Гете, „Путешествіе по Италіи,“ 17 мая 1787), а это опять таки и есть то, отъ чего существенно зависитъ поэтическая красота сравненія. Аяксъ имѣетъ съ осломъ общаго одну только настойчивость, въ остальномъ картина и предметъ расходятся совершенно. Безпокойство, которое волнуетъ ахейцевъ, находитъ себѣ соотвѣтствующую картину въ двухъ про-

тивоположныхъ вѣтрахъ, одновременно волнующихъ морскую пучину; бурное состояніе моря въ высшей степени характерно изображается выбрасываніемъ морской пѣны, въ предметѣ же нѣтъ ничего соотвѣтствующаго этому описанію.

Авторъ, хотя и выбираетъ для своихъ картинъ преимущественно явленія изъ жизни животнаго царства и явленія природы, но не ограничивается этой областью. Хочетъ ли, напр., авторъ наглядно представить непрерывность убійства среди троянъ и ахейцевъ, нападающихъ другъ на друга, онъ беретъ за олицетворяющую картину рабочихъ, жнущихъ въ полѣ богача ячмень или пшеницу; жнецы гонятъ полосу, ставъ на противоположныхъ концахъ нивы, такъ что колосья падаютъ на колосья (XI, 67). И здѣсь также сравненіе соотвѣтствуетъ общему характеру предмета, но въ подробностяхъ идетъ своей дорогой. Или, напр., нужно опредѣлить время, когда ахейцы начали побѣждать троянъ: „это случилось тогда“, говоритъ поэтъ, „когда дровосѣкъ готовитъ свой обѣдъ, послѣ того, какъ его руки устали рубить дрова и онъ ощутилъ потребность утолить голодъ“ (XI, 86). Неизмѣнность разстоянія, отдѣляющаго Одиссея отъ бѣгущаго предъ нимъ Аякса, олицетворяется поразительно нагляднымъ сравненіемъ съ ткацкой цѣвкой, которую ткачиха постоянно бросаетъ на одинаковое разстояніе отъ своей груди (XXIII, 760). Авторъ беретъ также свои картины изъ растительнаго царства и неодушевленной природы, если онѣ соотвѣтствуютъ его цѣлямъ. Яркій блескъ шлема и щита сравнивается съ только что выпавшимъ снѣгомъ, принесеннымъ Бореємъ, сѣвернымъ вѣтромъ; собраніе, взволнованное предложеніемъ Агамемнона, — съ нивой, шумно волнующейся подъ дыханіемъ Зефира; грозный голосъ Ахиллеса — съ гремящимъ звукомъ трубы, которая была извѣстна уже въ то время, хотя и не употреблялась еще для одушевленія войска передъ боемъ. — Герои Одиссей и Аякъ при поединкѣ схватываютъ другъ друга и стоятъ такъ, крѣпко держа каждый своего противника; конечно, очень просто, но за то крайне характерно то сравненіе, которое поэтъ приводитъ въ этомъ случаѣ:

Словно стропила, которыя въ кровлѣ высокаго дома.

Умный строитель смыкаетъ, въ отпору насильственныхъ вѣтровъ. (XXIII, 712 сл.)

Въ одномъ мѣстѣ Гомеръ беретъ для своей картины явленіе изъ міра недѣйствительнаго: Ахиллесъ не можетъ догнать бѣгущаго Гектора, точно также какъ Гекторъ не можетъ спастись отъ своего преслѣдователя; тщетность усилій того и другаго олицетворяется картиной изъ міра сновидѣній: во снѣ преслѣдующій не можетъ догнать бѣгущаго, точно также какъ этотъ послѣдній не можетъ скрыться отъ своего врага (XXII, 199). Несмотря на то, что эта картина взята изъ міра невещественнаго, она въ высшей степени наглядна и осязательна.

Сравненія употребляются въ разсказахъ для того, чтобы олицетворять или внѣшнія и внутреннія движенія массы, или душевныя побужденія, опредѣляющія поступки отдѣльныхъ лицъ. Какъ народъ идетъ на собраніе, какъ онъ выражаетъ свое согласіе или неудовольствіе, какъ войско высту-

пасть на поле сраженія, возбужденное состояніе страстей, дико выражающееся шумомъ: все это наглядно изображается хорошо знакомыми картинами изъ окружающаго міра. Съ другой стороны, сравненія служатъ для того, чтобы наглядно представить состояніе души, когда она исполнена радости или погружена въ скорбь и заботу. Напр., роса, освѣжающая ниву, олицетворяетъ радость, согрѣвающую сердце Менелая; а для изображенія взволнованной души служить, естественно, соотвѣтствующей картиной море, взволнованное бурей (XXIII, 598; IX, 4). Но всетаки творческая сила поэта преимущественно неистощима въ изобрѣтеніи сравненій для тѣхъ поступковъ и положеній героевъ, которые поражаются страстью или, вообще, какимъ нибудь движеніемъ души. Въ самой природѣ предметовъ сравненія коренится необходимость, чтобы картины не были отвлеченнаго характера, если авторъ хочетъ, чтобы онѣ соотвѣтствовали его цѣлямъ. Сравненіе подобное слѣдующему: „онъ полетѣлъ съ быстротой мысли“, уже не принадлежитъ къ вещественному міру и не имѣетъ ничего общаго съ наглядностью картинъ Гомера.

4. Отношеніе челоѣка къ природѣ.

Относились ли еллины къ природѣ съ тѣмъ сантиментальнымъ чувствомъ, съ которымъ относятся къ ней современные люди, вопросъ спорный. Еще въ древній періодъ бывали такія времена и эпохи съ новыми идеями и стремленіями, кои дѣлали этотъ періодъ болѣе близкимъ нашему духовному міру, чѣмъ міру Гомера; здѣсь можетъ быть рѣчь только о людяхъ эпохи Гомера въ первоначальной Иліадѣ.

Что они не были въ дикомъ состояніи, когда челоѣкъ видитъ въ окружающей природѣ только пользу или вредъ, несомнѣнно по тому пониманію явленій внѣшняго міра, которое обнаруживается въ сравненіяхъ. Но напередъ отрицать въ нихъ способность искренно наслаждаться природой только потому, что они еще и не стояли на высокой степени развитія и образованія, также несправедливо, какъ невозможно требовать отъ нихъ сантиментальнаго созерцанія природы, свойственнаго нашему вѣку. Равнымъ образомъ неестественно видѣть недостатокъ ребенка въ томъ, что ему чужды и непонятны чувства и стремленія, волнующія сердце юноши. Челоѣка эпохи Гомера можно сравнивать съ ребенкомъ въ томъ отношеніи, что оба они не чувствуютъ въ себѣ несогласія, ихъ душа и тѣло составляютъ еще гармоничное цѣлое. Древній челоѣкъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ среди обширнаго внѣшняго міра; съ благоговѣніемъ обращалъ онъ свой взоръ къ небу, гдѣ обитали его боги, дарящіе свѣтъ и опредѣляющіе судьбу челоѣка; сознательнымъ и яснымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на землю и море; предъ нимъ еще не открылся міръ духовнаго развитія, духовной свободы. Но его природный поэтический гений, его любовь къ равенству между людьми съ раннихъ поръ охраняли его отъ эгоистической жизни дѣйствительнаго ребенка. Челоѣкъ относился къ окружающему міру сознательно, стараясь постичь и оформить отдѣльныя явленія природы: это доказываетъ его любовь къ нимъ и въ

тоже время вѣрность поэтического взгляда, потому что онъ оставлялъ ихъ самостоятельно дѣйствовать около себя и сознавалъ ихъ особенности и свойства.

Его искренняя любовь и знаніе природы высказывается въ тѣхъ прекрасныхъ эпитетахъ, въ которыхъ характеръ и свойства каждаго предмета очерчены такъ вѣрно, что эти эпитеты удержали свое значеніе для всѣхъ временъ. Матерія сама по себѣ не интересуется человѣка: онъ всегда занятъ дѣломъ, какъ оно представляется пластически и какъ дѣйствуетъ сообразно со своимъ характеромъ. Выраженія „божественный день“ и „божественная ночь“, „божественный эфиръ“ и „божественный человѣкъ“ и то, какъ онъ понималъ эти и подобныя явленія, — все это доказываетъ серьезность и глубину его религіознаго чувства. Пластическое направленіе древняго человѣка, вслѣдствіе котораго онъ стремился, выдѣливъ отвлеченное, дать всему образъ и форму, очевидно изъ его созерцанія природы. Но онъ идетъ еще далѣе: внутреннія силы, управляющія различными явленіями природы являются предъ нимъ въ образѣ живыхъ существъ, характеръ которыхъ опредѣляется характеромъ явленій. Въ солнцѣ онъ видитъ бога, дарующаго свѣтъ людямъ и безсмертнымъ богамъ, въ утренней звѣздѣ — богиню Эось въ пурпурномъ одѣяніи, и это стремленіе дать всему живой образъ, разъ пробужденное, стало источникомъ всѣхъ многочисленныхъ боговъ, олицетворявшихъ собою мрачныя и свѣтлыя формы явленій природы. Эти свойства природы, заключенныя въ опредѣленное пластическое выраженіе, охраняли отъ всего субъективнаго и произвольнаго въ созерцаніи природы.

Такъ природа заявляла, что она живетъ рядомъ съ человѣкомъ самостоятельною жизнью, и никогда не принимала участія въ его радостяхъ и печаляхъ. Ахиллесъ, оскорбленный поступкомъ Агамемнона и пораженный смертью друга, отправляется въ горѣ на морской берегъ, но спокойный рассказъ самого автора показываетъ, что это было сдѣлано инстинктивно; но въ этомъ инстинктивномъ стремленіи коренится зачатокъ сознательнаго стремленія человѣка къ природѣ, какъ къ существу, способному раздѣлять его чувства.

Однако человѣкъ Гомера въ томъ отношеніи здоровъ и простъ душой, что онъ еще не знакомъ съ чувствомъ тоски о природѣ. Жизнь его не проходитъ дома или за книгами: большую часть дня онъ бываетъ на воздухѣ, среди самой природы, ласкающей его слухъ тысячею разнообразныхъ голосовъ. Какъ могъ этотъ человѣкъ, при ежедневномъ столкновеніи съ природой, тосковать по ней или ожидать отъ нея подкрѣпленія и изцѣленія, которыя стремится найти на лонѣ природы современный человѣкъ, утомленный жизнью и дневными тревогами! Твердо и увѣренно стоялъ онъ на почвѣ чувственной жизни и не зналъ потребности теряться съ своими мыслями въ безпредѣльномъ пространствѣ, завидуя птицѣ, свободной — летящей, куда хочетъ.

5. Человѣкъ Гомера.

Человѣкъ Гомера — почка человѣчества, которая хотя и имѣетъ уже въ себѣ всю красоту и великолѣпіе, но тщательно замыкается въ самой себѣ. Духовный взоръ, полный предчувствія, смотритъ на эту богатую, еще сокрытую

силу, точно также какъ цвѣточная почка таинственно осматривается прежде, чѣмъ развернуться пышной розой. Человѣкъ Гомера — это чисто пластическій человѣкъ, подмѣчающій все существенное, — въ которомъ нѣтъ еще субъективнаго и произвольнаго элемента. Такъ какъ скульптура является идеальнѣйшимъ искусствомъ, потому что изображаетъ, несмотря на хрупкость матеріала, изъ котораго она творитъ, вѣчныя чистѣйшія формы, то еллины являются самымъ художественнымъ народомъ, потому что они преимущественно одарены пластической способностью; и изъ всѣхъ изваяній этого народа самымъ великимъ созданіемъ является опять таки человѣкъ Гомера, такъ какъ онъ наиболѣе совершенно передаетъ первоначальныя формы человѣческой природы. Человѣкъ Гомера — это первоначальный носитель истинно-художественной формы человѣка, пока образованіе и духовная культура не начала еще сокращать или увеличивать основныя линіи природы; онъ и понынѣ остается предметомъ истинно человѣческаго и художественнаго изученія, имѣющаго своей цѣлью опредѣлить тѣ измѣненія, которыя сдѣлалъ субъективный человѣкъ, удалившись отъ природы.

Эта первоначальная форма была уже въ древности искажена разединеніемъ духа и тѣла, которые раньше составляли гармоническое цѣлое. Утрата мира и согласія открыла свободный доступъ разединенію, и сердца людей овладѣла тоска по потерянномъ раѣ дѣтства и невинности: было да и впредь будетъ трудно достигъ высшаго единства между духомъ и тѣломъ при чувственной свободѣ.

По измѣненіи человѣческой природы измѣнилось и отношеніе къ ней человѣка. Природа созерцается теперь съ нѣжной грустью, съ искренней сантиментальностью, какъ будто бы она сохранила миръ и спокойствіе и можетъ утѣшить и исцѣлить больного. Это мечтательное созерцаніе природы пробудилось въ концѣ 18-го столѣтія съ особенной силой въ сѣверной Германіи, гдѣ мрачное небо возбуждаетъ въ человѣкѣ тоску по свѣтлымъ и яснымъ формамъ, направляя въ даль взоръ и мысли. Человѣкъ начинаетъ дѣлиться своей радостью и горемъ съ окружающей природой, которая то смѣется вмѣстѣ съ нимъ, то сѣтуетъ, смотря по тому, какъ мѣняется его личное настроеніе. Поэзія весны, вдругъ появляющейся у насъ какъ по волшебству и такъ же быстро исчезающей, и поэзія „лунной, чарующей ночи“ преимущественно свойственна нѣмецкой литературѣ. Роскошныя цвѣты возрасли на почвѣ этой новой жизни чувствъ, которая шла то усиливаясь, то ослабѣвая, какъ звуки музыкальнаго инструмента, которые то звучатъ жизнью и силой, то замираютъ. Языкъ также приобрѣлъ новое богатство словъ для выраженія новыхъ чувствъ. Но также громко раздавались и невѣрные и нечистые звуки, когда уста говорили то, чего не чувствовало сердце, когда малѣйшій оттѣнокъ чувства требовалъ выраженія: только одинъ поэтъ, стремясь къ самообразованію, нашелъ равновѣсіе и, въ согласіи съ всеосозидающей природой, сдумалъ ясно и вѣрно понять ея языкъ и снова дать нѣмому и безсознательному вѣчно дѣйствительное выраженіе.

(Продолженіе будетъ.)

W. Schrader.
ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.
ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

[Продолженіе. См. „Гимназ.“ кн. I.]

III.

А. Общая методика обученія.

ГЛАВА I.

Формальный методъ.

§ 85.

Различные пути научнаго познанія, аналитическій и синтетическій методъ, индукція и дедукція, само собою разумѣется, находятъ примѣненіе также въ школьномъ обученіи и потому не разъ уже затрогивались*). Болѣе подробное опредѣленіе ихъ относится къ философіи, которая должна объяснять также частное примѣненіе ихъ къ отдѣльнымъ наукамъ**). Но науки сами составляютъ плодъ общей духовной дѣятельности и потому, отдѣльно и въ совокупности своей, соответствуютъ духу питомца и сродны съ нимъ, который чрезъ нихъ долженъ быть развитъ до здраваго равновѣсія всѣхъ формъ его обнаруженія. Отсюда слѣдуетъ, что изъ общихъ методовъ, которыми пользуется наука, ни одинъ не долженъ отсутствовать въ школьномъ обученіи. Науки находятъ свое мѣсто въ образованіи юношества не сами по себѣ, но потому, что служатъ здѣсь цѣли воспитанія. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что означенные методы въ обученіи не должны выступать съ такимъ строгимъ разграниченіемъ, какъ отдѣльныя науки или части наукъ могутъ того требовать, а что они, смотря по потреб-

*) §§ 27. 28; ср. §§ 65. 66. Kern, Grundriss der Pädagogik, стр. 88 слѣд., который для аналитическаго метода употребляетъ названіе объяснительнаго и для синтетическаго — расширительнаго, съ отнесеніемъ ихъ къ Канту.

**) Lotze, Logik стр. 465—467 и 593 (§ 362) и въ примѣненіи къ наиболѣе глубокимъ задачамъ познанія его-же Metaph. стр. 118, 382—417. Ср. Siegwart, Logik, II, §§ 79. 80.

ности познанія и образованія для юношескаго духа, должны другъ друга восполнять и оплодотворять. Два изъ означенныхъ методовъ — анализъ и дедукція — содѣйствуютъ познанію формальнымъ путемъ, т. е. чрезъ развитіе и объясненіе уже воспринятыхъ духомъ фактовъ; два другіе — синтезъ и индукція — служатъ реальному познанію, т. е. сообщаютъ духу новые факты. Первые, слѣдовательно, предполагаютъ воспріятіе данныхъ фактовъ и, объясняя ихъ, развиваютъ формальную силу духа, который чрезъ это ставятъ въ полное обладаніе фактами и дѣлаютъ способнымъ къ воспріятію новыхъ воззрѣній. Два послѣдніе же стараются духъ наполнить знаніемъ новыхъ фактовъ и подвести ихъ подъ извѣстные уже законы или пользоваться ими для открытія новыхъ законовъ. Они, слѣдовательно, исходятъ изъ того, что эти факты, несмотря на свою разнородность, совершаются по опредѣленнымъ законамъ и что духъ человѣка можетъ сдѣлать ихъ понятными. Всѣ эти методы нуждаются другъ въ другѣ столь же необходимо и въ той же степени, какъ форма и содержаніе неразрывно связаны и какъ формальное и реальное образованіе духа только при взаимномъ содѣйствіи могутъ дѣлать свое дѣло. Если, слѣдовательно, чрезъ воспитаніе духъ юноши долженъ быть развитъ по своему внутреннему расчлененію, то для этого онъ нуждается во всѣхъ названныхъ методахъ столь же вѣрно и въ столь же тѣсной внутренней связи, какъ они связно выступаютъ во всемъ строѣ науки. Но онъ нуждается въ нихъ въ томъ чередованіи и соединеніи, которое болѣе всего соотвѣтствуетъ его постепенному и постоянному здоровому развитію, и онъ допускаетъ ихъ только въ той мѣрѣ чистоты и строгости, которая соотвѣтствуетъ мѣрѣ его растущей силы, а не въ той мѣрѣ, въ какой въ нихъ нуждается наука въ предѣлахъ своихъ данныхъ. Отсюда слѣдуетъ и двойкій выводъ для учителя: во первыхъ, что онъ эти методы долженъ понимать съ полною ясностью, чтобы въ случаѣ надобности примѣнять ихъ въ чистомъ видѣ, а, во вторыхъ, чтобы онъ вѣрно умѣлъ изъ одного метода перейти въ другой, гдѣ это требуется цѣлью обученія. Но этотъ переходъ обусловливается какъ богатою природою и разнообразно чередующеюся связью образовательнаго матеріала, такъ и данною степенью развитія и способностью къ развитію юношескаго духа. Въ отношеніи образовательнаго матеріала необходимость перемѣны метода очевидна, напр., изъ простаго разсмотрѣнія обученія языку и уже установленныхъ для него точекъ зрѣнія*): въ то время, какъ чтеніе сообщаетъ ученику все новыя воззрѣнія и факты и чрезъ то синтетическимъ путемъ снабжаетъ духъ содержаніемъ, учитель въ преподаваніи грамматики, ведетъ ли онъ его самостоятельно или примѣнительно къ читаемой статьѣ, долженъ ити путемъ анализа и первый матеріалъ подводить подъ общіе формы и законы и одухотворять. Также сознательно и правильно долженъ чередоваться методъ во вниманіе къ юношескому духу; ранней ступени его образованія соотвѣтствуетъ прежде всего синтетическій, индуктивный способъ, позднѣйшей ступени — чистый анализъ и доказательство, разумѣется, съ

*) Ср. §§ 28. 29. 66.

условіемъ, чтобы первый не обходился безъ аналитическаго развитія и доказыванія и послѣдній всегда оживлялся конкретнымъ матеріаломъ*).

§ 86.

Формальный методъ, какъ вслѣдствіе отношенія своего къ отдѣльнымъ наукамъ, такъ и вслѣдствіе единства обученія и, наконецъ, вслѣдствіе различія между гимназіями и реальными училищами, заслуживаетъ быть еще ближе разсмотрѣннымъ. Въ первомъ отношеніи уже выше (§ 68) выставлена ошибочною и тщетною попытка переносить отдѣльный методъ, свойственный одному роду наукъ, также на другія. Это относится не только къ строгому изслѣдованію, но должно утверждать также, вообще, относительно обученія, насколько неясность и заблужденіе примѣняются также въ различіе наукъ по характеру ихъ методовъ. Прежде всего неудачно существующее до сихъ поръ раздѣленіе наукъ на точныя (математика и естественныя науки) и неточныя (языки, религія и исторія): всякая наука, приводящая къ прочнымъ результатамъ, слѣдовательно, всякая истинная наука точна. Столь же мало можно строго раздѣлять науки по точкамъ зрѣнія анализа и синтеза или индукціи и доказательства (дедукціи). Индукція имѣетъ свое мѣсто, какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ языковѣдѣніи, чрезъ что, однако, послѣднее не вполне переводится въ область необходимости, какъ въ послѣднее время пытались сдѣлать. Даже математика, которая славится своею строгою формою доказательства, не ограничивается чистымъ анализомъ и объясненіемъ, но она, какъ въ своихъ общихъ положеніяхъ (такъ называемыхъ аксіомахъ), такъ и въ высшихъ частяхъ беретъ себѣ на помощь синтетическія воззрѣнія, напр. силы, движенія, безконечнаго, не производя ихъ собственной дедукціей**), и именно въ геометріи она часто слѣдуетъ синтетическому пути. Хотя и сами науки не могутъ быть безусловно раздѣляемы по методамъ, всетаки, несмотря на это, должно быть установлено различіе методовъ, какъ въ изслѣдованіи, такъ и въ обученіи. Пойдетъ ли изслѣдованіе языка путемъ аналогіи или анализа, будетъ ли математика развиваться синтетически или чрезъ посредство дедуктивнаго доказательства, это она должна опредѣлить по собственной потребности и ходу; и это различіе методическаго успѣха не должно быть изглажено ни въ наукѣ, ни въ примѣненіи ея къ школѣ, а только, смотря по надобностямъ обученія, можетъ быть примѣняемо по степенямъ, о чемъ сейчасъ далѣе будетъ рѣчь. Еще менѣе можетъ быть изглажено различіе причиннаго и телеологическаго наблюденія, хотя и оно не вполне способно отличать всѣ науки другъ отъ

*) Въ сущности, подобное же, если и съ исключительнымъ удареніемъ на синтезъ, говоритъ Roth, *Gymnasialpäd.* стр. 144: „Второе требованіе будетъ въ томъ, чтобы учитель оставался вѣренъ правилу — держаться пути отъ частнаго къ общему и все обученіе вести по синтетическому способу. Поэтому учитель, чѣмъ моложе его ученики, тѣмъ меньше въ сообщеніи историческихъ свѣдѣній и свѣдѣній по языкамъ и меньше всего въ религіозныхъ воззрѣніяхъ будетъ примѣнять аналитическій способъ.“

**) Lotze, *Logik* §§ 350. 353. 359; *Metaph.* § 214.

друга. И исторія, какъ и языкъ, развивается не исключительно только по телеологическимъ опредѣленіямъ и въ области свободы, но оба различно обуславливаются также причинными отношеніями и, съ другой стороны, также естественныя науки въ своихъ изслѣдованіяхъ руководствуются телеологическими точками зрѣнія*). Но эти изъ другой области заимствуемыя вспомогательныя операціи, это чередованіе способа не опредѣляетъ систематическаго развитія и сущности различныхъ наукъ, и отъ послѣднихъ зависитъ дѣло, когда говорятъ о своеобразномъ методѣ какой-нибудь науки.

Гдѣ, слѣдовательно, различіе означенныхъ методовъ безусловно требуется отдѣльными науками и потому неизмѣнно, тамъ его нужно строго держаться и при школьномъ обученіи, ибо иначе ученики не могутъ вѣрно успѣвать ни въ отдѣльныхъ наукахъ, ни въ своемъ формальномъ духовномъ образованіи. Именно, потому нужно указать на то, что, какъ различныя науки произошли изъ цѣлаго и единаго человѣческаго духа и потому только въ своей совокупности соотвѣтствуютъ существу духа, такъ и различные методы нуждаются другъ въ другѣ и восполняютъ другъ друга въ гармоническомъ и всеобъемлющемъ развитіи человѣка; и потому ни одинъ изъ нихъ не можетъ высоковѣрно отвергать другіе. Математическая форма доказательства никакъ не есть единственная форма доказательства; еще менѣе она есть единственное средство къ точному, т. е. къ вѣрному и неопровержимому познанію. Въ сущности, она есть только опредѣленная форма аналитическаго доказательства; логика даетъ еще другія формы сужденія и умозаключенія, которыя также ведутъ къ вѣрному познанію. И опять другой видъ способъ доказательства получаетъ въ области изслѣдованія языка и не только въ синтаксическихъ отношеніяхъ, но еще болѣе въ развитіи этимологіи, которая также требуетъ установленія твердыхъ законовъ.

Даже этимъ область духовныхъ законовъ никакъ еще не исчерпана. Хотя иначе, чѣмъ разсудокъ, но не менѣе вѣрно и по столь же устойчивымъ и яснымъ закономъ развитія, душа усваиваетъ себѣ сущность вещей и, если нравственныя явленія не могутъ быть подведены подъ такія простыя линіи, какъ это возможно въ области разсудка и въ работѣ съ абстрактными и однородными факторами, то это не основаніе къ пренебреганію нравственными науками; напротивъ, тѣмъ болѣе должна насъ радовать возможность приведенія развитія нравственной способности къ яснымъ формамъ и установленія необходимыхъ для этого методовъ. Потому, если на обязанности учителя лежитъ всестороннее образованіе духа своего воспитанника, то онъ разные методы познанія не только долженъ примѣнять по ихъ достоинству и на своемъ мѣстѣ, но также для единства этого образованія, насколько это дозволяютъ особенныя методы отдѣльныхъ наукъ, въ различныхъ отрасляхъ обученія онъ долженъ преслѣдовать сродныя методическія точки зрѣнія. Чрезъ это онъ достигаетъ разнообразнаго и живого соприкосновенія между отдѣльными школьными науками; онъ избѣгаетъ того, чтобы его воспитанники въ слишкомъ рѣзкомъ чередованіи переносились изъ одного метода въ другой,

*) Ср. поучительныя разсужденія Фехнера, Schleiden und Mond, стр. 100—114.

и всетаки сохраняет за каждою наукою свойственную ей формальную образовательную силу.

Наконецъ, различные роды формальнаго метода имѣютъ свое значеніе также для различія между гимназіею и реальнымъ училищемъ. Выше (§ 8) замѣчено, что гимназія, по преимуществу, идетъ путемъ расчлененія и систематическаго развитія, реальное же училище — болѣе путемъ возрѣнія и сравненія. Въ виду изложенныхъ соображеній, это никакъ не значитъ, что индукція и синтезъ въ гимназіяхъ вовсе не примѣнимы или исключительно господствуютъ въ реальныхъ училищахъ, а что они въ послѣднихъ имѣютъ болѣе широкое примѣненіе. Это справедливо не только въ виду большого значенія, придаваемого реальными училищами естественнымъ наукамъ, но также въ виду преподаванія языковъ, въ которомъ въ большемъ объемѣ пользуются аналогіей и синтетическимъ возрѣніемъ, чѣмъ въ гимназіяхъ. Необходимо только, чтобы аналогія проводилась ясно и никогда не затемнялась массою матеріала и чтобы синтетическій успѣхъ въ познаніи настолько обращался къ помощи анализа, сколько для усвоенія учебнаго матеріала безусловно необходимо; ибо высшею цѣлью и здѣсь служить достиженіе духовной свободы воспитанника, чему содѣйствуется только посредствомъ яснаго проникновенія предмета познанія. Но вопросъ главнымъ образомъ въ томъ, что должно занимать первое мѣсто или преимуществовать, сравненіе ли или синтезъ, или объясненіе и дедукція, и отвѣтомъ на это служить, что первые два имѣютъ преимущество въ реальныхъ училищахъ, послѣднія же въ гимназіяхъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что подготовленіе къ учительству въ реальныхъ училищахъ должно быть отлично отъ подготовленія къ учительству въ гимназіи, а то, что выше уже было замѣчено, — что учитель съ ясностью и быстротою долженъ умѣть пользоваться различными формальными методами.

ГЛАВА 2.

Выборъ и распредѣленіе учебнаго матеріала.

§ 87.

Изложенныя до сихъ поръ соображенія не разъ приводили къ основному положенію, что учебный матеріалъ, по возможности, долженъ быть ограничиваемъ, чтобы можно было его вполне исчерпать и чтобы избѣжать чрезмѣрнаго обремененія юношескихъ силъ. Воспитанникъ, слѣдовательно, долженъ быть возбуждаемъ не многосторонностью или массою духовной пищи; наполненіе его извнѣ не привело бы его ни къ какой свободѣ дѣйствій и еще менѣе къ столь необходимому сознанію своей силы. Накопленіе разнородныхъ возбужденій, кромѣ того, можетъ имѣть послѣдствіемъ только то, что ни одно изъ нихъ не служитъ къ чистому образованію силы, но что они другъ друга ограничиваютъ и уничтожаютъ и не столько будятъ духъ, сколько разсѣваютъ и притупляютъ. Юношескій духъ долженъ быть возбуждаемъ извнутри способомъ, соотвѣтствующимъ его жизненнымъ усло-

віямъ, слѣдовательно, такимъ образомъ, что всякое возбужденіе измѣряется по своей силѣ и дѣйствию и выполняется до своей педагогической цѣли, т. е. оно должно данную духовную форму привести въ ту дѣятельность и напряженіе, какого можно ожидать отъ расчитаннаго упражненія силы. Но для этого недостаточно внѣшняго ограниченія матеріала; онъ, кромѣ того, долженъ быть выбранъ цѣлесообразнымъ образомъ, т. е. учебный матеріалъ долженъ быть простой, прочный, правильный и распредѣленный по своему постепенному развитію.

Матеріалъ обученія прежде всего долженъ быть простой: онъ долженъ, насколько это можетъ быть соразмѣрено, давать въ ясномъ видѣ только то, что ученикомъ непосредственно можетъ быть понято. Онъ, слѣдовательно, не можетъ ни выходить за предѣлы ближайшей потребности обученія, ни своею многосторонностію раздражать или напрягать духъ по различнымъ направленіямъ или, гдѣ онъ по своему многостороннему существу не можетъ быть сведенъ къ совершенно простой формѣ, тамъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, такъ подготовленъ, чтобы въ немъ болѣе всего выступало то свойство, которое прежде всего должно быть воспринято и понято. Потому для затверженія простѣйшихъ синтаксическихъ отношеній предложеніе должно быть выбрано такъ, чтобы оно заключало въ себѣ только необходимые для этихъ отношеній члены; расчитанный для возбужденія нравственнаго чувства рассказъ долженъ быть такъ рассказанъ, чтобы онъ вообще или преимущественно вызывалъ именно намѣченное чувство. Въ этой простой формѣ матеріалъ легче всего воспринимается и усваивается ученикомъ, онъ достигаетъ также быстрѣйшаго и сильнѣйшаго дѣйствія и поддерживаетъ юношескій духъ въ той ясности развитія, которой можетъ достигнуть учитель.

Далѣе, матеріалъ обученія долженъ быть прочный: онъ долженъ давать ученику картину несомнѣнную и вѣрную. Слѣдовательно, учитель, какъ уже выше замѣчено, не долженъ сообщать никакого объясненія или правила, которое онъ послѣ по формѣ или содержанію долженъ будетъ измѣнить. Формы языка, которыя изучаются, должны быть несомнѣнны; историческіе факты — хорошо удостовѣрены, и математическія доказательства неопровержимы. Даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ наука не достигла еще вполне вѣрныхъ и рѣшительныхъ результатовъ, какъ, напр., въ отношеніи нѣмецкаго правописанія, обученіе должно слѣдовать прочнымъ аналогіямъ и давать только то, что или вѣрно сообщено, или можетъ быть заучено въ рѣзко разграниченной и легко примѣнимой формѣ. Сообщеніе фактовъ и формъ то въ утвердительномъ, то въ отрицательномъ смыслѣ не можетъ ни развивать разсудка, ни образовать вкуса, ни сильно дѣйствовать на нравственное чувство; оно умаляетъ въ глазахъ ученика достоинство учебнаго матеріала и дѣлаетъ его къ нему равнодушнымъ.

Сходна, но не равнозначаща третья точка зрѣнія, что учебный матеріалъ долженъ быть, по возможности, правильный. Онъ долженъ быть первоначальный и ограничиваться правильными явленіями; изъ неправиль-

ныхъ должно выключать всѣ тѣ, которыя безусловно не требуются ближайшею задачею обученія; исключенія же отъ правила, по возможности, должны быть обнимаемы подъ ясными аналогіями или чрезъ удобопонятное объясненіе ставимы въ связь съ правиломъ (ср. § 66). Нѣкоторыя неправильныя явленія, которыя по данному состоянію науки не поддаются указанному способу и всетаки не могутъ быть выключены изъ обученія, должны быть заучиваемы наизусть; нужно надѣяться, что число такихъ явленій съ успѣхами наукъ будетъ все болѣе и болѣе сокращаться. Это предписаніе правильности свое примѣненіе имѣетъ не только, напр., въ грамматикѣ, въ которой все еще съ бесполезною полнотою заучивается значительное число исключеній, съ которыми ученикъ въ письмѣ и чтеніи едва ли встрѣчается. Но также въ преподаваніи исторіи учитель, при изображеніи выдающихся характеровъ, какъ и при раскрытіи судьбы народовъ, долженъ заботиться о сообщеніи связнаго въ себѣ и правильнаго, непонятныя же уклоненія выключать изъ наблюденія или, гдѣ это невозможно, стараться объяснять ихъ изъ выставленныхъ точекъ зрѣнія.

Наконецъ, учебный матеріалъ долженъ быть расположенъ по своему развитію: онъ долженъ быть даваемъ въ строго послѣдовательномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ внутренней связи. Но для этого еще не достаточно внѣшней послѣдовательности разныхъ классныхъ задачъ, даже когда онѣ другъ съ другомъ подробно разграничены, но послѣдующая ступень обученія всегда снова должна возвращаться къ низшимъ ступенямъ и содержаніе ихъ снова развивать въ болѣе широкой и богатой формѣ и восполнять. Другими словами, матеріалъ долженъ быть напередъ методически распределенъ по своей связи. Это въ школахъ можетъ быть достигнуто только чрезъ подробный учебный планъ, который устанавливаетъ выборъ и внутреннюю связь учебнаго матеріала для отдѣльныхъ классовъ и по различнымъ цѣлямъ обученія и, когда онъ всѣми учителями выполняется съ пониманіемъ, то даетъ всѣмъ твердую опору и увѣренность въ успѣхѣхъ. По этому плану всякій учитель знаетъ, что онъ долженъ дѣлать и какія требованія предъявлять вновь поступающимъ ученикамъ; онъ знаетъ не только, какое знаніе они принесли съ собою, но также степень испытанности ихъ силы и методическія средства, которыя долженъ далѣе примѣнять и какими другими замѣнить ихъ по исчерпаніи. Необходимость правильной послѣдовательности имѣетъ значеніе не только для тѣхъ наукъ, которыя сами по себѣ представляютъ строгую систему, какъ математика и грамматика, и въ которыхъ расширеніе даннаго и прибавленіе новаго матеріала само собою разумѣется, какъ, напр., въ исторіи, но также для тѣхъ, которыя въ продолженіи своѣмъ болѣе направляются въ глубину усвоенія, чѣмъ въ ширину массы знанія, какъ, напр., религія, или которыя постепенно утверждаютъ болѣе въ навыкѣ, чѣмъ въ теоретическомъ знаніи, каковы стилистическія упражненія и переводъ съ чужихъ языковъ. Въ силу этого плана, учитель, напр., въ обученіи религіи въ терціи можетъ для оживленія впечатлѣнія отъ объясненнаго отдѣла катихизиса привести какую-

нибудъ прежде изученную церковную пѣснь или библейскій рассказъ, чтобы такимъ образомъ болѣе сильно возбудить религіозное чувство ученика. Въ латинскихъ сочиненіяхъ приманеровъ онъ можетъ рассчитывать на опредѣленный запасъ оборотовъ рѣчи и при переводѣ классиковъ можетъ требовать, чтобы извѣстныя фигуры и повторяющіяся выраженія переводились такъ, какъ разъ опредѣлено. Такимъ образомъ все обученіе получаетъ твердую почву, и учебный матеріалъ, вслѣдствіе своего правильного распредѣленія, кромѣ указанной помощи учителю, производитъ и на учениковъ радостное и ободряющее впечатлѣніе, что никакая работа ихъ не проходитъ напрасно, и чрезъ это они пріобрѣтаютъ довѣріе и къ себѣ, и къ учителю, что конечно содѣйствуетъ и ихъ нравственному развитію. Если учебный планъ долженъ дѣйствовать такимъ образомъ, то онъ въ своихъ потребностяхъ не можетъ быть учительской коллегіи предписанъ свыше, ни даже директоромъ, но долженъ быть плодомъ совмѣстной работы учителей, хотя и подъ опредѣляющимъ вліяніемъ директора. Только въ силу этого общаго участія онъ будетъ истинную жизнь будить, точное пониманіе и преданную дѣятельность*). Для этого цѣлесообразнѣе всего, чтобы, при соблюденіи законныхъ предписаній, общія основныя черты учебнаго плана устанавливались на общей учительской конференціи; болѣе подробная выработка и распредѣленіе отдѣльныхъ областей обученія есть дѣло уже частныхъ комиссій подъ руководствомъ директора.

Рядомъ съ этимъ для методическаго распредѣленія учебнаго матеріала необходимымъ средствомъ существуютъ еще другіе пути для укрѣпленія связи и единства обученія. Сюда принадлежитъ порученіе въ двухъ или нѣсколькихъ другъ за другомъ слѣдующихъ классахъ преподаванія учебнаго предмета одному и тому же учителю, — не только такихъ предметовъ, каковы математика, естественныя науки и религія, для которыхъ въ каждой коллегіи ограниченное число учителей, но также и языковъ. Сему подобенъ способъ, по которому учителя въ установленномъ порядкѣ со своими учениками проходятъ нѣсколько классовъ до извѣстной ступени и затѣмъ опять возвращаются къ вновь поступившимъ въ начальный классъ**). Оба установленія, въ умѣренномъ объемѣ примѣняемыя, безспорно заключаютъ въ себѣ полезное; они поддерживаютъ равномѣрность въ успѣхахъ учениковъ, усиливаютъ воспитательное вліяніе учителя и содѣйствуютъ тому, что онъ изъ собственнаго опыта знаетъ, какія требованія предъявились ученикамъ на

*) Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь объ общемъ учебномъ планѣ. Порядокъ часовъ и раздѣленіе предметовъ между отдѣльными учителями есть дѣло исключительно директора, въ виду права его надзора надъ всѣмъ учебнымъ дѣломъ заведенія.

**) Такъ называемыя низшія семинаріи въ Виртембергѣ прежде слѣдовали этому порядку еще въ большей мѣрѣ, такъ какъ въ каждой изъ нихъ одни и тѣ же учителя со своими учениками проходили всѣ классы. Съ 1873 года по два изъ нихъ соединены въ одинъ четырехгодичный курсъ, такъ что каждый изъ нихъ проходитъ двухгодовой курсъ съ однимъ и тѣмъ же учителемъ. Ср. Wiese, das höhere Schulwesen in Preussen I. 626 и Hirzel, Gymnasialpäd. стр. 74—76.

ближайшей высшей ступени и какой практики обученія придерживаться. Кроме того, второй способ избавляетъ учителей отъ неприятнаго чувства, бывающаго отъ слишкомъ частаго повторенія одной и той же учебной задачи. Сомнительная сторона этихъ порядковъ заключается въ неравномъ усердіи учителей; различіе въ этомъ отношеніи изглаживается, когда съ переходомъ учениковъ изъ класса въ классъ перемѣняются и учителя, но оно можетъ рѣзко выступать, когда одни и тѣ же учителя руководятъ учениковъ въ продолженіи болѣе долгаго времени. Также при равномъ усердіи и способностяхъ не всѣ учителя равно дѣйствуютъ на всякаго ученика. Личность здѣсь не мало значить: нерѣдко до тѣхъ поръ нравственно и духовно вялый ученикъ возбуждается и ободряется необычнымъ обращеніемъ новаго учителя. Однако директоръ долженъ знать своихъ учителей; если позволяетъ составъ коллегіи, то рекомендуется, чтобы однимъ курсомъ учениковъ руководилъ одинъ и тотъ же учитель по два класса, слѣдующіе другъ за другомъ, предполагая, что учебныя задачи обоихъ классовъ находятся въ близкой связи между собою. Это возможно, напр., въ секстѣ и квинтѣ гимназій въ отношеніи латинской этимологіи, въ квартѣ и терціи въ отношеніи латинскаго синтаксиса и греческой этимологіи. Равнымъ образомъ, гдѣ существуетъ раздѣленная секунда, оба отдѣленія этого класса можно объединить означеннымъ способомъ, тогда какъ прима должна быть выключена изъ области примѣненія этого способа, по причинѣ значительнаго измѣненія учебнаго дѣла въ ней.

Распределеніе учебнаго матеріала и еще болѣе обученія состоитъ, слѣдовательно, не въ раздѣленіи на возможно большее число отдѣловъ; а въ установленіи подробной и внутренней связи между отдѣльными отдѣлами и взаимнаго отношенія между ними. Эта постоянная связь есть одна изъ благотворнѣйшихъ и необходимѣйшихъ воспитательныхъ средствъ; къ ея укрѣпленію должны служить порядки, до сихъ поръ выясненные. Наоборотъ, этому равномерному ходу обученія и этой внутренней связи наносился бы немалый ущербъ постояннымъ чередованіемъ классовъ, учителей и учебныхъ задачъ. Другими словами, полугодовые учебные курсы и полугодовые переводы учениковъ большое зло въ педагогіи, устраненія котораго нужно всѣми силами добиваться. Внѣшнія неудобства, связанные съ этимъ порядкомъ, уже довольно значительны: въ началѣ cadaго полугодія повторяющійся пріемъ вновь поступающихъ учениковъ и перемѣщеніе изъ класса въ классъ причиняетъ двойную трату времени и труда, и еще больше времени и силы тратится въ концѣ cadaго семестра на испытаніе и другія приготовленія къ переводу. Этотъ вредъ особенно ясно выступаетъ въ примѣ, гдѣ объемистое испытаніе зрѣлости отнимаетъ значительную часть второй четверти cadaго полугодія и нарушаетъ спокойное теченіе обученія. Важнѣе зло, что вслѣдствіе этого порядка ученики cadaго класса раздѣляются, по крайней мѣрѣ, на двѣ отдѣльныя ступени; учитель, слѣдовательно, постоянно имѣетъ задачею обученіе свое одновременно приравливать и къ старымъ, и ко вновь поступившимъ ученикамъ, чего при всѣхъ усиліяхъ

никогда вполнѣ достигнуть нельзя и что какъ въ теченіи обученія, такъ въ повтореніяхъ ведетъ къ неравномѣрностямъ и возвращеніямъ назадъ. Такимъ образомъ черезъ это полугодовое дѣленіе нарушается то свойство однородности учениковъ, котораго хотятъ достигнуть чрезъ систему классовыхъ степеней. Но главнымъ образомъ чрезъ это прохожденіе учебной задачи въ полугодовой срокъ происходитъ поспѣшность обученія, которая не можетъ содѣйствовать ни вѣрному проникновенію и усвоенію учебнаго матеріала, ни спокойному духовному развитію отдѣльныхъ учениковъ, ни равномерному образованію цѣлаго класса. Отсюда происходитъ, что къ концу курса значительное число учениковъ цѣли класса не достигло и что другая часть ихъ только по нуждѣ должна быть переведена, не получивъ вполнѣ необходимаго развитія и дѣйствительной подготовки къ высшему классу. При годовыхъ же курсахъ и годовыхъ переводахъ, по опыту, цѣль обученія не только достигается для большинства учениковъ, но, кромѣ того, вѣрнѣе и полнѣе и съ большею связностью внутренняго развитія; немногіе же ученики, которые и такимъ образомъ не достигли зрѣлости для перевода, по недостатку способностей или прилежанія, вполнѣ справедливо остаются въ томъ же классѣ на дальнѣйшій годъ. Весь споръ можетъ быть сведенъ къ простому вопросу, лучше ли одну и ту же задачу изучать дважды поспѣшно и недостаточно или однажды основательно. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ колебаться не приходится*).

§ 88.

Если, далѣе, единство обученія пріобрѣтается не изъ учебныхъ предметовъ, но изъ его сознательнаго и постояннаго отношенія къ юношескому духу (§ 66) и если потому мѣркою для выбора учебнаго матеріала единственно служатъ потребность образованія и способности воспитанника, то

*) Ср. подробное объясненіе въ пользу годовыхъ курсовъ д-ра Мейзеля, *Jahreskurse oder Semesterkurse* въ *Berliner Zeitschrift für G.-W.* 1880. Bd. 34, стр. 545—592. Кромѣ того, годовые курсы и годовые переводы соответствуютъ законнымъ предписаніямъ въ Пруссіи, ср. Мин. Указъ отъ 24 октября 1837 и *Wiese, Verordnungen I*, 26. Что этотъ порядокъ безъ значительныхъ затрудненій вездѣ можетъ быть выполненъ, это доказываютъ многочисленныя гимназіи въ большихъ и малыхъ городахъ. Въ случаѣ нужды, облегченію дѣла здѣсь служатъ такъ называемыя параллельныя очередныя отдѣленія, изъ которыхъ въ одно воспитанники принимаются къ Пасхѣ, въ другое — къ Михайлову дню (29 сент.), какъ переведенные изъ предшествующаго класса, такъ и неперевоенные изъ параллельнаго отдѣленія, которые такимъ образомъ только на полгода принуждены еще оставаться въ томъ же классѣ. Но и съ этимъ соединяется нежелательная необходимость по полугодно производимымъ окончательнымъ экзаменамъ школьнаго курса. Если на одной директорской конференціи было возражено противъ годовыхъ курсовъ, что годовою срокомъ слишкомъ длиненъ и не можетъ быть объять мыслью учениковъ, что послѣдніе чрезъ это въ началѣ года предаются лѣности, то въ этомъ заключается только непохвальное для учителей признаніе, что они не умѣютъ поддерживать въ ученикахъ вниманіе и прилежаніе. Болѣе справедливо и фактически болѣе обосновано противоположное утвержденіе, что при полугодовыхъ курсахъ ученики въ первое полугодіе не особенно напрягаются, такъ какъ полагаются на то, что они въ послѣдующій семестръ будутъ изучать то же еще разъ. Нелѣпость годовыхъ курсовъ при полугодовыхъ переводахъ въ надлежащемъ видѣ представилъ Фоссъ; ср. *Schmieds Encykl. VI*. 867.

при этомъ научная цѣль никогда не можетъ быть поставлена вмѣсто педагогической. Однако это случается довольно часто, именно у молодыхъ учителей, которые, съ одной стороны, еще не умѣютъ мѣрить силу и потребность своихъ учениковъ и, съ другой стороны, еще находятся подъ вліяніемъ цѣли и порядка университетскаго преподаванія. Это естественно и само по себѣ похвально, что для нихъ система и задача науки являются наиболѣе достойнымъ предметомъ дѣятельности; тѣмъ болѣе необходимо обращать вниманіе ихъ на различіе между школою и университетомъ и, въ случаѣ нужды, со всею строгостью удерживать ихъ въ предѣлахъ, полагаемыхъ учебнымъ планомъ ихъ дѣятельности. Что въ основномъ, элементарномъ обученіи не можетъ быть рѣчи о полномъ сообщеніи и строго научномъ производствѣ учебнаго матеріала, это очевидно и мало кѣмъ не признается, такъ какъ недостаточность дѣтскихъ способностей принуждаетъ къ тому. Гораздо болѣе соблазнительно и однако столь же вредно въ высшихъ классахъ стремиться къ систематической полнотѣ и обоснованности и здѣсь внимательному директору приходится вмѣшиваться въ дѣло. Такъ, напр., при преподаваніи отечественной литературы легко поддаться искушенію дать подробную исторію ея, которая обнимаетъ всѣ ступени ея развитія, для лучшаго пониманія объяснять содѣйствующія и препятствующія вліянія отечественной исторіи и стремиться также къ относительной полнотѣ литературныхъ и біографическихъ фактовъ. Но подобное прохожденіе исторіи литературы, не говоря уже о томъ, что оно по краткости времени невозможно, не только бесполезно, но и въ высокой степени вредно и противно собственной цѣли обученія. Оно завалило бы ученика множествомъ сужденій и отрывочныхъ знаній, основанія и связи которыхъ онъ уже потому не можетъ знать, что ему недостаетъ живого разсмотрѣнія литературныхъ произведеній, и которыя именно потому не могутъ твердо засѣсть въ его памяти. Задерживаемый такимъ способомъ обученія, онъ не можетъ разсудокъ, фантазію и душу учениковъ образовать на образцовыхъ произведеніяхъ литературы и результатомъ этого способа является смѣлость сужденія въ дѣтяхъ, которая тѣмъ болѣе заслуживаетъ порицанія, чѣмъ менѣе извнѣ сообщенныя сужденія могутъ быть разсматриваемы, какъ ихъ духовная собственность. Подобныя ошибочныя понятія довольно часто можно замѣчать въ обученіи Закону Божію въ высшихъ классахъ, какъ при догматическомъ обосновываніи ученія о спасеніи, такъ и при изложеніи исторіи отдѣльныхъ споровъ и сектъ. Оно и не необходимо и также невозможно, чтобы ученикъ познакомился со всѣми спорами въ исторіи ученія о троичности лицъ въ Богѣ и объ искупленіи; чрезъ это его религіозное убѣжденіе не только не утверждается, а скорѣе запутывается, и духъ его отвращается отъ внутренняго пониманія существенныхъ пунктовъ и событій. Напротивъ, чрезъ систематическое прохожденіе отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ ученикамъ внушается ошибочный взглядъ, будто они съ оставленіемъ школы покончили совсѣмъ съ науками; такимъ образомъ побужденіе къ дальнѣйшей дѣятельности въ нихъ не проясняется, а заглушается, и вмѣстѣ съ тѣмъ пропедев-

тическая цѣль школьнаго обученія не достигается. Но это не самая малая изъ причинъ, препятствующихъ дальнѣйшему занятію гимназическими предметами по прошествіи учебнаго времени и побуждающихъ студентовъ къ слишкомъ исключительному занятію своею спеціальностью. Не съ мыслью о законченности образованія ученикъ долженъ быть отпускаемъ изъ школы, а исполненный живого сознанія потребности дальнѣйшаго общаго духовнаго образованія, и онъ долженъ изъ школы вынести настолько испытанныя силы, чтобы быть въ состояніи удовлетворить этой потребности.

Другой вопросъ, позволительно ли вообще на высшей ступени обученія касаться научныхъ спорныхъ вопросовъ и не выполнѣ разрѣшенныхъ еще задачъ, и на этотъ вопросъ, при извѣстныхъ предположеніяхъ, отвѣтъ долженъ быть данъ утвердительный. Эти необходимыя условія состоятъ въ томъ, чтобы учитель только изрѣдка и при выполнѣ удобныхъ случаяхъ, т. е. гдѣ само обученіе подаетъ къ тому поводъ, дѣлалъ подобныя указанія, чтобы онъ не растягивалъ ихъ больше, чѣмъ сколько это возможно дѣлать съ соблюденіемъ ясности и методичности путей къ нимъ, и чтобы, наконецъ, его замѣчанія способны были не запутывать научное сознаніе учениковъ, а прояснять и возбуждать ихъ къ дальнѣйшему размышленію. Всѣ, придаваемый прочностью учебнаго матеріала духовному и нравственному образованію воспитанника, такими случайными объясненіями никакъ не долженъ быть уменьшенъ: они должны къ тому служить, чтобы наполнять его уваженіемъ къ внутреннему развитію и къ истинности науки, и чрезъ то дать ему живое побужденіе къ собственнымъ изслѣдованіямъ въ послѣдующей жизни. Слѣдствіемъ такого способа веденія дѣла будетъ не то, что онъ самъ позднѣ прослѣдитъ эти спорные вопросы, что при разнообразіи университетскихъ занятій невозможно, но онъ приобрѣтаетъ взглядъ на ходъ науки, и будетъ сознавать себя обязаннымъ, если не содѣйствовать самому движенію ея впередъ, то всетаки стремиться къ собственному и истинному убѣжденію. Такъ, напр., едва ли можно избѣгнуть при извѣстныхъ мѣстахъ Горация замѣчаній о сохраненіи текста, но за то было бы совершенно неумѣстно въ школьномъ обученіи объяснять тѣ мнимыя интерполяціи, которыхъ новѣйшая критика признаетъ въ такомъ количествѣ у этого поэта. Равнымъ образомъ можно въ должной мѣрѣ упомянуть объ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ со времени Вольфа о происхожденіи Гомеровскаго эпоса, т. е. съ умѣреннымъ обсужденіемъ противоположныхъ взглядовъ по этому вопросу, съ осторожнымъ указаніемъ на затрудненія и на тѣ пункты, въ которыхъ защитники противоположныхъ мнѣній сходятся и которые потому можно считать самыми вѣрными. Также можно кое-что приводить изъ области сравнительнаго и генетическаго языкознанія, что можно считать твердо доказаннымъ и что способно представить нагляднѣе внутреннюю жизнь языка. Мало вѣроятныя гипотезы и смѣлыя этимологическія производства должны быть тѣмъ строже исключаемы, что отъ нихъ нѣтъ никакой пользы для методическаго воспитанія юношескаго духа.

ГЛАВА 3.

Формы обученія.

§ 89.

Если мы теперь перейдемъ къ частнымъ предписаніямъ для способа обученія, то прежде всего учитель обязанъ, насколько предметъ дозволяетъ, преподавать по памяти, а не по книгѣ или тетради. Онъ долженъ владѣть учебнымъ матеріаломъ, чтобы пользоваться имъ свободно и по надобности: такимъ образомъ онъ не долженъ находиться въ зависимости отъ учебника. Далѣе, онъ долженъ управлять классомъ и зорко слѣдить за нимъ, но это невозможно, когда онъ долженъ свое вниманіе дѣлить между книгою и учениками. Онъ долженъ давать ученикамъ образецъ яснаго и правильнаго разсказа, о внутреннемъ свойствѣ котораго тотчасъ далѣе будетъ рѣчь; если же онъ не можетъ вести его безъ частаго заглядыванія въ книгу, то въ немъ не будетъ доставать плавности и связности. Учитель, наконецъ, требуетъ отъ своихъ учениковъ, чтобы они разсказанное могли вѣрно повторить; когда же онъ обнаруживаетъ, что онъ самъ, несмотря на свое высокое научное образованіе, недостаточно владѣетъ учебнымъ матеріаломъ, то ученикамъ недалеко до мысли, что и имъ нѣтъ нужды особенно твердо его запоминать, и они теряютъ уваженіе какъ къ учителю, такъ и къ учебному предмету. Кромѣ того — и это важнѣйшее — уже не разъ высказывалось, что живое слово учителя производитъ наибольшее впечатлѣніе на ученика и, въ дѣйствительности, оно безусловно необходимо для установленія личныхъ отношеній между воспитателемъ и воспитанникомъ: читанное слово не имѣетъ собственной жизни и потому можетъ дѣйствовать только полуоживляющимъ образомъ. Учителю позволительно для порядка своего разсказа придерживаться писанныхъ замѣчаній или, гдѣ для учениковъ назначенъ учебникъ, слѣдовать по параграфамъ послѣдняго; но онъ долженъ воздерживаться отъ всякой связи съ какимъ нибудь внѣшнимъ пособіемъ.

Учитель, далѣе, долженъ говорить внятно и умѣренно возвышеннымъ голосомъ, правильнымъ выговоромъ и пользоваться избранными, а не изысканными выраженіями*). Что учитель долженъ говорить внятно, это само собою разумѣется; но слишкомъ громкое говореніе для его здоровья вредно и для обученія бесполезно. Вниманіе учениковъ чрезъ это не возбуждается, а, напротивъ, притупляется; когда же учитель обыкновенно говоритъ умѣренно громкимъ голосомъ, то всякое возвышеніе голоса служитъ ко мгновенному возбужденію учениковъ. Кромѣ того, слишкомъ громкое говореніе или даже кричаніе неприлично. Выговоръ учителя долженъ быть правильный, т. е. свободный отъ небрежности и діалектическихъ ошибокъ, и равнымъ образомъ въ его выраженіяхъ не должно быть провинціализмовъ.

*) Безукоризненную, внятую рѣчь при умѣренномъ голосѣ рекомендовалъ Г. В. Ничъ; ср. Lübker, Nitzsch in seinem Leben und Wirken dargestellt (Jena 1864), стр. 133.

По всѣмъ этимъ пунктамъ онъ долженъ исправлять и образовывать учениковъ; но это было бы невозможно, еслибы онъ самъ ежедневно не доставлялъ имъ лучшаго образца. Выраженія учителя должны быть избранныя, т. е. сообразныя съ современнымъ письменнымъ языкомъ; слѣдовательно, его рѣчь должна быть далека не только отъ тона обращенія въ низшемъ сословіи, но также отъ изысканныхъ выраженій и бесполезныхъ риторическихъ украшеній. Напыщенность въ школѣ менѣе всего умѣстна, такъ какъ она слишкомъ ясно носитъ на себѣ печать пустоты и, кромѣ того, дѣйствуетъ на учениковъ не возбуждающимъ, а усыпляющимъ и отталкивающимъ образомъ*). По подходящая образность, придающая мысли ясность и силу, принадлежитъ къ самымъ дѣйствительнымъ средствамъ обученія. Стремленіе къ гладкой и изысканной рѣчи ведетъ къ бесполезному разглагольствованію и къ монотонности; но учитель въ живости преподаванія не долженъ бояться и анаколутаи и, кромѣ того, долженъ свой рассказъ, напр., въ исторіи, религіи и математикѣ прерывать вставочными вопросами для вызванія участія въ ученикахъ и для укрѣпленія связи преподаванія съ прежде пройденнымъ. Черезъ это онъ также пріучится держаться правильной мѣры въ говореніи, которой многіе учителя не соблюдаютъ; они забываютъ, что ихъ обученіе именно должно научить учениковъ говорить. А это труднѣе, чѣмъ собственное говореніе, такъ какъ предполагаетъ болѣе полное владѣніе учебнымъ матеріаломъ, классомъ и самимъ собою, однако оно одно единственно цѣлесообразно.

Гдѣ учитель рассказываетъ, тамъ рассказъ долженъ быть наглядный, т. е. ясный, точный, связный и живой**). Необходимость этихъ требованій въ общемъ очевидна уже изъ того, что раньше сообщено о наглядномъ обученіи (§ 27) и объ обращеніи съ учебнымъ матеріаломъ; потому здѣсь достаточно нѣсколькихъ замѣчаній. Конечно, то, что хотять представить нагляднымъ, должно быть ясно въ самомъ себѣ; неопредѣленность и спутанность рассказа производитъ спутанность и въ головахъ учениковъ. Ясность требуетъ и точности рассказа и передачи его въ самыхъ вѣрныхъ, краткихъ и удобныхъ выраженіяхъ***); многословная рѣчь не только утомляетъ ученика, но и затемняетъ то, что онъ долженъ вѣрно воспринять, и такимъ образомъ отвлекаетъ его вниманіе отъ сути дѣла. Въ третьихъ, не отрывочное можетъ быть ясно и наглядно воспринято, потому что не достаетъ единства и потому разсѣваетъ взглядъ ученика, а только связное и внутренне обоснованное, вмѣстѣ сосредоточивающее мышленіе. Подъ этою связностью рассказа должно разумѣть не внѣшнюю послѣдовательность отдѣльныхъ фактовъ, а ихъ внутреннее соединеніе и производство и ихъ отношеніе къ зерну и средоточію дѣла; побочное должно быть выключено,

*) Nägelsbach, *Gymnasialpäd.*, стр. 30; Rosenkranz, *Pädagogik* § 115.

***) О наглядности, какъ дѣйствиіи непосредственнаго познанія ср. Lotze, *Logik* 575. 582. *Metaph.* 233.

***) Что, однако, никакъ не можетъ совпадать съ абстрактностью или со скудостью рѣчи, такъ какъ та и другая затемняютъ дѣло для ученика.

а главное должно быть показано въ его необходимомъ развитіи. Къ наглядности разсказа, наконецъ, принадлежитъ живость. Также подъ нею не должно разумѣть только вѣшнюю живость учителя, хотя само собою ясно, что его преподаваніе не должно быть сонливое и тягучее. Живость разсказа, представляющая главную составную часть наглядности, состоитъ въ томъ, чтобы онъ воздерживался отъ изложенія общихъ понятій и въ подходящихъ случаяхъ оживлялся примѣрами и образами и указаніемъ на соответствующія явленія занимательнаго содержанія. Это, конечно, должно происходить въ разныхъ наукахъ различнымъ образомъ: преподаваніе катихизиса оживляется чрезъ отношеніе къ фактамъ изъ библейской и церковной исторіи, преподаваніе грамматики — чрезъ подходящія примѣры, которые по содержанію своему должны служить къ увеличенію знанія учениковъ*), математика — чрезъ рѣшеніе задачъ, по возможности близко примыкающихъ къ систематическому преподаванію. Для учителя исторіи самый матеріаль представляетъ полную жизни; онъ долженъ только остерегаться даже въ высшихъ классахъ изъ изображенія общихъ учрежденій, нравовъ и обытій выключать личное и біографическое. Равнымъ образомъ и преподаваніе словесности легко получить требуемую живость, когда оно, какъ это уже изъ другихъ точекъ зрѣнія рекомендовано въ предшествующихъ параграфахъ, не ограничивается связнымъ и общимъ изложеніемъ своего теченія, а историческимъ обзоромъ пользуется только какъ основаніемъ для объясненія и пониманія лучшихъ литературныхъ произведеній, и когда оно также въ предѣлахъ этой исторіи больше занимается личностями и характерами отдѣльныхъ писателей, чѣмъ общимъ духомъ литературы**).

Для этой наглядности разсказа, его необходимѣйшаго и важнѣйшаго свойства, какъ уже выше не разъ было указываемо, безусловно требуется тщательная подготовка учителя. Онъ подробно до отдѣльныхъ выраженій долженъ знать, что и какъ будетъ говорить; нѣтъ ничего противнѣе, какъ то, когда онъ только предъ учениками выбираетъ и группируетъ матеріаль, разбираетъ строгость доказательствъ, и ясность, и мѣткость выраженій и черезъ то принужденъ бываетъ только что разсказанное повторять въ исправленномъ и лучшемъ видѣ. Здѣсь же нужно напомнить еще о другомъ, нерѣдко встрѣчающемся неправильномъ взглядѣ. Нѣкоторые учителя, именно при преподаваніи грамматики, по опредѣленіи и объясненіи правилъ, по ложно понимаемой предосторожности, прибавляютъ то, какъ уче-

*) Эту задачу съ правильнымъ взглядомъ и превосходнымъ выборомъ выполнилъ, напр., К. В. Крюгеръ въ своемъ учебникѣ греческаго языка. Ср. стр. 62 и Quintil. instit. or. I, 1, 35.

**) Въ особенности для дѣтскаго возраста имѣютъ значеніе прекрасныя слова Деблина о свободныхъ христіанскихъ воскресныхъ школахъ въ deutsch-evangel. Blätter 1877, II, стр. 341: „Обученіе должно быть наглядное; всякую абстракцію прочь! Учитель наглядности и совершеннѣйшій образецъ ея есть Спаситель, который свои вѣчныя истины умѣлъ представить младенчеству народу всегда въ новыхъ жизненныхъ образахъ, которые заимствовалъ изъ различныхъ жизненныхъ областей, доступныхъ его слушателямъ.“

никъ ихъ не понялъ бы или не примѣнилъ бы; послѣдствіемъ этого бываетъ, что нѣкоторые малоспособные или невнимательные ученики запоминаютъ ложное. Учитель долженъ обучать только правильному въ наиболѣе соответствующей формѣ; чрезъ это вѣрнѣйшимъ образомъ предохраняются ошибки, которыя исправляются при встрѣчѣ ихъ.

§ 90.

Рядомъ съ рассказываніемъ учителя стоитъ равно важная форма обученія вопросъ*). Онъ двоякаго рода: разъ учитель желаетъ удостовѣриться, правильно ли понято и удержано учениками рассказанное, а другой разъ онъ имѣетъ цѣлю чрезъ вопросъ побудить къ дальнѣйшему размышленію. Первые, повторительные вопросы служатъ къ испытанію и укрѣпленію знанія; потому они, въ сущности, ограничиваются выпрашиваніемъ изученнаго. Послѣдніе, развивательные вопросы чрезъ анализъ и синтезъ направляютъ ученика къ высшей ступени познанія; потому они чрезъ разложеніе отдѣльныхъ или соединеніе различныхъ предметовъ даютъ новые выводы обученія. Первые обращаются по преимуществу къ памяти, послѣдніе къ разсудку и сравнивающей силѣ воображенія; тѣ и другіе вмѣстѣ имѣютъ цѣлю побудить ученика къ дѣятельности и установить духовное взаимное отношеніе между учителемъ и ученикомъ. Также заслуживаетъ вниманія, что вопросъ есть непосредственное требованіе отъ ученика, слѣдовательно, не безъ отношенія къ образованію воли. Такъ какъ сила духа растетъ въ равномъ отношеніи къ его развитію, то вопросу въ обученіи болѣе широкое примѣненіе приличествуетъ на низшихъ, чѣмъ на высшихъ классныхъ ступеняхъ; однако и на послѣднихъ онъ не можетъ совсѣмъ отсутствовать и замѣняться чисто акроаматическимъ способомъ. Если во взрослыхъ ученикахъ должно предполагать болшую способность воспринимать связанное, то тѣмъ болѣе учитель обязанъ удостовѣриться, правильно ли усвоено рассказанное имъ, и, такъ какъ онъ у зрѣлыхъ учениковъ можетъ предполагать болѣе сильную способность творчества и комбинаціи, то имъ для самостоятельнаго развитія долженъ предлагать и болѣе объемистые вопросы. Различіе, слѣдовательно, главнымъ образомъ въ томъ, что на низшихъ ступеняхъ вопросъ и отвѣтъ разрѣшаются непосредственно, на высшихъ же ступеняхъ вмѣсто краткаго отвѣта ожидается болѣе подробное изложеніе и потому большая собственная дѣятельность ученика. Но это не полныя противоположности и, въ общемъ, рѣчь идетъ только о различной мѣрѣ примѣненія на тѣхъ и другихъ ступеняхъ вопросовъ и отвѣтовъ, такъ что правила для нихъ могутъ быть обсуждаемы вмѣстѣ.

Ближайшее требованіе состоитъ въ томъ, чтобы вопросъ возбуждалъ весь классъ а непосредственнаго отвѣта требовалъ бы только отъ одного ученика; учитель сначала долженъ высказать вопросъ и затѣмъ, по истеченіи нѣкотораго времени, требующагося для размышленія, вызвать одного

*) А. Reinstein, die Frage in Unterricht, Leipzig 1874.

ученика, который долженъ дать отвѣтъ. Если ученикъ вызывается сначала и затѣмъ задается вопросъ, то остальной классъ знаетъ, что онъ тутъ не имѣется въ виду, и большая часть его остается невнимательною. Если же къ отвѣту на поставленный вопросъ не вызывается опредѣленный ученикъ, то отвѣчаетъ, кто можетъ и кто хочетъ; остальные не чувствуютъ никакого побужденія къ дѣятельности, и учитель узнаетъ, кто на вопросъ отвѣчаетъ, а не кто его не знаетъ. Кромѣ того, при такомъ способѣ онъ не въ состояніи свой вопросъ, который долженъ соответствовать среднимъ способностямъ всего класса, въ то же время рассчитывать на потребность отдѣльнаго ученика. Это, какъ мы уже видѣли (§ 69), не легкая его задача: въ общемъ онъ долженъ свой вопросъ примѣнять къ среднему духовному состоянію класса, но направлять его на того ученика, котораго знаніе и развитіе нуждаются въ особомъ возбужденіи или который чрезъ хорошій отвѣтъ можетъ помочь остальному классу. Потому болѣе способному ученику задается болѣе трудный вопросъ, а менѣе способному менѣе трудный; разсѣяннаго вообще должно чаще спрашивать, чѣмъ внимательнаго, и cadaго должно спрашивать главнымъ образомъ въ томъ направленіи, въ которомъ ему особенно нужна помощь. Такимъ образомъ осторожно задавать вопросы и чрезъ нихъ равномерно поддерживать вниманіе и напряженіе всего класса — это задача учителя, которую онъ можетъ выполнить только, задавая вопросы означеннымъ способомъ. То же вниманіе къ особенностямъ и развитію своихъ воспитанниковъ онъ долженъ соблюдать и при упражненіи въ переводѣ, такъ какъ и отдѣльные мѣста писателей различаются по трудности пониманія и передачи*). Послѣ этого едва ли уже нужно замѣчаніе, что учениковъ не должно спрашивать или заставлять переводить по порядку; ничто такъ не пріучаетъ учениковъ къ невнимательности и духовной лѣни, и, кромѣ того, этотъ способъ доказываетъ, что учитель любитъ удобство.

Въ вопросѣ, далѣе, вопросительное слово должно ставить на первомъ мѣстѣ. Эта строгая форма именно должна быть соблюдаема на низшихъ ступеняхъ, чтобы учениковъ, которыхъ вообще прежде всего должно пріучать къ правильному говоренію, научать правильной формѣ отвѣта, отчасти также потому, что чрезъ такую постановку вопросъ рѣзче выдѣляется и потому легче отвѣтить на него. Въ высшихъ классахъ отступленіе отъ этой формы скорѣе допускается, но однако и въ живомъ обращеніи она не должна быть

*) Подобное вниманіе къ отдѣльному, при сохраненіи общей точки зрѣнія, принадлежитъ къ наиболѣе дѣйствительнымъ средствамъ обученія и по правильному примѣненію этого способа узнается мастеръ своего дѣла. Онъ однако возможенъ только при умѣренномъ числѣ учениковъ, тогда какъ столь частое переполненіе классовъ почти совсѣмъ препятствуетъ такъ называемому индивидуализированію обученія и даже дѣльнаго учителя пріучаетъ, вмѣсто содѣйствованія отдѣльнымъ ученикамъ, стремиться только къ владѣнію цѣлымъ классомъ. Наши высшія школы имѣли бы значительно большіе результаты и наши учителя выиграли бы въ дидактическомъ образованіи и во внутреннемъ удовлетвореніи, еслибы нынѣшняя масса учениковъ была раздѣлена на большее число заведеній. Также директорамъ нынѣшнимъ состояніемъ поставляется почти неразрѣшимая задача въ отношеніи образованія учителей и учениковъ и надзора надъ тѣми и другими.

совсѣмъ опускаема изъ виду. Кромѣ того, къ внѣшнимъ требованіямъ отъ вопроса принадлежитъ то, что онъ долженъ быть свободенъ отъ бесполезныхъ прибавленій. Постоянно повторяющаяся вступительная формула „теперь скажите“ и подобное, что допускается многими учителями по невнимательности къ себѣ, и надоѣдаетъ, и напрасно беретъ время.

По внутреннему свойству вопросы не должны быть ни замысловатые, ни альтернативные. Въ первыхъ учитель отвѣтъ влагаетъ въ уста ученику и чрезъ то предупреждаетъ размышленіе, къ которому желаетъ побудить; во вторыхъ онъ отвѣтъ ограничиваетъ выборомъ между двумя имъ самимъ выставленными случаями, по большей части выборомъ между да и нѣтъ. Онъ вредно суживаетъ кругъ ихъ размышленія и учитъ ихъ гадать; здѣсь вопросъ не можетъ принести духовной пользы ученику и по отвѣту учитель не можетъ вѣрно судить объ ученикѣ. Еще хуже, когда учитель до половины подсказываетъ отвѣтъ ученикамъ, такъ что имъ остается только добавить два, три слова, которыя большею частью безъ всякаго напряженія и даже безъ яснаго сознанія могутъ быть отгаданы по одной только связи. Должно избѣгать также внѣшняго соединенія двухъ вопросовъ (напр., какую цѣль преслѣдовалъ Густавъ Адольфъ? какъ на нее смотрѣть?), такъ какъ оно бесполезно накапливаетъ матеріаль, вперёдъ разсѣиваетъ мышленіе и такимъ образомъ ведетъ къ невѣрности и неясности отвѣта.

Далѣе, форма вопроса должна быть столь короткая и связаная, какъ только предметъ допускаетъ; много словъ заслоняютъ суть дѣла и разсѣиваютъ, а краткое выраженіе сильнѣе всего возбуждаетъ. Сходное съ этимъ требованіе состоитъ въ томъ, что вопросъ по содержанію своему долженъ быть отчетливый и опредѣленный, чтобы удерживать мышленіе ученика въ твердыхъ предѣлахъ. Довольно часто можно слышать вопросы: Кто былъ Цезарь? Что должно замѣтить объ этомъ стихотвореніи Горация? Скажите мнѣ что нибудь о Фридрихѣ Барбароссѣ! На подобные неопредѣленные и общіе вопросы невозможно давать ясные и удачные отвѣты; въ крайнемъ случаѣ ученикъ въ видѣ повторенія и довольно механически можетъ разсказать, что онъ заучилъ наизусть изъ разсказа учителя или изъ учебника. Но къ дѣйствительной духовной работѣ онъ чрезъ это не возбуждается и потому о духовной пользѣ для него при этомъ способѣ не можетъ быть и рѣчи. Столь же нелѣпо обращать въ вопросъ неопредѣленность нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ; сюда принадлежитъ нерѣдко встрѣчающееся обращеніе: „къ какому времени относите вы основаніе Рима?“ или подобное. Ученику нечего предполагать: онъ долженъ только вѣрно отвѣчать сообщенные ему истинные или вѣроятные факты; если же ему будетъ позволено видоизмѣнять ихъ по собственному усмотрѣнію, то въ немъ пропадетъ уваженіе къ точному знанію вообще, и столь охотно предоставленною ему неопредѣленностью онъ безъ сомнѣнія воспользуется для небрежности и лѣности*).

*) Ср. о всемъ этомъ предметѣ мѣткія замѣчанія въ Nägelsbach's Gymnasialpäd. стр. 30 и слѣд.

Еще важнѣе то, чтобы всѣ вопросы, заданные во время одного учебнаго часа или при прохожденіи отдѣла, находились во взаимной связи между собою и вели къ одной опредѣленной цѣли.

Несообразно съ дѣломъ, когда учитель въ преподаваніи перемѣшиваетъ разсказъ и вопросы, и свои вопросы прерываетъ объясненіями о вещахъ, которыя ученики уже знаютъ или до которыхъ они именно теперь должны дойти собственнымъ размышленіемъ. Но и вопросная форма обученія не должна состоять въ отрывочномъ выспрашиваніи, которое только внѣшнимъ образомъ напрягаетъ память, но оно рядомъ съ провѣркою знанія должно имѣть цѣлью и духовное развитіе учениковъ. Это и само собою разумѣется, когда учитель аналитическимъ путемъ или чрезъ возбужденіе новыхъ сравненій и синтезовъ хочетъ внушить ученикамъ и новое знаніе. Но также и тамъ, гдѣ преобладаетъ цѣль испытанія, онъ долженъ послѣдніе такъ располагать по вышеуказаннымъ точкамъ зрѣнія, чтобы чрезъ этотъ порядокъ, гдѣ возможно, получались новыя воззрѣнія и, во всякомъ случаѣ, большая ясность и живость пониманія учениками. Какъ это должно происходить въ отдѣльныхъ случаяхъ, будетъ объяснено при повтореніяхъ; здѣсь достаточно выставить общее правило, что учитель напередъ долженъ хорошенько продумать порядокъ вопросовъ и обратить вниманіе на то трудное дѣло, что онъ, не взирая на всѣ уклоненія, возникающія отъ непредвидѣнныхъ отвѣтовъ учениковъ, въ общемъ долженъ слѣдовать къ своей цѣли по разъ избранному пути. Для этого необходимо полное владѣніе матеріаломъ и классомъ и большая вѣрность въ составленіи и соединеніи вопросовъ, и отсюда очевидно, что искусство правильного спрашиванія принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ учительской должности, въ которой съ самаго начала должно прилежно упражняться, но совершеннымъ въ которой можетъ быть только мастеръ своего дѣла. Какого рода должна быть предполагаемая связь вопросовъ, это опредѣляется частію природою учебнаго предмета, частію данною потребностью класса. Только то вѣрно, именно въ отношеніи второго пункта, что этотъ порядокъ не неизмѣнный, а долженъ приравниваться къ измѣнчивому состоянію образованія класса и, для лучшаго усвоенія матеріала, долженъ быть въ различныхъ случаяхъ различно составленъ. Если такимъ образомъ совокупностью вопросовъ имѣется въ виду и осуществляется единая цѣль обученія для цѣлаго класса, то учитель при этомъ чрезъ различное образованіе своихъ вопросовъ долженъ направлять ихъ на пользу отдѣльныхъ учениковъ, какъ это замѣчено уже въ § 32. По полученіи неправильнаго отвѣта или за невозможностью данному ученику отвѣтить на поставленный вопросъ спрашивать другого, это въ видѣ исключенія можно рекомендовать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о быстромъ повтореніи большихъ отдѣловъ или удостовѣреніи знанія учениковъ или, когда хотятъ дать ученику почувствовать его разсѣянность. Обыкновенно же не отвѣтившаго или неправильно отвѣтившаго ученика слѣдуетъ поддержать и побудить къ размышленію видоизмѣненнымъ вопросомъ, въ которомъ главная цѣль не опущена изъ виду, но чрезъ болѣе глубокое проникновеніе затро-

нуты другіе, болѣе извѣстные моменты ея. Черезъ это раскрытіе сходныхъ сторонъ онъ найдетъ связь въ своихъ познаніяхъ и, наконецъ, дастъ желаемый отвѣтъ. Такимъ образомъ пробѣлы его знанія пополняются и вмѣстѣ съ памятью укрѣпляются въ немъ и другія душевныя силы. Неопытные учителя одинъ и тотъ же вопросъ повторяютъ два, три раза; но надо подумать, поможетъ ли это данному ученику или возбудитъ ли остальной классъ. Этотъ нелѣпый способъ есть только вредная трата времени.

Къ вопросамъ принадлежатъ и отвѣты, требующіе также тщательнаго вниманія учителя. И прежде всего учитель долженъ за тѣмъ слѣдить, чтобы ученики, именно низшихъ классовъ, не отвѣчали отдѣльными отрывочными словами, а цѣлыми, правильными предложеніями. На вопросъ: гдѣ Іисусъ родился? недостаточно отвѣта: „въ Виолеемѣ“, а должно отвѣтить: „Іисусъ родился въ Виолеемѣ.“ Ученики должны быть научены не только знанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ также правильному говоренію; кромѣ упражненія въ языкѣ, это важно и для содержанія отвѣта, такъ какъ точное знаніе выражается только чрезъ правильное соединеніе понятій, сужденій и предложеній и потому правильная форма предложенія устраняетъ неточность и неясность пониманія. На высшихъ ступеняхъ обученія, гдѣ можно предполагать достаточное образованіе учениковъ, учитель можетъ довольствоваться и сокращенною формою отвѣта, такъ какъ здѣсь соблюденіе этой подробности ведетъ къ мелочности и беретъ много времени. Однако ясность и правильность выраженія и здѣсь должны быть соблюдаемы. Если, напр., спрашиваютъ, что такое хіазмъ, то отвѣтъ, что это особая разстановка словъ для большей выразительности, неясенъ, и отъ ученика нужно требовать большей опредѣленности. Или если на вопросъ, что такое правильная фигура, ученикъ начинаетъ свой отвѣтъ: правильная форма есть, когда и т. д., то это противно духу языка и должно быть отвергнуто учителемъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ чаще эта ошибка встрѣчается. Подъ половиною выраженія обыкновенно скрывается и половинное знаніе, и неправильное по языку объясненіе большею частью происходитъ отъ неяснаго или ложнаго представленія о вещи; даже гдѣ этого нѣтъ, оно содѣйствуетъ неясности представленій другихъ учениковъ.

О нехорошей привычкѣ всякій правильный отвѣтъ ученика хвалить, какъ хорошій или прекрасный, уже выше говорено (§ 60); столь же неодобрительна привычка учителя повторять правильный отвѣтъ весь или только конецъ его. То и другое бесполезно беретъ время, происходитъ полумеханически и дѣйствуетъ усыпляющимъ образомъ; однако оба заблужденія довольно часты и могутъ быть избѣгнуты только строгою внимательностью къ самому себѣ.

Изъ различныхъ основаній, далѣе, слѣдуетъ, что учитель не долженъ поспѣшно прерывать отвѣтъ ученика съ цѣлью исправленія его, но долженъ дать сполна его высказать, и подобное правило имѣетъ значеніе и для упражненій въ переводѣ. Сколько и въ чемъ ученикъ ошибается, о томъ съ вѣрностью можно судить только въ концѣ отвѣта; что съ начала казалось сомнительнымъ, то часто исправляется въ ходѣ рѣчи. Учитель такимъ

образомъ чрезъ терпѣливое выслушиваніе избѣгаетъ опасности очутиться въ непріятномъ положеніи необходимости брать назадъ свою поспѣшную поправку. Важнѣе еще то, что онъ только такимъ образомъ узнаетъ въ неудовлетворительномъ опытѣ ученика, гдѣ корень ошибки, въ недостаткѣ ли подготовки или повторенія, въ ложномъ ли соединеніи понятій или въ чемъ либо другомъ, и что онъ только тогда можетъ сообразовать родъ поправки. Плохо подготовившійся, но способный ученикъ при помощи такихъ вставляемыхъ поправокъ учителя настолько удовлетворительно переводить, что его лѣнность не вполне выступаетъ наружу; неясно представляющей дѣло ученикъ при помощи вставокъ учителя, наконецъ, приходитъ къ правильному отвѣту, но такимъ образомъ недостатокъ его не исправляется. Кромѣ того, чрезъ постоянное вмѣшательство учителя получается такая запутанная картина, которая также другими учениками не можетъ быть ясно понята. Наконецъ, поспѣшная поправка есть препятствованіе дѣятельности ученика, которая только что должна была проявиться, и она ограничиваетъ не только ближайшую цѣль вопроса, но также право ученика, который можетъ требовать, чтобы онъ былъ выслушанъ сполна. Именно, для прилежнаго и мыслящаго воспитанника такимъ образомъ значительно уничтожается плодъ его размышленія; онъ справедливо радовался, что достигъ правильного результата, и теперь находитъ препятствіе своему изложенію именно въ томъ, отъ кого ожидалъ одобренія или, по крайней мѣрѣ, безпристрастнаго сужденія. Въ особенности всѣ эти замѣчанія имѣютъ значеніе для перевода писателей; очень вредно и производитъ отвратительное впечатлѣніе, когда учитель постоянно перебиваетъ переводящаго ученика для исправленія ли ошибки или для поправленія неудачнаго выраженія*). Мало подготовившійся ученикъ проходитъ удачно, прилежный чувствуетъ досаду, классъ не получаетъ яснаго перевода, доходитъ дѣло до чрезмѣрности и до наказанія и случается, что нетерпѣливый учитель самъ сначала употребляетъ неправильное выраженіе и во время перевода во второй или третій разъ снова исправляетъ то же самое. Такой неправильный способъ скрываетъ отъ учениковъ красоту формы у классиковъ и отнимаетъ охоту къ занятію ими; однако у живыхъ учителей онъ, къ сожалѣнію, часто встрѣчается. Ученикъ безпрепятственно долженъ кончить свой отвѣтъ или переводъ даннаго отдѣла; только тогда учитель обращаетъ вниманіе на замѣченныя ошибки, но не исправляетъ ихъ тотчасъ самъ, а задаетъ вопросы и направляетъ ихъ, смотря по обстоятельствамъ, или на переводившаго, или на прочихъ учениковъ; онъ возбуждаетъ и сосредоточиваетъ вниманіе всего класса на данномъ случаѣ и при общемъ участіи учениковъ исправляетъ ошибки. Когда онъ такимъ способомъ довелъ учениковъ до правильного пониманія и до удачнаго внѣшняго выраженія, то переводившій ученикъ или, по надобности, какойнибудь другой изъ нихъ повторяетъ правильный отвѣтъ или переводъ въ связи и безъ ошибокъ. Такимъ образомъ всѣ одновременно и самостоятельно

*) Hirzel, Gymnasialpäd. стр. 209, 212.

упражняются въ достиженіи правильнаго пониманія и въ передачѣ; предъ учениками раскрывается ясная картина достиженія истины, и учитель изъ собственнаго участія учениковъ въ этомъ дѣлѣ удостоверяется въ ихъ прилежаніи и вниманіи и во всемъ ихъ духовномъ дѣйствованіи.

§ 91.

Изъ этихъ правилъ для вопросительной формы обученія, равно какъ и изъ вышеприведенныхъ объясненій (§§ 70 и 71), въ общемъ, уже ясно, въ какомъ отношеніи къ вопросамъ и къ школьному обученію должны стоять повторенія и по какимъ точкамъ зрѣнія они должны быть устанавливаемы. По причинѣ своей большой важности для общаго результата обученія, они заслуживаютъ еще особеннаго рассмотрѣнія. Прежде всего, до сихъ поръ столько выяснилось, что повтореніе никогда не должно служить исключительно для упражненія памяти и для контроля надъ нею; оно всегда должно быть полезно и для прочихъ цѣлей обученія и потому, по направленію своему, тѣмъ ближе должно примыкать къ нимъ, чѣмъ больше по вышеприведеннымъ нашимъ объясненіямъ память есть форма соотносительной духовной дѣятельности и потому зависима отъ остальныхъ духовныхъ формъ. Хотя не должно прямо пренебрегать внѣшними средствами для заучиванія наизусть, насколько они естественно соотвѣтствуютъ сущности дѣла, напр., при изученіи стихотвореній, запоминаніемъ начальныхъ словъ отдѣльныхъ строфъ или въ исторіи сопоставленіемъ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ или хронологическихъ данныхъ, но всетаки имъ не должно придавать особенной важности. Во всякомъ случаѣ они никогда не должны переходить въ мнемотехническую затѣйливость (§ 70), которая не имѣетъ никакого достоинства и способна скорѣе исказить мышленіе ученика и направить на ложный путь, чѣмъ возбудить къ правильной дѣятельности, и уничтожить всякую связность духовнаго образованія. Если же при повтореніяхъ предусмотрительно имѣется въ виду также цѣль общаго духовнаго развитія, то для нихъ ежедневно и ежечасно будутъ находиться поводы, и этими поводами нужно тѣмъ полнѣе пользоваться, чѣмъ больше учитель желаетъ поддерживать живую связь въ познаніяхъ учениковъ. Если для этихъ случайныхъ повторительныхъ вопросовъ правила опредѣляются даннымъ поводомъ или потребностью, то всетаки должны быть установлены особыя повторенія по общимъ основаніямъ, которыя частію уже указаны, но нуждаются еще въ восполненіи и указаніи примѣненія ихъ къ ходу обученія.

Различіе, существующее въ отношеніи вопросовъ и отвѣтовъ между низшими и высшими степенями обученія (см. предыдущій параграфъ), имѣетъ значеніе также для повтореній. Такъ какъ у младшихъ учениковъ еще слаба сила для внутренняго соединенія и удерживанія учебнаго матеріала, то у нихъ повтореніе должно непосредственно примыкать къ разсказу и объясненію; потому къ нему должно прибѣгать по возможности чаще и всегда по прохожденіи цѣлаго отдѣла и оно должно состоять въ живомъ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ. Это упражненіе должно быть продѣлываемо на ка-

ждомъ урокъ до твердаго запѣминанія матеріала всѣмъ классомъ; всякое пренебреженіе имъ или опущеніе его, всякая поспѣшность учителя въ движеніи впередъ отзывается чувствительнымъ образомъ. Разсудокъ и память здѣсь на каждомъ шагѣ другъ друга поддерживаютъ и восполняютъ; большія массы ученикъ еще не можетъ осилить, и безъ твердаго усвоенія пройденнаго учебнаго матеріала невозможно пониманіе послѣдующаго. Слѣдовательно, если учитель позволитъ ученику пренебрегать этими постоянными повтореніями или если его не всегда доводятъ до яснаго и точнаго пониманія предмета, то онъ не только очень скоро окажется не въ состояніи итти далѣе, но не понимаетъ и пройденнаго, и развитіе его останавливается. Если же означенныя упражненія выполняются настойчиво со всестороннимъ повтореніемъ заученнаго матеріала и если учитель не упускаетъ ни одного подходящаго случая для того, чтобы возвращаться къ прежде пройденному, то онъ можетъ совсѣмъ обходиться безъ общихъ повтореній. Послѣднія на этихъ ступеняхъ также и неумѣстны, такъ какъ ученикъ не въ состояніи выполнить ихъ въ связномъ видѣ и, кромѣ того, не въ состояніи систематически заниматься обширными домашними работами.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше должно возбуждать самостоятельную дѣятельность и при повтореніяхъ; около случайныхъ и вставочныхъ въ обученіе вопросовъ о пройденномъ группируются повторенія, которыя по объему своему все болѣе и болѣе расширяются и при этомъ производятся въ двойномъ родѣ. Первый состоитъ въ томъ, что учитель въ началѣ каждаго урока заставляетъ двухъ, трехъ учениковъ по отдѣламъ повторять заданное, по возможности, въ связномъ разсказѣ. Кромѣ ближайшей цѣли, именно затверженія заданнаго и установленія связи съ ближайшимъ послѣдующимъ, слѣдовательно, подготовки къ дальнѣйшему разсказу, чрезъ это онъ достигаетъ еще двойной цѣли. Въ то время, когда ученикъ безъ перерыва коротко разсказываетъ пройденный отдѣлъ, онъ принужденъ бываетъ въ особенности ясно выставить главныя черты; чрезъ это изопряется какъ его собственное, такъ и его товарищей пониманіе. Далѣе, это самостоятельное сообщеніе ученика безъ вмѣшательства со стороны учителя даетъ удобный случай видѣть, какія неясности и пробѣлы встрѣчаются еще въ знаніи ученика. Такимъ образомъ учитель вѣремя, пока заблужденіе не успѣло еще вкорениться, будетъ имѣть случай неправильное исправить и дать знаніямъ класса необходимую ясность. Но кромѣ того этотъ родъ повторенія наиболѣе чаще доставляетъ ученикамъ случай упражняться въ свободномъ говореніи; эти упражненія полезны, потому что происходятъ безъ дословнаго предварительнаго продумыванія и при этомъ всетаки основываются на подготовленности, такъ какъ каждый ученикъ долженъ быть готовъ съ ними къ каждому дню. Потому-то учитель и обязанъ рядомъ съ подробнымъ содержаніемъ требовать также правильной и соотвѣтственной формы выраженія. Въ исторіи, религіи и математикѣ достаточно примѣнительно къ разсказу учителя передать заданный прошедшій урокъ; однако рекомендуется и здѣсь этому роду повторенія время отъ времени давать особенное направленіе. Такъ, напр., учитель можетъ заставить

передать только математическія теоремы прошедшаго урока безъ приведенія доказательствъ или безъ подробнаго указанія хода доказательства съ общою связью съ другими частями науки, или безъ указанія на общее направленіе и объемъ даннаго отдѣла, съ особеннымъ удареніемъ на вспомогательныя положенія и разъясняющія задачи. Равнымъ образомъ онъ теченіе историческаго разсказа можетъ прервать краткими хронологическими или синхронистическими указаніями главныхъ фактовъ, или вмѣсто объясненнаго отдѣла изъ вѣроученія спрашивать объясненіе приведенныхъ библейскихъ мѣстъ и въ церковной исторіи сильнѣе напирать то на догматическій, то на біографическій моментъ. Подобное же видоизмѣненіе повторенія возможно въ грамматическомъ обученіи, такъ какъ объясненныя правила могутъ быть объединяемы подъ различными точками зрѣнія и, при случаѣ, вмѣсто нихъ можно спрашивать также примѣры. Въ особенности же подобное разнообразіе повтореній возможно и рекомендуется при объясненіи писателей; если на среднихъ ступеняхъ необходимо повтореніе перевода на предыдущемъ урокъ прочитаннаго отдѣла, то на высшихъ ступеняхъ оно можетъ ограничиваться только отдѣльными частями его или можетъ быть замѣнено передачею содержанія, или можно заставлять повторить примѣнительно къ переведенному отдѣлу объяснительныя замѣчанія учителя, такимъ образомъ, что одинъ ученикъ припоминаетъ антикварныя замѣчанія, другой метрическія, третій относящіяся къ языку и т. д. Такимъ образомъ въ урокъ вносится новая жизнь, и ученики пріучаются ко всестороннему пониманію заданнаго урока*).

Другой родъ повторенія происходитъ по прохожденіи болѣе обширнаго учебнаго отдѣла, смотря по обстоятельствамъ, чрезъ четырехъ — шестинедѣльные промежутки. Эти повторенія учитель долженъ напередъ назначать, и опредѣлять ученикамъ извѣстный срокъ для приготовленія; также онъ самъ долженъ снова продумать повторяемый отдѣлъ и правильно освоиться съ различными точками зрѣнія, по которымъ повтореніе можетъ быть ведено наиболѣе плодотворнымъ образомъ. Чрезъ это дѣйствіе знаніе учениковъ получаетъ связность, твердость, ясность и жизнь. Для объясненія приведемъ здѣсь нѣкоторые примѣры. Когда учитель разсказалъ раннюю исторію Среднихъ вѣковъ до поселенія лангобардовъ въ Италіи, то все такъ называемое переселеніе народовъ можно объединить въ одномъ повтореніи. Но не всѣ переселенія въ промежуткѣ времени отъ 375 по 568 годъ должны быть включены сюда, и учитель при этомъ, какъ и при другомъ подобномъ случаѣ, долженъ указывать на то, что подобныя же явленія встрѣчались уже ранѣе (переселенія кельтовъ съ 400 года, нападенія кимвровъ съ 113 года до Р. Хр. и др.); или въ другой формѣ также позднѣе (поселенія нормановъ, завоеванія арабовъ, крестовыя походы, колонизація чужихъ частей свѣта). Чрезъ эти указанія онъ устранить и обычный еще ложный взглядъ, будто эти

*) С. Lang, Über die Repetition der Autorenlectüre in der Schule въ Jahrb. für Phil. u. Päd. II, 183—193 содержитъ въ себѣ нѣкоторыя цѣлесообразныя указанія.

переселенія были произведены внѣшнимъ образомъ напоромъ гунновъ, толчекъ которыхъ механически передался пограничнымъ съ ними народамъ и чрезъ нихъ далѣе. Но всетаки въ вышеуказанномъ періодѣ заключается однородная и важнѣйшая группа переселеній. Чтобы преодолѣть трудный и по видимому запутанный матеріалъ этого періода и сдѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ яснымъ для учениковъ, учитель долженъ заставлять учениковъ распредѣлять его по группамъ, по событіямъ или по географическимъ даннымъ, т. е. разбирать его по различнымъ направленіямъ. Такимъ образомъ одни будутъ рассказывать краткую исторію отдѣльныхъ народовъ, съ ихъ выступленія на историческомъ поприщѣ до слиянія съ другими народами, хронологически и съ яснымъ указаніемъ пространствъ земли, которыя они проходили; другіе укажутъ, въ какомъ порядкѣ и какими народами при какихъ обстоятельствахъ были заняты отдѣльныя провинціи Римской имперіи; третьи опишутъ владѣтельные отношенія этой имперіи по пятидесятилѣтнимъ періодамъ въ историко-географическомъ отношеніи; четвертые въ краткой параллели сопоставлять главы кочевыхъ народовъ; пятые изложатъ вліяніе христіанства на отдѣльные народы и на политическій образъ средней и южной Европы; еще другіе укажутъ на различное отношеніе кочевыхъ народовъ къ восточной римской имперіи, и, наконецъ, не можетъ остаться незатронутымъ и вліяніе историческихъ фактовъ на сложеніе сагъ. Укажетъ ли учитель ученикамъ на эти и подобныя точки зрѣнія уже до повторенія, чтобы они по нимъ подготовлялись, или выведетъ ихъ только во время повторенія, въ этомъ онъ можетъ руководствоваться данными для него обстоятельствами. Когда этотъ періодъ по указаннымъ направленіямъ повторенъ въ связныхъ рассказахъ учениковъ, то съ увѣренностью можно рассчитывать на ясное усвоеніе его и на живой результатъ образованія въ ученикахъ.

Далѣе, учитель въ концѣ cadaго полугодія долженъ заставлять въ связи повторить всё въ продолженіе его прочитанныя стихотворенія Горация и при этомъ, такъ какъ прима даже при годовыхъ курсахъ состоитъ изъ учениковъ двухъ степеней, заставлять старшихъ воспитанниковъ въ мысли возвращаться и къ ранѣе объясненнымъ книгамъ. Его цѣль при объясненіи этого поэта не можетъ ограничиваться однимъ только пониманіемъ отдѣльныхъ одъ, а онъ долженъ также дать ученикамъ живое представленіе о личности, поэтическомъ дарованіи, о моральномъ, политическомъ и общественномъ значеніи Горация; но этой цѣли онъ еще не достигнетъ, когда при повтореніи будетъ только заставлять переводить отдѣльныя стихотворенія и при этомъ будетъ обращать вниманіе на отличія въ отношеніи языка и метрическаго строя. Онъ долженъ теперь заставлять сходныя оды сопоставлять вмѣстѣ по опредѣленнымъ точкамъ зрѣнія и сравнивать ихъ между собою*). Потому совмѣстному разсмотрѣнію должны быть подвергнуты также

*) Этого сопоставленія однородныхъ пѣсней требуютъ Haverstadt (Berliner Zeitschr. für G.-W. 1858, стр. 881) и еще строже Lehnerdt (Horaz in Prima, Progr. d. G. in Thorn

тѣ пѣсни, которыя, напр., имѣютъ характеръ описанія ландшафтовъ или относятся къ опредѣленному времени года, или стихотворенія политическаго направленія, именно относящіяся къ дому Августа, къ великимъ государственнымъ людямъ или къ состоянію римской имперіи, стихотворенія религіознаго или общественнаго содержанія, пѣсни о дружбѣ съ подробнымъ различіемъ отношенія къ отдѣльнымъ лицамъ, и какія вообще возможны однородныя группы. Рядомъ съ этими подраздѣленіями въ отношеніи содержанія могутъ быть отысканы точки сравненія въ отношеніи метрики, языка, такъ какъ въ различныхъ стихотвореніяхъ встрѣчаются одинаковый стихотворный размѣръ, сходныя фигуры или фразеологическіе обороты, сходныя аномаліи и вольности въ языкѣ и допускаютъ общее разсмотрѣніе, и отсюда опять могутъ быть сдѣланы поучительные выводы о времени написанія стихотвореній и о постепенномъ развитіи поэтическаго дарованія Горація. Также оба рода точекъ зрѣнія, относящіяся къ содержанію и къ формѣ, могутъ быть поставлены въ плодотворную связь между собою: напр., можно на то указать, что три изъ стихотвореній, въ которыхъ Горацій съ почтенною скромностію говоритъ о своемъ званіи поэта (I. 1; III. 30; IV. 8), написаны однимъ и тѣмъ же стихотворнымъ размѣромъ и четвертое (IV. 3) написано сходнымъ съ ними размѣромъ. Эти указанія могутъ служить къ тому, чтобы видѣть, какъ разнообразно дарованіе этого поэта и какъ возможно ученикамъ чрезъ обычное выясненіе и правильныя повторенія обратить его въ свою живую и любимую собственность. Въ то же время отсюда будетъ ясно, что такія общія повторенія, далекія отъ того, чтобы ограничиваться внѣшнимъ упражненіемъ памяти и доставлять ученикамъ механическую работу, болѣе всего содѣйствуютъ успѣшному ходу обученія.

Но подобный способъ предполагаетъ, что повтореніе выполняется серьезно, какъ актъ, составляющій необходимое заключеніе предыдущей дѣятельности и вмѣстѣ исходную точку послѣдующихъ стремленій. Повтореніе чрезъ это получаетъ значеніе и какъ бы внутреннее освященіе, возвышающее его надъ обыкновенною дѣятельностію обученія, и хорошо подготовившійся ученикъ идетъ къ нему съ чувствомъ удовлетворенія, сопровождающимъ всякую успѣшную дѣятельность. Учитель при нихъ не долженъ скупиться на высказываніе своего сужденія, будетъ ли оно похвалою или порицаніемъ, и не долженъ уставать предпринимать все новыя и новыя повторенія, пока весь классъ не достигъ, если не равной, то, по крайней мѣрѣ, опредѣленной, достаточной мѣры твердости знанія. Если онъ поступаетъ такимъ образомъ и, кромѣ того, сообразуетъ задачи съ среднею производительною силою учениковъ, то общія повторенія и для него и для воспитанниковъ послужатъ къ полезному и пріятному оживленію ежедневной работы.

1876) уже при первомъ чтеніи, что не безъ значенія. Ср. Eckstein, Latein. Unterr. 2. Aufl. стр. 167.

§ 92.

Четвертую форму обученія образуютъ домашнія работы; цѣль ихъ есть восполненіе школьнаго обученія, какъ въ отношеніи содѣйствованія знанію, такъ и самостоятельной дѣятельности. По этому двойному направленію различаются и роды домашнихъ работъ: успѣхамъ знанія главнымъ образомъ содѣйствуютъ приготовленіе заданнаго и повтореніе, упражненіемъ же въ самостоятельной дѣятельности служатъ письменныя работы (сочиненія, упражненія, метрическія композиціи, рѣшеніе математическихъ задачъ и т. п.). Само собою разумѣется, что этимъ не раздѣляется строго ихъ дѣйствіе, что противорѣчило бы и единству духа, и цѣли, и понятію обученія; какъ первые два рода домашнихъ работъ служатъ къ самостоятельному упражненію силы воспитанника, такъ и послѣднія содѣйствуютъ успѣхамъ его знанія. Но чрезъ это различеніе выражается ближайшая и преимущественная цѣль. При приготовленіи и повтореніи запись въ тетради, насколько это вообще требуется, есть дѣло второстепенное, и учитель долженъ судить о нихъ не по полнотѣ тетрадей, а по правильности устныхъ отвѣтовъ и перевода. И, съ другой стороны, письменныя работы имѣютъ цѣлью сосредоточить силу и познанія ученика для примѣненія ихъ къ определенной задачѣ; такимъ образомъ при нихъ дѣло идетъ не о широкомъ раскрытіи знанія, а объ обладаніи имъ и вѣрномъ примѣненіи. Что не служитъ этимъ цѣлямъ, то не должно входить въ домашнія работы: всякое бесполезное исписываніе тетрадей должно быть совершенно избѣгаемо. Безусловно достойный знанія и запечатлѣнія въ памяти учебный матеріалъ даютъ учебники и грамматики, которыя даются въ руки ученикамъ. Тетради, которыя они кромѣ того могутъ имѣть, могутъ заключать въ себѣ только дополненія къ руководствамъ, но онѣ должны быть чужды подробнаго и систематическаго изложенія. Нельзя не признавать значенія, которое письменное изложеніе имѣетъ для ясности и порядка мыслей, и потому учитель математики или исторіи можетъ заставлять нѣкоторые трудные отдѣлы подавать въ письменно разработанномъ видѣ*); но эти разработки не должны простираются на весь заданный урокъ, какъ для того, чтобы сберечь время и рабочую силу учениковъ, такъ и для предохраненія отъ духовной лѣности, такъ какъ при записи напряженіе мышленія меньше. Работа мысли, которая въ устномъ обращеніи между учителемъ и ученикомъ находитъ содѣйствіе и свое выраженіе, есть главное дѣло, въ сравненіи съ которымъ письменное обозначеніе учебнаго матеріала остается низшимъ педагогическимъ средствомъ.

Уже изъ этихъ опредѣленій цѣли въ существенномъ очевидны точки зрѣнія для объема домашнихъ работъ и для ихъ отношенія къ школьному

*) Въ обученіи исторіи для этого пригодны краткіе, но строго опредѣленные обзоры развитія афинскаго и римскаго устройства, ясно и раздѣльно представлять которое ученики въ особенности затрудняются.

обученію*). Онѣ должны послѣднее восполнять^т и потому могутъ занимать только значительно меньшую часть рабочаго времени каждаго дня; и онѣ непосредственнѣе примыкаютъ къ самостоятельной дѣятельности учениковъ и потому могутъ расширяться и усложняться только въ равномъ отношеніи къ возрастающей силѣ ихъ. Если учебное время ежедневно занимаетъ пять — шесть часовъ, то на домашнія работы должно быть употребляемо два — три часа и только на высшей ступени, когда достаточно окрѣпла духовная и тѣлесная сила воспитанника, можно требовать большаго напряженія для нихъ, только съ тѣмъ, чтобы эта большая трата времени приносила пользу его частнымъ занятіямъ, добровольно имъ избраннымъ. Эта самостоятельность работы настолько его ободряетъ, что онъ можетъ перенести и большую мѣру напряженія. Праздничный день, собственно, не можетъ быть занятъ; онъ принадлежитъ религіозному назиданію, отдыху и семейству. Слѣдовательно, въ продолженіе означеннаго времени домашнія работы должны быть исполнены исправно и тщательно; гдѣ для этого требуется больше времени, тамъ это ясный признакъ того, что или учебная цѣль слишкомъ широка, или учебные часы проходятъ безъ надлежащей пользы для учениковъ и учитель не заботится о цѣлесообразномъ объясненіи учебнаго матеріала. Собственное мѣсто гимнастики духа есть школа: здѣсь учитель равномѣрнымъ и правильно расчитаннымъ способомъ долженъ будить и упражнять силу учениковъ въ различныхъ формахъ ея дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ всестороннее выясненіе и разборъ учебнаго матеріала доводить его до той степени усвоенія ученикомъ, что, какъ уже выше замѣчено (§ 70), дома остается ему только внимательно повторить.

Если неумѣлые или лѣнвые учителя на урокахъ больше ничего не дѣлаютъ, какъ только задаютъ и спрашиваютъ, то домашняя работа у нихъ является главнымъ дѣломъ, а школа только мѣстомъ испытанія и контроля; а это вѣрнѣйшее средство внушить ученику отвращеніе какъ къ работѣ, съ которую онъ долженъ справляться одинъ, собственными силами, такъ и къ школѣ, въ которой онъ ожидаетъ только критики и никакой помощи. Само собою разумѣется, что результатомъ этого способа является слишкомъ большое напряженіе для домашнихъ работъ, которымъ значительно ограничивается цѣль воспитанія.

Не только здоровье воснниковъ страдаетъ отъ этого обремененія, чего одного уже достаточно для осужденія этого способа, но также опытомъ доказано, что раннее обремененіе силъ ученика производитъ вялость послѣ и потребуетъ двойное время для достиженія цѣли образованія въ послѣдующемъ классѣ. Это печальное явленіе имѣетъ мѣсто именно тамъ, гдѣ ученики на низшихъ и среднихъ ступеняхъ обременяются чрезмѣрными домашними работами, которыя они должны исполнять самостоятельно, безъ руководства учителя, — бесполезными письменными переводами и упражненіями и за-

*) Ср. глубокомысленное сообщеніе дир. Газемана о мѣрѣ домашнихъ работъ въ Verhandl. d. zweiten Direct.-Conf. d. Prov. Sachsen 1877, стр. 191 — 204.

путанными арифметическими задачами. Даже предполагая случай, что они эти задачи съ непомѣрными усиліями рѣшаютъ удовлетворительно, всетаки на послѣдующихъ ступеняхъ наступаетъ естественная реакція и утомленіе, и достойнымъ сожалѣнію послѣдствіемъ этого бываетъ, что воспитанники, подававшіе наилучшія надежды и дѣлавшіе, повидимому, быстрые успѣхи, дольше, чѣмъ нужно, должны оставаться въ терціи или секундѣ и уже не достигаютъ необходимой силы энергіи. Также за предѣлами школы продолжается это утомленіе и духовная вялость; школьныя науки, какъ источникъ нерадостныхъ воспоминаній, перестаютъ быть предметомъ дальнѣйшей заботливости, и все образованіе, какъ и будущая дѣятельность воспитанника, несутъ вредъ отъ такого извращенія.

Не говоря уже объ этомъ механическомъ истощеніи силъ, также самостоятельное духовное развитіе тормозится отъ непомѣрности домашнихъ работъ. Ученикъ долженъ имѣть время и охоту къ собственному размышленію: если даже это размышленіе только въ малой своей части относится къ школьнымъ наукамъ, то всетаки эта малая доля свободнаго размышленія бываетъ на пользу самостоятельному обсужденію учебнаго матеріала, и, кромѣ того, нельзя ожидать духовной увѣренности отъ того, кого постоянно водятъ на помочахъ. Но и, кромѣ того, не должно лишать ученика свободнаго времени для свободныхъ движеній духа: ему должно быть предоставлено время для чтенія отечественной или другой литературы, для полезныхъ постороннихъ занятій, для упражненія въ томъ или другомъ искусствѣ и для обращенія въ обществѣ своихъ сверстниковъ, что необходимо для освѣженія духа и для нравственнаго развитія. Наконецъ, понятно, что работы, въ среднемъ превышающія мѣру силъ учениковъ, выполняются плохо и неосновательно, такъ что порицаніе за нихъ учитель долженъ былъ бы обращать на себя, а не на учениковъ.

Потому мѣра общихъ домашнихъ работъ разъ навсегда или въ началѣ каждаго полугодія должна быть напередъ опредѣляема всѣми учителями класса подъ руководствомъ директора по строгому соображенію юношескихъ силъ, и равнымъ образомъ учителя должны сходиться вмѣстѣ для цѣлесообразнаго распредѣленія этихъ работъ по недѣлямъ и днямъ мѣсяцевъ. Если общій объемъ и не великъ чрезмѣрно, то обремененіе можетъ произойти отъ накопленія ихъ въ отдѣльные дни, тогда какъ промежуточное между ними время проходитъ при сравнительно маломъ напряженіи. Возраженіе, что ученики сами могутъ распредѣлить работу по различнымъ днямъ недѣли, не достигаетъ цѣли; столь осмотрительнаго расчета нельзя ожидать отъ безпечнаго юношества и, какъ показываетъ опытъ, часть учениковъ работы отодвигаетъ къ послѣднему сроку.

Распредѣленіе же это должно быть такъ установлено, чтобы, за исключеніемъ болѣшихъ работъ, какъ, напр., сочиненій и математическихъ задачъ, остальные, именно простыя упражненія, должны быть подаваемы и въ исправленномъ видѣ возвращаемы на одной и той же недѣлѣ. Недѣльный срокъ представляетъ нѣкоторый законченный отдѣлъ въ школьной дѣятель-

ности, и ученикъ, который оказался въ этихъ работахъ небрежнымъ и потому заслужилъ порицаніе, имѣеть для себя поводъ съ началомъ новой недѣли задаться намѣреніемъ исправиться. Кромѣ того, въ порядкѣ задачъ должно наблюдать, чтобы онѣ въ одинъ и тотъ же день не слѣдовали другъ за другомъ въ слишкомъ пестромъ разнообразіи, но и не въ большомъ однообразіи. Въ одинъ и тотъ же день писать латинское и греческое упражненіе и, кромѣ того, рѣшать математическія задачи, это слишкомъ разрываетъ силы, даже если рабочаго времени имѣется для этого въ достаточномъ количествѣ. Работа по одному языку или по одной наукѣ утомляетъ, тогда какъ письменная работа по одному предмету и устное повтореніе по другому многосторонне возбуждаютъ духъ, не разсѣвая его въ то же время. Чтобы можно было слѣдить за такимъ, съ общаго согласія установленнымъ распредѣленіемъ работъ, должно имѣть задачики: на высшихъ ступеняхъ одинъ для всего класса, чтобы учитель могъ ясно видѣть ходъ работъ; на низшихъ, кромѣ того, для каждаго ученика, для напоминанія ему самому дома и его родителямъ. Классный наставникъ имѣеть обязанностью слѣдить за равномерностью работъ и, при замѣчаемыхъ неправильностяхъ, дѣлать указанія соответствующему учителю или, если это не помогаетъ, привлекать къ дѣлу директора, который рѣшительно долженъ выступить противъ всякой погрѣшности, не вдаваясь въ заблужденіе подъ вліяніемъ доводовъ отдѣльныхъ учителей. Это принадлежитъ къ мѣрамъ, которыя въ § 68 предписаны для единства духовнаго воспитанія и которыя необходимы для успѣшнаго дѣйствованія коллегіи учителей*).

Что учитель постоянно долженъ слѣдить за домашнимъ прилежаніемъ, т. е., что устные задачи должны быть всегда спрашиваемы и письменныя работы вмѣстѣ просматриваемы съ приложеніемъ сужденія, слѣдуетъ уже изъ того, что выше (§ 47) замѣчено о приказаніи и послушаніи; но тамъ же видно, что домашнія работы должны быть необходимымъ восполненіемъ къ школьному обученію, слѣдовательно, чрезъ вопросы и размышленіе должны быть ставимы въ связь съ послѣднимъ. Если установленіе означенной связи невозможно, то это ясное доказательство, что данная задача для хода обученія не требовалась, она могла быть опущена. Въ достаточномъ устномъ приготовленіи или повтореніи учениковъ учитель долженъ удостовѣряться чрезъ простые на весь классъ раздѣленные вопросы, и въ этомъ отношеніи уже нечего прибавлять; для разсмотрѣнія же письменныхъ работъ здѣсь необходимо указать еще нѣкоторыя правила.

Прежде всего учитель со всею строгостью долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы съ точностію соблюдались сроки подачи; всякое промедленіе должно быть замѣчаемо и наказываемо, и, кромѣ того, нужно настаивать, чтобы промедленная работа послѣ была подана въ кратчайшій срокъ. Дѣйствительные лѣнивцы между учениками иногда предпочитаютъ наказаніе собственному напряженію; потому они должны знать, что лѣность ихъ не

*) Ср. Verhandl. d. rhein. Schulm.-Versamml. v. J. 1864, напеч. въ Langbein's pädag. Archiv кн. 6, стр. 366—368.

уменьшить работы, а, кромѣ того, ведетъ за собою еще наказаніе. Въ иныхъ мѣстахъ допускается безпорядокъ, что въ отношеніи свободныхъ сочиненій прима учитель довольствуется тѣмъ, если онъ въ назначенный день получить только нѣкоторыя изъ нихъ, и именно столько, чтобы на слѣдующій урокъ хватило матеріала для разбора. Этою неправильностью затрудняется равномерность сужденія объ ученикахъ, такъ какъ оно полагается въ разное время, и, кромѣ того, для учениковъ, позднѣе подающихъ работы, будетъ соблазнъ пользоваться возвращенными работами своихъ товарищей. — Далѣе, не только учениками тетради должны быть содержимы опрятно и сочиненія писаны аккуратно, но учитель для примѣра самъ долженъ соблюдать опрятность въ своемъ исправленіи. Порицать учениковъ за плохой почеркъ и въ то же время самому писать небрежно, это противорѣчіе, тогда какъ ученикъ тщательнымъ письмомъ учителя и заключающимся въ этомъ уваженіемъ къ работѣ невольно побуждается къ подражанію. Столь же пунктуально, какъ подача, должно происходить и возвращеніе тетрадей не только для примѣра, но и для поддержанія школьнаго порядка; неисправность учителя будетъ нарушать вышеозначенную правильность въ распределеніи домашнихъ работъ. — Какъ учитель долженъ обозначать ошибки въ работахъ, подробнымъ ли письменнымъ исправленіемъ ихъ на поляхъ или подчеркиваніемъ, къ которому при возвращеніи тетради присоединяется устный вопросъ и объясненіе, это зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ рода работы и свойства ошибки и подробнѣе будетъ показано при разсмотрѣніи отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ. Но, въ общемъ, второй родъ обсужденія ошибокъ должно предпочитать, такъ какъ онъ уменьшаетъ письменную работу учителя и больше напрягаетъ мышленіе учениковъ. — Къ работѣ долженъ быть присоединенъ краткій письменный отзывъ; при болѣе краткихъ работахъ, какъ, напр., упражненіяхъ, его можно выражать цифрою — одною изъ тѣхъ, которыя ставятся отмѣтками въ цензуркахъ; сужденіе же о сочиненіяхъ должно быть выражено словами. Эти сужденія учитель долженъ записывать также для себя, чтобы въ нихъ имѣть мѣрку развитія ученика*).

Наконецъ, нужно поставить вопросъ о томъ, какъ поступать, когда въ письменныхъ работахъ встрѣчаемъ обманъ, списываніе или недозволенное пользованіе чужою помощію. Прежде всего необходимо вѣрное раскрытіе обмана; родъ наказанія долженъ быть опредѣленъ по степени проступка, по заширательству или прямоутѣ ученика и по его общему поведенію. И здѣсь, какъ и въ отношеніи ко лжи, имѣетъ примѣненіе правило, что обманъ не должно предполагать безъ явныхъ признаковъ и обвиненіе не должно быть высказываемо безъ явныхъ доказательствъ. Учитель, въ общемъ, можетъ высказать замѣчаніе, что ему страннымъ кажется сходство между нѣкоторыми работами и что ему невозможно вполне прослѣдить его, но что обманъ противорѣчитъ чести и истинной пользѣ участвующаго въ немъ ученика; къ дѣйствительному же обвиненію и изслѣдованію дѣла онъ можетъ приступить

*) О способѣ возвращенія работъ ср. § 107.

только тамъ, гдѣ обманъ ясно открытъ. При своемъ знаніи класса онъ уже напередъ догадывается, кто виновный и кто его помощникъ; къ кому изъ двухъ прежде обратиться для достиженія сознанія, это зависитъ отъ характера учениковъ. Только онъ долженъ остерегаться лучшему ученику, недозволеннымъ образомъ помогшему другому, подавать поводъ для лжи ко мнимой пользѣ списавшаго; при товарищескомъ духѣ класса соблазнъ къ этому очень близокъ (ср. § 50). Часто достаточно бываетъ заставить обличенныхъ въ обманѣ учениковъ вслухъ передъ всѣмъ классомъ прочитать сходные отдѣлы обѣихъ работъ; остальные ученики чрезъ это также сдѣлаются свидѣтелями обмана, дальнѣйшее отрицаніе котораго будетъ уже невозможно, и чтеніе передъ классомъ заключаетъ въ себѣ глубокое пристыженіе обоихъ виновныхъ. Признанія затѣмъ уже не требуется, и учитель въ правѣ опредѣлить наказаніе сообразно тому, какъ онъ знаетъ данныхъ учениковъ. Впрочемъ, должно различать между дѣйствительнымъ обманомъ и простою помощью другого ученика; послѣднюю учитель можетъ запрещать или позволять оказывать въ малой мѣрѣ, онъ долженъ ее строго отличать отъ перваго и, въ крайнемъ случаѣ, дѣлать за нее выговоръ. Главное дѣло здѣсь, какъ и при другихъ ошибкахъ, въ томъ, чтобы учитель, по возможности, предупреждалъ проступокъ.

Это, съ одной стороны, достигается тщательнымъ и внимательнымъ просмотромъ работъ, такъ какъ ученики не рѣшались обманывать того, кто въ пронизательности своей не ошибается. Съ другой стороны, къ предохраненію отъ списыванія служитъ удачный выборъ задачъ, которыя не только соотвѣтствуютъ силѣ учениковъ, но и вращаются въ кругѣ ихъ мысленія и именно находятся въ непосредственномъ отношеніи къ прочему учебному матеріалу. Чтобы задачи вслѣдствіе своей чрезмѣрной трудности не вели къ обману, это нужно замѣтить именно въ отношеніи упражненій и математическихъ работъ; чтобы онѣ составляли только продолженіе и расширеніе школьнаго обученія, а не отвлекали учениковъ въ совершенно незнакомую или отдаленную область, это нужно помнить при задаваніи домашнихъ сочиненій. Здѣсь менѣе грозитъ опасность списыванія другъ отъ друга, чѣмъ заимствованія изъ книги того, что по матеріалу и по методу имъ неизвѣстно. Когда же темы для латинскихъ сочиненій избираются примѣнительно къ школьному переводу древнихъ классиковъ, въ связи съ отечественною литературою или обученіемъ исторіи и религіи, то для учениковъ устраняется соблазнъ заимствовать чужое; напротивъ, подобныя задачи побуждаютъ ихъ для собственнаго удовлетворенія изложить плоды своего прилежанія и размышленія. Кромѣ того, единство обученія требуетъ, чтобы домашнія работы не простирались на отдаленные предметы*). Наконецъ, способъ обсужденія задачъ заключаетъ въ себѣ важность въ дѣлѣ предохраненія отъ обмана. Когда учитель прибѣгаетъ къ рѣзкому и неразборчивому порицанію и не умѣетъ соображать свое сужденіе болѣе со способностями и степенью напряженія учениковъ, чѣмъ съ содержаніемъ работы, то нечего ему удивляться, что напуганные ученики

*) Ср. болѣе подробное изложеніе въ § 124.

при случаѣ постараются и недозволеннымъ образомъ избѣгнуть его суровой критики. Если же онъ не забываетъ, что онъ долженъ своихъ учениковъ не направлять, а поддерживать и содѣйствовать имъ, если его сужденіе снисходительно къ добросовѣстному и старательному начинающему ученику при неудачности его работы, если онъ прибѣгаетъ къ похвалѣ только для возбужденія энергіи, вообще если онъ истинный помощникъ въ духовныхъ стремленіяхъ своихъ воспитанниковъ, то и въ этомъ случаѣ можетъ рассчитывать на ихъ довѣріе и прямоту. Незаслуженная или слишкомъ щедро расточаемая похвала есть зло; но еще вреднѣе суровая и слишкомъ строгая критика, которая хочетъ воспламенить учениковъ высотой никогда недостижимой цѣли, но на дѣлѣ достигаетъ противоположнаго.

Особеннаго разсмотрѣнія заслуживаютъ еще каникулярныя задачи, на которыя нерѣдко имѣютъ ложный взглядъ. Каникулы должны служить для отдыха и свободныхъ духовныхъ и тѣлесныхъ движеній учениковъ, и иногороднымъ онѣ, кромѣ того, должны дать достаточно времени для возобновленія прерванной на время семейной жизни. Отсюда слѣдуетъ, что каникулярныя задачи по объему своему должны быть умѣренныя и по свойству своему таковыя, чтобы ученикъ при приготовленіи ихъ могъ обойтись безъ помощи учителя. Потому онѣ должны быть по преимуществу письменныя работы, въ малой части опредѣленныя повторенія и приготовленія, тогда какъ болѣе широкія упражненія памяти, не подготовленныя достаточно школьнымъ обученіемъ, совершенно должны быть исключаемы. Эти задачи именно въ низшихъ и среднихъ классахъ гораздо менѣе имѣютъ цѣлью самостоятельное восполненіе и расширеніе обученія, чѣмъ удерживаніе заученаго и устраненіе перерыва въ ученіи; потому на этихъ ступеняхъ онѣ будутъ состоять въ приготовленіи упражненій, рѣшеніи легкихъ математическихъ задачъ, въ рисованіи картъ и т. п. Въ высшихъ классахъ вмѣсто этого можно задать написать сочиненіе. Главнымъ же образомъ ученикамъ представляется каникулами воспользоваться для частныхъ занятій еще болѣе свободно, чѣмъ въ учебное время. Для необходимаго испытанія прилежанія въ этихъ частныхъ занятіяхъ учитель будетъ имѣть послѣ случай.

Во внѣшнемъ отношеніи нужно, наконецъ, сообразить, нужно ли назначать домашнія работы на извѣстные часы и въ продолженіе назначеннаго времени имѣть надъ ними надзоръ. Первое въ малыхъ городахъ и для иногородныхъ учениковъ должно совѣтовать, и оно выполнимо; если ученики въ извѣстные часы дня обязаны быть дома и посвящать себя работѣ, то учителя при посѣщеніи ученическихъ квартиръ имѣютъ возможность надзирать надъ занятіями и, въ случаѣ нужды, помогать своимъ совѣтомъ. Городскимъ ученикамъ можно рекомендовать то же; но слѣдить за выполненіемъ этого должно быть предоставлено родителямъ ихъ. Особенный надзоръ во время занятій, за исключеніемъ дѣятельности случайныхъ домашнихъ учителей, возможенъ только тамъ, гдѣ въ опредѣленные часы для этого собирается значительное число учениковъ. Инымъ родителямъ трудно приходится съ устроеніемъ занятыхъ часовъ и вспомогательныхъ уроковъ,

такъ какъ ихъ квартира и родъ занятій не представляютъ удобствъ для спокойныхъ занятій дѣтей и еще менѣе для надзора надъ ними. Въ такомъ случаѣ школа должна итти на встрѣчу сдѣлавшейся извѣстною потребности; только учитель долженъ остерегаться, чтобы онъ при этомъ не слишкомъ навязывался ученикамъ своею помощью и, вслѣдствіе этого, не дѣлалъ замѣтнаго различія между этими учениками и ихъ товарищами, а также чтобы работами, превышающими самостоятельную производительную способность учениковъ, не былъ введенъ въ заблужденіе въ отношеніи правильного отношенія между средними силами учениковъ и требованіями отъ нихъ. Кромѣ того, ясно, что подобнымъ образомъ надзираемые занятые часы цѣлесообразны только для низшихъ ступеней обученія; далѣе же ученикъ какъ при приготовленіи работъ, такъ и при распредѣленіи своего времени долженъ быть самостоятельно отвѣтственъ. Также въ другомъ отношеніи должно увѣщевать противъ широкаго примѣненія этого порядка: занятые уроки приносятъ учителямъ обильный доходъ, но при добросовѣстномъ отношеніи къ нимъ больше напрягаютъ силы ихъ, чѣмъ сколько это можетъ согласоваться съ прочими требованіями отъ ихъ должности и именно поддержаніемъ всегдашней свѣжести духа. Учитель, для духовной сосредоточенности, для гармоническаго уравненія во время обученія различно напрягаемыхъ духовныхъ силъ и для собственной научной дѣятельности, ежедневно нуждается въ свободномъ времени, которое не можетъ быть значительно сокращаемо ни надзоромъ на занятыхъ часахъ, ни какими нибудь частными уроками. Если эта точка зрѣнія будетъ оставлена безъ вниманія, то учитель къ своей должности будетъ относиться, какъ къ ремеслу, что убьетъ въ немъ пониманіе высшихъ задачъ своего званія и, кромѣ того, быстрое истощеніе силъ покончить и съ денежными заработками. Будемъ надѣяться, что учителя, по мѣрѣ улучшенія ихъ матеріальнаго состоянія, будутъ все болѣе и болѣе отвращаемы отъ означенной опасности.

ГЛАВА 4.

Возбужденіе и сосредоточеніе духа.

§ 93.

Обученіе, какъ особенная форма воспитанія, должно равномерно внутри развивать духъ воспитанника; первое условіе для этого состоитъ въ томъ, что духъ долженъ быть возбуждаемъ къ постоянной и правильной дѣятельности, которая, по мѣрѣ успѣховъ образованія, должна становиться все болѣе и болѣе самостоятельною. Потому долженъ быть отвергнутъ всякій способъ обученія, который, вмѣстѣ съ сообщеніемъ учебнаго матеріала, въ то же время не вызываетъ къ живой и сильной дѣятельности соответствующую духовную форму ученика, но оставляетъ ее, насколько это вообще мыслимо, въ состояніи покоя или только преимущественнаго воспріятія.

Это уже противорѣчіе въ самомъ себѣ, что обученіе извнѣ всыпаетъ матеріалъ и впечатлѣнія въ ученика, а тотъ, съ своей стороны, для единства и самостоятельности не дѣлаетъ попытки овладѣть этими впечатлѣніями и чрезъ переработку и усвоеніе ихъ поддерживать собственную жизнь. Слѣдовательно, если самостоятельная дѣятельность юношескаго духа, вслѣдствіе неправильнаго накопленія или недостаточнаго объясненія учебнаго матеріала, отступаетъ на задній планъ, то это значить, что обученіе въ той же степени теряетъ въ своемъ дѣйствіи, что учитель ошибается въ своемъ рассчитанномъ вліяніи на ученика и что живого отношенія между учителемъ и ученикомъ не существуетъ: другими словами, истиннаго обученія тамъ уже нѣтъ, а учитель и ученикъ только идутъ рядомъ другъ съ другомъ. Дѣло же идетъ о томъ, что ученикъ чрезъ обученіе долженъ быть поставленъ въ состояніе живого и равномернаго напряженія духа; обученіе должно возбуждать его къ участію и дѣятельности. Въ этомъ заключается и то, что духъ его сосредоточивается, такъ какъ всякая дѣятельность требуетъ сосредоточенія силъ; здѣсь, слѣдовательно, обученіе, насколько предполагаетъ единство духовнаго стремленія, настолько и содѣйствуетъ ему*).

Такимъ образомъ, величайшимъ препятствіемъ служитъ разсѣянность ученика; противъ нея учитель тѣмъ настойчивѣе долженъ бороться, что, съ одной стороны, по числу и объему значительно возросшіе учебные предметы, съ другой стороны, домашняя и гражданская жизнь со своими разнообразными интересами, именно въ нынѣшнее время, серьезно мѣшаютъ сосредоточенности духа и вмѣсто нея производятъ разсѣянность. Въ первомъ отношеніи уже объяснено**), какимъ способомъ различные предметы обученія могутъ быть связаны другъ съ другомъ, чтобы производить единые результаты воспитанія. По второму пункту дѣло въ томъ, чтобы чрезъ возбужденіе обученіемъ духовной силы и соединенное съ этимъ сосредоточеніе ея предохранить юношество отъ разсѣянности, производимой внѣшкольнымъ міромъ, и сосредоточить его въ кругѣ собственнаго тихаго и здраваго развитія. Слѣдовательно, чтобы возбудить юношескія силы и собрать ихъ вмѣстѣ для настойчивой и согласной дѣятельности, необходимы простота и основательность обученія; возбужденія съ ясностью и постоянствомъ должны быть направляемы на одну опредѣленную цѣль и быть достаточно сильны, чтобы съ вѣрностью достигнуть этой цѣли, которая мѣсто и оправданіе свое имѣетъ въ общемъ учебномъ планѣ. Не о томъ должно заботиться, чтобы различнымъ образомъ возбуждать участіе; дѣйствіе такого способа слишкомъ скоро улетучится, и духъ, по прошествіи минутнаго раздраженія, притупляется. Уже раньше было говорено противъ заблужденія, будто обученіе можетъ быть оживляемо вставкою чуждыхъ, выходящихъ изъ области данной потребности, хотя и забавныхъ самихъ по себѣ мыслей; если обученіе вообще не игра,

*) Ср. § 3.

**) Ср. §§ 64—68; §§ 87 и 88.

то и игра мыслей ему должна быть чужда. Его общая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать учениковъ способными къ самостоятельному и обдуманному напряганію силъ, развитъ въ нихъ энергію къ дѣятельности и прикрѣпить ихъ участіе къ учебнымъ предметамъ. Такимъ систематическимъ дѣйствованіемъ учитель достигаетъ того, что успѣвающий въ образованіи и крѣпнущій ученикъ съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе будетъ нуждаться въ его непосредственномъ руководствѣ, постепенно будетъ подниматься на ту степень внутренней силы, на которой онъ съ методическимъ участіемъ, по самостоятельному расположенію, обратится къ школьнымъ наукамъ и будетъ въ состояніи по свободному выбору работать для своего развитія. Ибо всякое воспитаніе, какъ уже выше указывалось, должно стремиться къ духовному освобожденію и самостоятельности воспитанника, какъ къ высшей своей цѣли; сюда должны быть направлены и возбужденія обученія. Побужденіе къ свободѣ рано или поздно скажется во всякомъ отдѣльномъ человѣкѣ; если оно неправильнымъ ходомъ обученія подавляется, то, по истеченіи школьнаго времени, оно даетъ о себѣ знать разрушительнымъ образомъ. Потому учитель долженъ своего воспитанника такъ возбуждать и настолько развивать, чтобы онъ первыя попытки къ самостоятельной дѣятельности сдѣлалъ еще подъ бдительнымъ и проницательнымъ приглядомъ своего духовнаго водителя, слово котораго можетъ предохранить его отъ заблужденій и удержать на пути истиннаго самоосвобожденія. Это смыслъ не разъ настойчиво рекомендованныхъ частныхъ занятій; дѣйствіе ихъ не только относится къ увеличенію знанія и проницательности, но еще болѣе къ укрѣпленію нравственной силы и способности къ свободной, но въ духовномъ отношеніи правильной работѣ*). Такимъ образомъ частныя занятія имѣютъ цѣлью пробудить самостоятельную дѣятельность учениковъ для восполненія ихъ знанія и содѣйствованія ихъ самоосвобожденію. Эту цѣль съ самаго ранняго времени учитель долженъ имѣть предъ глазами и по ней опредѣлять родъ и способъ возбужденія духа ученика. Какъ этою свободною дѣятельностью въ отдѣльныхъ случаяхъ должно руководить, это будетъ выяснено при обсужденіи отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ; здѣсь достаточно указать, что она по важности своей составляетъ заключеніе школьной дѣятельности. Она образуетъ собою заключеніе школьнаго воспитанія, такъ какъ подготавливаетъ дальнѣйшій ходъ образованія воспитанника, и въ то же время помогаетъ установленію моста надъ промежуткомъ между строгимъ руководствомъ и свободнымъ выборомъ и, кромѣ того, сохраняетъ въ душѣ ученика благородное воспоминаніе о школьномъ времени и поддерживаетъ намѣреніе итти дальше по тому пути, на который поставленъ. Такимъ образомъ въ частныхъ занятіяхъ любовь къ наукѣ, къ духовному идеалу и къ учителю сливается въ одно гармоническое и сильное возбужденіе, продолжительность котораго непремѣнно бываетъ замѣтна въ дальнѣйшей дѣятельности юноши**).

*) Waitz, Pädag. стр. 327: „На самодѣятельности ученика основывается нравственное вліяніе обученія.“

**) Ср. § 119.

§ 94.

Это, слѣдовательно, послѣдняя цѣль, въ которой заключается сумма всѣхъ возбужденій обученія и, какъ произведеніе предыдущаго и основаніе послѣдующаго образованія, находитъ свое единое и живое выраженіе. Чтобы достигнуть этой цѣли, обученіе въ каждый часъ должно возбуждать и упражнять силу учениковъ, т. е. должно всегда будить и сосредоточивать ихъ вниманіе*). Этому не помогаетъ громкое и многое говореніе учителя, что скоро притупляетъ и слухъ и духъ воспитанника**), и столь же мало постоянныя, но сами по себѣ пустыя формулы поощренія ко вниманію. Если взвѣсить столь часто слышимое уговариваніе, то оно оказывается не болѣе содержательнымъ и дѣйствительнымъ, чѣмъ общее увѣщаніе быть прилежнымъ, добродѣтельнымъ и благочестивымъ. Учитель долженъ учить дѣтей какъ прилежанію или благочестію, такъ и внимательности; но его задача здѣсь тѣмъ легче и проще, чѣмъ болѣе онъ можетъ быть увѣренъ въ правильности способа достиженія ея. Важнѣйшіе моменты этого способа уже выше объяснены въ различныхъ пунктахъ нашего изложенія; здѣсь они сопоставляются вмѣстѣ и пополняются еще другими пособіями.

Первое условіе для возбужденія состоитъ въ томъ, чтобы учитель самъ всегда былъ внимателенъ, и свое вниманіе онъ долженъ направлять на самого себя, на классъ и на учебный матеріалъ***). Всякая его собственная разсѣянность, будетъ ли она выражаться въ размысленіи или проговариваніи, въ пропускѣ важнѣйшихъ пунктовъ въ данномъ урокѣ или въ незамѣчаніи части учениковъ, дѣйствуетъ заразительнымъ образомъ на учениковъ, тогда какъ строгая сосредоточенность въ равной мѣрѣ напрягаетъ и его воспитанниковъ. Слѣдовательно, учитель своему обученію, будетъ ли оно состоять въ связномъ разсказѣ, отрывочныхъ объясненіяхъ или вопросахъ, всегда долженъ придавать самое ясное и точное выраженіе; далѣе, онъ долженъ обращать вниманіе на всякій пунктъ, нуждающійся въ объясненіи и важный для данной учебной цѣли, и, наконецъ, онъ долженъ избѣгать односторонняго занятія отдѣльными учениками. Ему порученъ весь классъ; потому онъ принадлежитъ каждому отдѣльному ученику по мѣрѣ потребности обученія, въ чемъ указаніемъ ему служить его знаніе учениковъ.

Чтобы эта внимательность учителя достигала полного дѣйствія, она должна выражаться и внѣшнимъ образомъ; взоръ его долженъ пробѣгать по всему классу и, соотвѣтственно этому, онъ долженъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы и ученики на него направляли свои глаза, когда они не должны смотрѣть ни въ книгу, ни на классную доску. Черезъ это отрѣзывается цѣлый рядъ разнообразныхъ соблазновъ къ разсѣянности. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы учитель не сидѣлъ, наклонившись надъ своею книгою; если онъ близорукъ, то долженъ держать книгу передъ собою,

*) Bormann, Schulkunde, Abschn. IV. 5.

**) Ср. § 89.

***) Ср. § 79.

чтобы не было препятствія обозрѣвать классъ, и, кромѣ того, онъ долженъ такъ тщательно приготовиться къ уроку, чтобы на книгу приходилось обращать мало вниманія. Далѣе, учитель такъ долженъ выбирать себѣ мѣсто, чтобы съ легкостью могъ обозрѣвать весь классъ. Будетъ ли онъ сидѣть на высокой каѳедрѣ, будетъ ли стоять предъ классными столами или ходить по классу, въ этомъ можно руководствоваться обстоятельствами. Спокойное сидѣніе на каѳедрѣ можетъ быть умѣстно только въ высшихъ классахъ, гдѣ можно уже предполагать достаточную сосредоточенность ученика, но и здѣсь оно должно быть по временамъ прерываемо, такъ какъ тѣлесная близость учителя послѣдствіемъ имѣетъ также духовное приближеніе его. Быстрое и безпрестанное хожденіе по классу выдаетъ недостатокъ сосредоточенности и владѣнія собою, затрудняетъ надзоръ надъ классомъ и развлекаетъ учениковъ. За правило рекомендуется, чтобы учитель имѣлъ свое мѣсто вблизи перваго класснаго стола и располагался такъ, чтобы задніе ученики не были скрыты отъ его взора; свое мѣсто онъ, конечно, по временамъ и по надобности можетъ оставлять, именно, когда нужно бываетъ близко подойти къ отдѣльному ученику. Опытный, знающій учениковъ и владѣющей собою учитель, впрочемъ, можетъ позволять себѣ и кое-что изъ того, чего начинающій долженъ избѣгать; кто знаетъ душу своихъ воспитанниковъ, тому и безъ большого внѣшняго наблюденія извѣстно, какъ они отнесутся къ извѣстнымъ отдѣльнымъ случаямъ и учебнымъ отдѣламъ.

Дальнѣйшимъ возбужденіемъ вниманія служить порядокъ, чтобы отвѣчающій ученикъ вставалъ; этотъ порядокъ долженъ имѣть всегда мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ и среднихъ классахъ, въ высшихъ же онъ можетъ быть не такъ строго соблюдаемъ. Также эту мѣроу, если не вполне устраняется, то, по крайней мѣрѣ, затрудняется подсказываніе и пользованіе при отвѣчаніи переводами и письменными записями. На самыхъ низшихъ ступеняхъ ко мгновенному возбужденію служить, когда учитель краткимъ приказаніемъ призываетъ весь классъ быстро встать и снова сѣсть; бывшее до тѣхъ поръ утомленіе учениковъ тотчасъ исчезаетъ и владѣвшая ими разсѣянность устраняется. Само собою разумѣется, что нельзя прибѣгать къ этому средству часто во время одного и того же учебнаго часа, такъ какъ въ такомъ случаѣ оно не производитъ дѣйствія и служитъ къ тратѣ времени.

Важнѣе, чѣмъ эти внѣшнія средства, которыми, однако, никогда нельзя пренебрегать, внутренніе моменты обученія, о которыхъ до сихъ поръ частію уже упоминали. Между ними первое мѣсто занимаютъ основательность обученія и удачное расчлененіе и соединеніе учебнаго матеріала. Поверхностныя объясненія, опускающія важные пункты изъ виду и скорѣе затрагивающія предметъ, чѣмъ его выясняющія, конечно, не могутъ ни изошрять духовное око воспитанника, ни приучать его къ вниманію; равнымъ образомъ, что несвязно и носитъ характеръ раскиданности, то будетъ разсѣвать въ различныя стороны и взглядъ воспитанника и, такимъ образомъ, не сосредоточивать его вниманіе, а притуплять. Вѣдь, и взрослый легко напрягаетъ свое вниманіе, когда слышитъ связную рѣчь, тогда какъ отъ беспорядочнаго набора

мыслей скоро отворачивается; какъ равнымъ причинамъ не произвести такого же и еще большаго дѣйствія на юношество, которому и безъ того труднѣе сосредоточиться!

Далѣе, учитель для избѣжанія однообразія и происходящаго отсюда утомленія различныя формы обученія (гл. 3 настоящаго отдѣла) долженъ примѣнять въ требуемомъ чередованіи. Непрерывный рассказъ принадлежитъ университету, такъ какъ въ студентахъ можно предполагать достаточный интересъ къ предмету и достаточно духовной силы для переработки сообщеннаго матеріала. Въ школѣ же даже въ высшихъ классахъ не только ученіе и повтореніе должны чередоваться, но и самый рассказъ долженъ быть прерываемъ и оживляемъ вопросами, или тѣсно примыкающими къ предмету, или соотвѣтствующими потребности учениковъ. Черезъ это напрягается ихъ собственная дѣятельность; вниманіе же состоитъ въ дѣятельной волѣ духовно овладѣть какимъ нибудь предметомъ. Въ болѣе широкомъ объемѣ также домашнія работы должны содѣйствовать этому возбужденію и сосредоточенію духа; если онѣ, какъ, напр., свободныя сочиненія выбираются изъ областей, которыя стоятъ въ свободной связи съ школьнымъ обученіемъ, то онѣ, не говоря уже о нецѣлесообразности этого способа, отвлекаютъ вниманіе учениковъ отъ постоянной ихъ учебной задачи и развлекаютъ ихъ, тогда какъ, при включеніи ихъ въ порядокъ хода обученія и примыканія къ пройденнымъ задачамъ, онѣ содѣйствуютъ связи стремленія и такимъ образомъ сосредоточиваютъ духъ учениковъ.

Не только учебныя формы, но и учебные предметы должны слѣдовать другъ за другомъ въ надлежащемъ чередованіи, хотя не въ слишкомъ разнообразномъ и быстромъ; объ этомъ долженъ заботиться учебный планъ заведенія, насколько это дозволяютъ составъ коллегіи и общія нормы обученія. Слѣдовательно, чередованіе и соединеніе и здѣсь должно быть правиломъ. Если въ одинъ и тотъ же день до обѣда въ пестромъ смѣшеніи другъ за другомъ слѣдуютъ вѣроученіе, математика, греческія трагики и новѣйшая исторія, то это зло; то же самое будетъ, когда другъ за другомъ подъ рядъ слѣдуютъ два урока объясненія латинскихъ писателей или три урока языка вообще, не говоря уже о томъ, что два урока математики, или вѣроученія, или исторіи не должны слѣдовать другъ за другомъ. Когда же урокъ исторіи будетъ слѣдовать за урокомъ вѣроученія или объясненія какого нибудь древняго историка или оратора, когда другъ за другомъ слѣдуютъ отечественная литература и объясненіе классиковъ, латинская грамматика и синтаксисъ новаго языка, и при другихъ подобныхъ соединеніяхъ, духъ учениковъ черезъ это чередованіе возбуждается и оживляется и, вслѣдствіе сродности учебнаго матеріала, равномерно напрягается и сосредоточивается.

Въ этомъ постоянномъ возбужденіи ко вниманію въ то же время заключается положительное и потому наилучшее предохранительное средство противъ болтовни и подсказыванія, такъ какъ оно ставитъ ученика въ живую дѣятельность. Если же болтовня и подсказываніе всетаки встрѣчаются, такъ какъ юношество къ нимъ очень склонно, то учитель непременно долженъ

преслѣдовать ихъ запрещеніемъ, выговоромъ и наказаніемъ. Противъ болтливости помогаетъ особое разсаживаніе болтливыхъ учениковъ; противъ подсказыванія помогаютъ еще другія средства. Ученикъ, который полагается на подсказываніе или пользуется имъ, долженъ быть вызываемъ съ своего мѣста къ доскѣ или передъ школьные столы, чтобы онъ, стоя отдѣльно, отвѣтилъ урокъ; подсказывающему можно тотчасъ же задать вопросъ двойной трудности, что приведетъ его къ самообладанію и сознанію, что его знанія едва хватаетъ для самого себя, не говоря уже о томъ, что онъ излишекъ могъ бы сообщать другимъ.

Къ возбуждающимъ средствамъ, наконецъ, принадлежитъ и перемѣна мѣстъ въ классѣ сообразно результату отвѣтовъ, или такъ называемое соревнованіе. Эта мѣра должна быть примѣняема только въ низшихъ классахъ и, конечно, не ежедневно уже изъ-за соединенной съ нею траты времени и неизбѣжнаго безпокойства въ классѣ, а, затѣмъ, также потому, что отъ частаго примѣненія она теряетъ свою привлекательность. Если ученику ежедневно грозитъ опасность вслѣдствіе невѣрнаго отвѣта или мгновенной разсѣянности, что можетъ случиться и съ самымъ лучшимъ, потерять свое мѣсто, то онъ, наконецъ, отучается придавать важное значеніе этому обстоятельству. Кромѣ того и то нужно принять во вниманіе, что перемѣна мѣста должна служить не къ наказанію ученика, а къ возбужденію соревнованія, хотя она и заключаетъ въ себѣ устыженіе того, кто пересаживается на низшее мѣсто. Потому очень нелѣпо ученика, вслѣдствіе ошибочнаго отвѣта потерявшаго свое мѣсто, тотчасъ снова спрашивать и снова пересаживать ниже; это не возбуждаетъ его, а производитъ уныніе и препятствуетъ сосредоточенности. Если же онъ не выучилъ, то за это можно найти подходящее средство наказанія.

Слѣдовательно, и здѣсь, какъ и при всякомъ непосредственномъ воздѣйствіи на волю ученика, должно соблюдать разумную мѣру, и, наконецъ, еще разъ напоминаетъ, что учитель, какъ въ задаваніи и спрашиваніи, такъ и въ возбужденіи долженъ соблюдать требуемую мѣру, какъ по общимъ основаніямъ, такъ и для того, чтобы не слишкомъ напрягать себя и учениковъ. Впрочемъ, учитель дѣлаетъ хорошо, когда лучшихъ и болѣе испытанныхъ учениковъ сажаетъ на болѣе отдаленныя отъ себя мѣста, новыхъ же и мало испытанныхъ на ближайшія мѣста, чтобы имѣть ихъ всегда подъ глазами; обратный же порядокъ легко можетъ повести къ тому, что онъ преимущественно будетъ заниматься лучшими и болѣе способными учениками.

(Продолженіе будетъ.)

K. Nägelsbach.

ВЪРОУЧЕНІЕ ГОМЕРА.

Hom. Theologie.

[Продолж. См. „Гимн.“ кн. 50.]

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ

Дѣленіе міра боговъ. Царство Олимпа.

Б. Политическое міровоззрѣніе. Индивидуальныя самостоятельныя божества.

I. Міръ Олимпійскихъ боговъ.

1. Политическое дѣленіе.

§ 73.

16. Совѣтъ и собраніе боговъ. Если въ соответственныхъ божествахъ и — по мѣткому замѣчанію Нича (Iр. XV сл.), признанному и Диссеномъ (Kl. Schr. p. 349), — въ этихъ аллегорическихъ существахъ выступаетъ пантеистическая или, лучше, пандемоническая сторона гомеровскаго міровоззрѣнія, то, съ другой стороны, ясно сказывается стремленіе „освободить бога отъ міра и его явленій.“ Поэтому вышеназванныя естественныя и аллегорическія божества имѣютъ лишь второстепенное значеніе на ряду съ свободнымъ міромъ небожителей, который состоитъ исключительно изъ самостоятельныхъ, точно опредѣленныхъ и независимыхъ личностей. Гомеровскій богъ первой степени „по вѣрѣ поэта“ не есть ни символъ, ни аллегорія, но индивидуумъ, который исполняетъ, какъ долгъ, какъ призваніе то, въ чемъ особенно выражается его дѣятельность (ср. о 70); но онъ не сливается съ сею послѣднею до такой степени, чтобы онъ также не могъ сдѣлать того, что обыкновенно совершаетъ другой божественный индивидуумъ. Это есть признакъ генотеизма, который проявляетъ уже индогерманская религія⁶⁸). Попутный вѣтеръ ε 176, ο 297 называется Διὸς ὄρος и посылается Зевсомъ ο 475; но его посылаетъ также и Калипсо ε 167, 268. Кирка λ 7, μ 149, Аѳина ο 292, Аполлонъ Α 479. Посидонъ собираетъ облака и повелѣваетъ

вѣтрамъ = 291, равно какъ и Зевсъ, напр., ι 67, и = 303 Одиссей приписываетъ Зевсу то, что только что сдѣлалъ Посидонъ. Возбужденныя симъ волны умирятъ Аѳина, = 383, воздвигнуть которыя на морѣ желаетъ Гера Φ 334 сл. Посидонъ, а кромѣ него никто, ни богъ, ни человѣкъ — думаетъ Циклопъ — вылечить мои раны ι 520, хотя, какъ замѣчаетъ Ничъ III стр. 80, греческая вѣра не приписывала этому богу цѣлительной силы. Въ ρ 349 отъ Геліоса ожидаютъ того, что потомъ дѣлаетъ Зевсъ, именно, что онъ можетъ разрушить корабль Одиссея. Въ Δ 101 Нандаръ долженъ предъ выстрѣломъ изъ лука молиться Аполлону, и въ E 174 при такихъ же обстоятельствахъ — Зевсу. Аѳина посылаетъ Пенелопѣ сонъ π 451 и проч., женихамъ — безумію ρ 345 и удлиняетъ ночь ψ 243. Такое вмѣшательство въ чужую область было бы невозможно, еслибы отдѣльныя божества не имѣли власти самоопредѣленія, еслибы они были только символами силъ, которыя управляютъ міромъ по неизмѣннымъ законамъ. Но въ томъ именно и заключается очевидный успѣхъ человѣческаго духа, раскрывающій въ созданіи гомеровскихъ боговъ, что онъ представляетъ въ нихъ міръ какъ бы освобожденнымъ отъ простыхъ стихійныхъ силъ, что элементарныя силы природы обуславливаютъ человѣческую жизнь только въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ. Подобно тому, какъ поэтъ и человѣческую жизнь представляетъ себѣ подъ властію также и иныхъ силъ, не только стихійныхъ, такъ и жизнь боговъ кажется ему въ формѣ, обусловленной нравственными принципами права, закона и страха. Міръ боговъ является ему не какъ система физически соединенныхъ стихійныхъ силъ, но какъ политически раздѣленный государственный организмъ, сложившійся соотвѣтственно различіямъ неравноправныхъ индивидуумовъ, имѣющій, подобно земному царству, своего βασιλεύς, свою βουλή и ἀγορά. Гёттингъ доказалъ это впервые и въ этомъ заключается его заслуга⁶⁹). Однако этого нельзя обобщать. Если нѣкоторые отдѣльныя божества боятся сдѣлать то, что подлежитъ только Зевсу, то это не имѣетъ ничего общаго съ религіознымъ чувствомъ; это только должно дополнить аналогію между міромъ боговъ и человѣческимъ государствомъ, въ которомъ многое возбраняется гражданамъ, но ни въ какомъ случаѣ Зевса нельзя представлять себѣ абсолютнымъ владыкой, въ сравненіи съ которымъ другія личности деспотически низводились бы на степенъ машинъ; это совершенно противорѣчило бы греческимъ воззрѣніямъ. Единство, соединяющее олимпійскихъ боговъ, скорѣе семейное: отецъ боговъ есть Зевсъ и такъ, въ качествѣ дѣтей, зовутъ его другіе боги (Welcker, Gr. G. I, 179).

Слѣдовательно, боги суть, хотя и не равныя, однако другія, отдѣльныя личности; родительской власти недостаточно, чтобы сдѣлать Зевса абсолютнымъ; ср. Asmus ig. R. I 195. II 58. Послѣ этого предварительнаго замѣчанія мы можемъ установить слѣдующую аналогію изъ государственной жизни.

§ 74.

17. Царь боговъ. Подобно тому, какъ на ряду съ царемъ феаковъ Алкиноемъ, властвуютъ и судятъ еще двѣнадцать другихъ βασιλῆς, кото-

«Гимназія». Пегельбахъ. 5

рые образуютъ его βουλή (θ 391 ср. ξ 54), и на ряду съ царемъ Агамемнономъ стоитъ βουλή геронтовъ, въ которой принимаютъ участіе только самыя знатныя и храбрыя вожди, такъ точно, подѣ предсѣдательствомъ царя боговъ, міроправленіемъ занимается нѣкая комиссія изъ міра боговъ, въ которую, кромѣ живущаго обычно въ морѣ Посидона (N 21), входятъ только собственно θεοὶ Ὀλύμπιοι, т. е. тѣ, которымъ Гефестъ построилъ на Олимпѣ жилища, именно: Аполлонъ, Арей, Гефестъ, Гермесъ, Гера, Аѳина, Артемида, Афродита, можетъ быть, также Ѡемида и Діана, которая, первоначально въ нѣ-которомъ отношеніи единая съ Герой (ср. ниже и Butt. Mytholog. I p. 22 сл.), рѣзко отдѣляется отъ нея у Гомера. Ирида и Геба, какъ и Хоры, суть служащія богини.

Такъ какъ греко-италійская богиня Веста, Ἑστία, соотвѣтствующая отчасти индійскому Agni (собственно „огненное мѣсто“ отъ us горѣть), еще не выступаетъ у Гомера какъ богиня, хотя святость очага ἱστίη признается на ряду съ ξενίη τε τράπεζα, то еще не существуетъ система двѣнадцати боговъ⁷⁰). Засѣданіе совѣта боговъ называется θῶκος ε 3, какъ засѣданіе совѣта на Итакѣ β 26. Гезіодъ Theog. говоритъ опредѣленно о βουλή θεῶν и отличаетъ ее отъ остальныхъ, увеселительныхъ сходокъ боговъ. Этотъ θῶκος строго отличается отъ ἀγορά, описанной въ началѣ Υ (ср. Θ), къ которой по приказанію Зевса приглашены Ѡемидой даже всѣ рѣчные боги и нимфы. Даже и отдѣльныя степени политическаго значенія, замѣтныя въ человѣческомъ государствѣ, можно различить и въ мірѣ боговъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, демократическій элементъ еще безправенъ. Какъ предѣ Троей созываются воины (B 86 слѣд.) или β нач. италійцы или θ нач. феаки, чтобы только услышать волю владыкъ, безъ права голоса и рѣшенія (ср. ниже V, 51), такъ въ Θ и Υ боги приходятъ только за тѣмъ, чтобы узнать волю царя. Какъ въ земномъ, такъ и въ небесномъ царствахъ аристократическій элементъ пользуется правами, по крайней мѣрѣ, совѣщательнаго голоса (ср., напр., βουλή геронтовъ B 55 съ θῶκος боговъ), хотя нигдѣ не замѣтно, чтобы царь обязанъ былъ повиноваться большинству. Ибо, подобно тому, какъ земной царь, въ сущности, обладаетъ неограниченной властью — это будетъ доказано ниже, — такъ точно Зевсъ нигдѣ не является ограниченнымъ юридически или политически: онъ повелѣваетъ и запрещаетъ, помогаетъ и губитъ, какъ хочетъ. Въ то время, какъ Посидонъ не можетъ выступить съ своею волею противъ совокушной воли другихъ боговъ (α 78), въ то время, какъ всякій отдѣльный богъ можетъ удовлетворить свою ненависть и любовь, если это позволяетъ Зевсъ и другіе боги (μ 349; τ 276), одинъ только Зевсъ неограниченъ: ε 103: „но повелѣній Зевса эгидо-державца не смѣетъ между боговъ ни одинъ отъ себя отклонить, ни нарушить.“ И хотя обыкновенно совѣтъ боговъ подѣ предсѣдательствомъ Зевса правитъ единодушно (Nitzsch III, p. 72, ι 479) и хотя Зевсъ неохотно поступаетъ противъ боговъ (ср. Nitzsch III, Einl. p. XIV), однако онъ можетъ настоять на томъ, чего никто не желаетъ; другіе боги могутъ быть недовольны его рѣшеніемъ, но не могутъ помѣшать ему: Δ 29 говоритъ Гера: „волю твори, но не всѣ изъ безсмертныхъ ее мы одобримъ“.

Въ то время, какъ другіе боги избѣгаютъ столкновенія между собою (v 341, Nitzsch II, p. 132), онъ не боится борьбы противъ всѣхъ Θ 5. Боги признаютъ его высшимъ судьей въ томъ смыслѣ, что они никогда ни другъ противъ друга, ни противъ людей не прибѣгаютъ къ самопомощи, но приносятъ жалобы Зевсу. Такъ Е 872 Арей жалуется на Аѳину, Н 446 Посидонъ на ахеянъ, v 128 — онъ же на феаковъ, ρ 377 Геліосъ на спутниковъ Одиссея; даже Адъ, раненный Геркулесомъ у воротъ своего царства, пошелъ во дворецъ Зевса на высококомъ Олимпѣ Е 398.

2. Теологическое дѣленіе міра боговъ.

а. Божества, борющіяся противъ Зевса.

§ 75.

18. Подобно тому, какъ власть земного царя ни въ какомъ случаѣ не основывается только на происхожденіи и наслѣдственности царскаго достоинства, а, главнымъ образомъ, на геройствѣ и личномъ превосходствѣ его носителей — ибо Телемакъ чувствуетъ себя недостаточно сильнымъ, чтобы занять и удержать царскую власть на Итакѣ и о царѣ ликійцевъ Сарпедонѣ говорится II 542: „строившій землю Ликійскую правдой и доблестью духа“, — такъ и Зевсъ *ἔτατος κραίνωντος* въ особенности потому, что онъ самый сильный изъ боговъ и даже одинъ равносильнъ всѣмъ вмѣстѣ. Кромѣ нач. Θ ср. Θ 450: „у меня таковы необорныя силы и руки; боги меня не подвигнуть, колико ни есть на Олимпѣ“⁷¹). А 566: „тебѣ не помогутъ ни всѣ божества на Олимпѣ, если, возставъ, наложу на тебя необорныя руки“; ср. 580, 589. Λ 78: „всѣ же они порицали гонителя облаковъ Зевса, Трои сынамъ даровать возжелавшаго славу побѣды. Но не внималъ имъ владыка Олимпа; отъ всѣхъ уклонялся, онъ одинокій сидѣлъ въ отдаленіи радостно гордый“. О 107: „считаетъ, что онъ между боговъ вѣковѣчныхъ властью и силой своей превосходитъ всѣхъ несравненно“; ср. Müller Proleg. p. 246 сл. Lange, Einleit. in das Stud. der griech. Mythol. стр. 101 сл. Но не стоитъ подтверждать доказательствами всѣми признанную истину, что Зевсъ отецъ *κατ' ἑξ.* Θ 245, *Ἰούλιος* Θ 335, старѣйшій N 365. О 166, высочайшій, сильнѣйшій и въ своей силѣ могущественнѣйшій богъ, которому остальные боги добровольно подчиняются (v 148) и даже служатъ (Θ 438). Гораздо интереснѣе и даже прямо необходимо изслѣдовать, въ какой степени власть отца боговъ ограничена самымъ строемъ системы боговъ. Если мы не ошибаемся, то такое изслѣдованіе, при которомъ отношеніе Зевса и Мэры пока остается въ сторонѣ, не только необходимо для того, чтобы бросить взглядъ на внутреннія, теологическія отношенія боговъ другъ къ другу, но будетъ полезно для пониманія строя обѣихъ поэмъ.

§ 76.

19. Уже поверхностный взглядъ на мифологію учитъ, что глубина содержания божества часто и охотно представляется въ формѣ дуализма муж-

ского и женскаго индивидуумовъ⁷²). Конечно, этотъ дуализмъ мало по малу долженъ былъ отступить на задній планъ по мѣрѣ того, какъ въ сознаниі еллиновъ божества освобождались отъ ограниченій символизма и превращались въ свободныя, не связанныя никакими идеями, личности. Поэтому нечего удивляться, если онъ не выступаетъ у Гомера открыто; нельзя, однако, игнорировать отдѣльныхъ признаковъ, въ которыхъ онъ сказывается какъ бы исчеза. Мы прежде всего напоминаемъ о Ζεός и Διώνη (ср. Herm. Opusc. VII, стр. 276), хотя это удвоеніе личности Зевса не имѣетъ болѣе никакого значенія въ гомеровской системѣ боговъ. Но достойно вниманія то, что мы читаемъ о Герѣ; ея мифологическое возникновеніе и значеніе, правда, еще темны. Нѣкоторыя сказанія указываютъ на то, что въ ней, можетъ, быть заключаются элементы арійскихъ вѣрованій. Дождливое облако, а не земля обозначается въ Διώνη женск. къ Ζεός; (миръ объ Иксіонѣ); но именно ея субститутъ — Гера — можно понимать, какъ землю на ряду съ небомъ, подобно Duāvâprithivî. Но, какъ кажется, сюда присоединились также и другіе элементы, напр., отъ богини луны, хотя она первоначально и не была богинею луны⁷³). Она говоритъ Δ 58 о себѣ: „я богиня старѣйшая, дочь хитроумнаго Крона, славой сугубой горжусь, что меня и сестрой, и супругой ты нарицаешь“. Этимъ объясняется и данное ей исключительно предъ всѣми богинями приложеніе πρέσβα θεά (всегда въ соединеніи θυγάτηρ μεγάλου Κρόνου). Такимъ образомъ она ставится выше всѣхъ другихъ женскихъ божествъ. Въ О 49 на ея обѣщаніе уговорить также и Посидона покориться Зевсу этотъ отвѣчаетъ: „если впередъ, о супруга, лилейнораменная Гера, будешь на сонмъ божественномъ мыслить согласно со мною, самъ Посидонъ, хотя бы желалъ совершенно иного, мысль переменить, согласно съ твоей и моею душею.“ Слѣдовательно, покорность Посидона ставится въ зависимость отъ согласія между Герой и Зевсомъ. Если мы сравнимъ съ этимъ то, что далѣе Гера Δ 62 говоритъ: „но оставимъ вражду и, смиряся другъ передъ другомъ, оба взаимно уступимъ, да слѣдуютъ намъ и другіе безсмертные боги“, то общепринятое положеніе, что *supremum nomen* представлялось Гомеру въ двойственномъ образѣ Зевса и Геры, окажется вполне вѣрнымъ. Ср. еще Нумп. 11 (12), 4: „Гера, которую всѣ блаженные боги большого Олимпа чтутъ благоговѣнно, подобно молніеносному Зевсу“. Поэтому она называется *ἰσοτέλης* равно чтимая; см. Düntzer Fragm. стр. 82. Единство обоихъ индивидуумовъ проглядываетъ также и въ выраженіи κασιγνήτη ἀλοχός τε, взятомъ, правда, въ самомъ обыденномъ смыслѣ.

§ 77.

20. Но это единство не повлекло бы за собою единопущія; это послѣднее существуетъ какъ постулатъ, но не какъ дѣйствительность. Ибо власть женщины желаетъ вмѣшиваться всюду и отказывается повиноваться, и это составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ Иліады; ср. А 520 сл., особенно 540 сл., гдѣ нужно обратить особенное вниманіе на притязаніе Геры участвовать въ предпріятіяхъ и замыслахъ Зевса. Поэтому

сыномъ Зевса и Геры является Арей, война, отношенія, о которыхъ поэтъ имѣеть, правда, не совсѣмъ отчетливое, но, тѣмъ не менѣе, непосредственное представленіе, такъ какъ онъ заставляетъ Зевса отца говорить Е 890 сыну: „ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ боговъ, населяющихъ небо: распря единая, брань и убійство тебѣ лишь пріятны! Матери духъ у тебя, необузданный, вѣчно строптивый, Геры, которую самъ я съ трудомъ укрощаю словами!“ Но такъ какъ Гера — менѣе могущественная богиня — одна ничего не можетъ сдѣлать, то она у Гомера выступаетъ всегда въ союзѣ съ другими силами, которымъ, хотя и по другимъ причинамъ, свойственны также узурпаторскія наклонности, именно въ союзѣ съ Посидономъ и Аѳиной. Эти послѣдніе не только раздѣляютъ во всей Илиадѣ ея любовь къ угнетаемымъ Зевсомъ ахейцамъ, но при отдѣльныхъ событіяхъ, въ особенности въ случаѣ сопротивленія Зевсу, всегда называются вмѣстѣ: такъ А 400: Оетида одна спасла Зевса отъ позорной бѣды „въ день, какъ отца оковать олимпійскіе боги дерзнули, Гера и царь Посидонъ и съ ними Аѳина Паллада ⁷⁴); далѣе ω 25: „всѣмъ то казалось угоднымъ, но только не Герѣ богинѣ, ни Посидону царю, ни блистательною Аѳинѣ“. Когда Υ 32 боги съ разрѣшенія Зевса отправляются въ битву, тѣ три божества, правда, сначала упоминаются вмѣстѣ съ другими, но потомъ *ibid.* 115 совѣщаются сами съ собою, помимо другихъ. Такимъ образомъ мы должны обратить вниманіе также и на представляемое Гомеромъ отношеніе этихъ двухъ (Посидона и Аѳины) къ Зевсу. Съ полнымъ правомъ Нерр ⁷⁵) указываетъ на то, что въ Одиссеѣ этотъ непрерывный споръ прекращается и власть Зевса надъ міромъ и богами оспаривается гораздо менѣе, а взаимныя компетенціи пользуются большимъ уваженіемъ; напр., ε 5 сл., ν 341, ξ 328, ν 341, ω 472 сл.

§ 78.

21. Мы обратимся сначала къ Посидону. Если Гера желаетъ быть равноправной Зевсу при единствѣ, то Посидонъ высказываетъ тѣ же самыя притязанія при раздѣленіи, ибо воображенію человѣка никакъ не удастся возвысить Зевса до отрицательной силы, которая, выражаясь философскимъ языкомъ, низводитъ другія божества на степень моментовъ (ср. прил. прим. 68 подъ кон). Посидонъ, правда, подчиняется и признаетъ, въ противоположность узурпаторскимъ стремленіямъ Геры, верховную власть Зевса, ср. Θ 120: „нѣтъ, не желаю отнюдь, чтобы кто либо смѣлъ изъ безсмертныхъ, съ Зевсомъ Кронидомъ сражаться: могуществомъ всѣхъ онъ превыше!“ N 354 говоритъ поэтъ: „оба они (Зевсъ и Посидонъ) и единая кровь и единое племя; Зевсъ лишь Кроніонъ и прежде родился, и болѣе вѣдалъ“; ср. Θ 440, Υ 301, ν 133, 148, но въ то же время и самъ Зевсъ признаетъ его старѣйшимъ и превосходнѣйшимъ ν 142 и гнѣвъ его считается достаточнымъ основаніемъ, почему самъ противъ своей доброй воли ничего не могъ сдѣлать для Одиссея α 68. О 212—217 онъ можетъ даже грозить брату непримиримую ненавистью, если онъ пожелаетъ спасти Троя безъ согласія его самого и враждебныхъ троянцамъ божествъ.

Онъ даже представляетъ свое притязаніе быть равноправнымъ Зевсу обоснованнымъ, такъ сказать, юридически. Главное мѣсто О 185—210, гдѣ Посидонъ, отзывается Иридой изъ битвы, слѣдующимъ образомъ выражается о Зевсѣ, который находитъ дерзкимъ, что Посидонъ, слабѣйшій и младшій, осмѣливается ему сопротивляться:

Такъ, могущественъ онъ, но слишкомъ надменно вѣщаетъ,
 Ежели равнаго честию меня укротить онъ грозитъ.
 Три насъ родилося брата отъ древняго Крона и Рея:
 Онъ громовержецъ и я, и Аидъ, преисподнихъ владыка.
 На трое все дѣлено и досталось каждому царство.

Онъ, Посидонъ, имѣетъ море, Адъ — подземное царство, Зевсъ — небо, по жребію (см. прил. прим. 52 сред.).

Общею вѣсьмъ остается земля и Олимпъ многохолмный.
 Нѣтъ, не хожу по уставамъ я Зевсовымъ, какъ онъ ни мощенъ.
 Съ миромъ пусть остается на собственномъ третьемъ удѣлѣ:
 Силю рукъ онъ меня, какъ ничтожнаго, пусть не страшаетъ.
 Дщерей своихъ и сыновъ для Зевса приличіе будетъ
 Грознымъ глаголомъ обуздывать, коихъ на свѣтъ произвелъ онъ,
 Кои уставамъ его покоряться должны поневолѣ.

Въ этихъ словахъ ясно высказано, что Посидонъ желаетъ быть совершенно равноправнымъ Зевсу на основаніи дѣленія міра по жребію и предоставляетъ ему только право отцовской власти надъ его семьею. Весьма замѣчательнъ доводъ, посредствомъ котораго Ирида какъ бы уговариваетъ его уступить.

„Неужели ты“, говоритъ она, „не перестанешь упорствовать? знаешь и то, что Эриніи вѣчно стоятъ за старѣйшихъ“ (ib. 204). Такимъ образомъ обязанность Посидона повиноваться она основываетъ на семейномъ правѣ; итакъ, она съ своей стороны указываетъ намъ, какъ на принципъ дѣленія міра боговъ, на взаимное отношеніе членовъ семейства. Ср. слова Зевса и Посидона ст. 166 и 197 и выше приведенное мѣсто N 354.

б. Божества покорныя Зевсу.

§ 79.

22. Въ то время, какъ Посидонъ дѣлаетъ правовыя притязанія на равенство и самостоятельность, но не въ состояніи отстоять ихъ въ видѣ перевѣса нравственныхъ связей, господствующихъ въ семействѣ, Аѳина не имѣетъ никакого законнаго основанія для своей оппозиціи Зевсу. Дочь относится къ отцу иначе, чѣмъ жена и братъ. Но и это дочернее отношеніе столь своеобразно, что оно дѣлаетъ Аѳину самымъ интереснымъ явленіемъ на всемъ Олимпѣ⁷⁶⁾; сюда относится также и то, что она раздѣляетъ съ Аполлономъ нѣкоторыя особенныя отношенія (какъ это Gladstone, Studies II, 54—142 сопоставляетъ; при выборѣ ихъ слѣдуетъ однако, быть очень осторожнымъ, такъ какъ мы находимъ совершенно неудачнымъ сравненіе съ библейскимъ откровеніемъ). Она, именно, дочь безъ матери, собственное

рожденіе Зевса; что именно Зевсъ ея отецъ, говорится всегда съ особеннымъ удареніемъ; ср. „Послѣгом. вѣроученіе“ II, 19; она называется преимущественно *ὄβριμοπάτηρ*, *Διὸς θυγάτηρ κούρην Τριτογένεια* — дочь сильного отца, дочь Зевса, славная Тритогенія, *Διὸς ἐκχεγαῖα* рожденная Зевсомъ, *κούρη Διὸς αἰγίοχοιο* или *αἰγίοχοιο Διὸς τέκος*; въ видѣ собственнаго имени употребляется *ἀτροτόνη*; сюда же относится ея связь съ *αἴγίς* и ея эпитетъ *γλαυκῶπις* — съ совиными глазами.

Въ семьѣ боговъ, устроенной по-человѣчески, она есть избалованный любимецъ отца, которой онъ не можетъ отказать ни въ какой просьбѣ: E 875—880: „всѣ на тебя негодуемъ, говоритъ Арей Зевсу, отецъ ты неистойной дочери . . . боги другіе, колико ни есть ихъ на свѣтломъ Олимпѣ, всѣ мы тебѣ повинuemся, каждый готовъ покориться; сей лишь одной никогда не смиряешь ни словомъ, ни дѣломъ, но потворствуешь ей, породивши зловредную дочь.“ Лишь только Θ 5—27 Зевсъ запретилъ строжайше вмѣшиваться въ битвы, какъ Аѳина испрашиваетъ себѣ позволеніе, по крайней мѣрѣ, помочь ахейцамъ хорошимъ совѣтомъ; онъ отвѣчаетъ ст. 39: „Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! не съ намѣреніемъ въ сердцѣ я говорю и съ тобою милостивъ быть я желаю.“ То же самое повторяетъ онъ X 183—185, когда Аѳина противится его предложенію спасти гонимаго вокругъ стѣнъ Гектора; здѣсь онъ прибавляетъ: „волю твори и желаніе сердца немедля исполни.“ И тѣмъ не менѣе Аѳина возмущается и страшно бранится, когда Зевсъ противится ея начинаніямъ Θ 360: „еслибъ отецъ мой Кронидъ не свирѣпствовалъ мрачной душою, лютый, всегда неправдивый, моихъ предпріятій рушитель“; но она знаетъ, какъ съ нимъ надо поступить: ст. 373: „будетъ, когда онъ опять назоветъ и Аѳину любезной.“ Весьма часто она называется вмѣстѣ съ Зевсомъ и представляется дѣйствующей за него или за одно съ нимъ. Θ 287 говоритъ Агамемнонь: „ежели даруютъ мнѣ громовержущій Зевсъ и Аѳина градъ разорить, устроеніемъ пышную Трою Пріама“; K 552 Несторъ: „васъ обоихъ одинаково любить, какъ Зевсъ громовержець, такъ и Зевсова дочь, свѣтлоокая дѣва Паллада“; онъ же Δ 736: „мы наступили на нихъ, помоляся Аѳинѣ и Зевсу.“ Когда Геркулесъ, изнемогая подъ тяжестью заказанныхъ ему Эврисоеемъ работъ, молился со слезами небу, Аѳина была послана Зевсомъ для спасенія его сына Θ 362 сл. Одиссей ο 42 говоритъ ей: „если по волѣ твоей и Кроніона всѣхъ истреблю я“ и π 260 требуетъ отъ своего сына, чтобы онъ обдумалъ: „еслибъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были наши помощники, стали-ль тогда бы мы прискивать новыхъ“, Υ 192: „ударивъ съ Аѳиной и Зевсомъ Кронидомъ.“ Въ π 265 она вмѣстѣ съ Зевсомъ прямо объявляется высочайшимъ и могущественнѣйшимъ божествомъ: „подлинно ты мнѣ надежныхъ помощниковъ называлъ; высоко, правда, они въ облакахъ обитаютъ, но оба не намъ лишь смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ богамъ всемогуществомъ страшны.“ Такое представленіе объ Аѳинѣ проходитъ чрезъ всю древность⁷⁷⁾, хотя и ограничивается иногда въ рационалистическомъ смыслѣ. Этому представленію вполне соответствуетъ гроза, которую она

возбуждаетъ Δ 45 вмѣстѣ съ Герой; равно какъ и то, что она Ε 736. Θ 387 надѣваетъ одежду Зевса и Ε 738 эгиду, отправляясь въ битву⁷⁸).

На основаніи этой неразрывно тѣсной связи ея съ Зевсомъ, въ виду этого общенія въ силѣ и чести и рожденія ея Зевсомъ безъ посредства матери, кажется, можно заключить, что въ данномъ случаѣ въ предѣлахъ совершенно очеловѣченной вѣры въ олимпійцахъ проглядываетъ мысль, что Аѳина есть отблескъ, ипостаса Зевса, родившаяся часть его собственного существа⁷⁹). Отсюда становится понятнымъ, почему Зевсъ не можетъ разстаться съ нею и, въ концѣ концовъ, дѣлаетъ то, чего она желаетъ, а также, почему она возстаетъ противъ него и соединяется съ другими строптивыми божествами. Именно, какъ самостоятельная, отдѣлившаяся отъ Зевса мысль, она сопротивляется враждебно ему, возбуждаемая сознаніемъ того, что она есть.

Собственная мысль Зевса, освобожденная имъ, желаетъ подобно Герѣ, женскому Со-Зевсу, быть чѣмъ нибудь независимымъ, но, нарушая связь съ отцомъ, она тѣмъ болѣе неправа, чѣмъ Гера, что для сей послѣдней, какъ для второго элемента дуалистически раздѣленного существа, борьба въ нѣкоторой степени естественна. Нѣкое указаніе на это мы находимъ въ угрозахъ Зевса, посредствомъ которыхъ Ирида отзываетъ эти оба непокорныя существа съ поля битвы; Θ 390—408, особенно отъ ст. 404: „и ни въ десять свершившихся лѣтъ круговратныхъ богини язвъ не излечатъ глубокихъ, какія мой громъ нанесетъ имъ. Будетъ помнить Аѳина, когда на отца ополчалась! Но противъ Геры не столько я злобенъ, не столько я гнѣвненъ: Гера обыкнула все разрушать мнѣ, что я ни замыслю!“

Изъ этого отношенія раскрывается и главное различіе обѣихъ поэмъ. Въ Одиссеѣ борьбы между олимпійцами совершенно не существуетъ, такъ какъ тѣсно связанныя божества не состоятъ во враждѣ между собою. Зевсъ и Аѳина единодушны; стоитъ только сравнить, какъ они ω 472 сл. согласнo совѣщаются; Гера держится въ сторонѣ, и Посидонъ стоитъ, съ другой стороны, одиноко. Въ Иліадѣ, напротивъ, земная распря есть только подобіе борьбы олимпійцевъ, какъ это видно изъ того, что говоритъ Φ 432 Аѳина: „о давно бы отъ грозной войны успокоились мы всѣ, градъ сей разрушивъ, высокотвердынную Трою Пріама!“ Здѣсь божества, которыя въ сущности должны бы быть едиными и согласными, вступаютъ въ ссоры и борьбу, и это даетъ богамъ Иліады повидимому другой характеръ, сравнительно съ богами Одиссеи⁸⁰). Ибо вся ненависть, злоба и хитрость, на которыя вызываетъ война смертныхъ, возникаетъ также вслѣдствіе междуусобія среди боговъ, въ существѣ которыхъ святость, какъ мы видѣли выше, не есть постоянный элементъ.

§ 80.

32. До сихъ поръ мы разсматривали тѣ божества, которыя, находясь по разнымъ причинамъ въ самой тѣсной связи съ Зевсомъ, въ этомъ именно обстоятельстве находятъ право относиться къ нему самостоятельно и, не-

смотря на меньшую власть, требовать раздѣленія господства. По ассоціаціи противоположности мы переходимъ теперь къ тому божеству, которое, равнымъ образомъ будучи тѣсно соединено съ Зевсомъ и находясь въ высокой чести какъ у боговъ, такъ и у людей, тѣмъ не менѣе никогда не выходитъ изъ подчиненнаго положенія по отношенію къ Зевсу и живетъ въ согласіи съ нимъ. Это Аполлонъ, объ остальныхъ свойствахъ котораго будетъ говорено въ приложеніи⁸¹⁾. Не безъ значенія онъ называется A 86 Δι φίλος и П 667, въ противоположность всѣмъ другимъ богамъ, Зевсъ зоветъ его φίλε Φοῖβε; всюду оказываетъ онъ повиновеніе приказаніямъ отца и, согласно тому еллинскому воззрѣнію на боговъ, изъ котораго развились праздничныя игры, на Олимпійскомъ торжествѣ онъ стоитъ наравнѣ съ Зевсомъ (ср. Müller, die Doriger I, 251 сл. и „Послѣгом. вѣроуч.“ II, 18). Въ почестяхъ онъ не уступаетъ Аѳинѣ, которая X 183 называется φίλον τέκος, ср. Θ 540. N 827: „еслибъ былъ славимый всѣми, какъ славится Фебъ и Аѳина Паллада.“ Отсюда восклицаніе: „еслибъ, о Зевсъ отецъ, Аполлонъ и Аѳина Паллада!“ (§ 81). То, что выше π 265 говорится объ Аѳинѣ, авторъ Hymn. in Apoll. Del. 68 говоритъ объ Аполлонѣ что онъ будетъ, „первымъ всегда изъ боговъ и людей, населяющихъ тучную землю“; ср. Hymn. Herm. 468: „ибо ты Зевсовъ сынъ, возсѣдаешь превыше среди безсмертныхъ боговъ, сильный и славный, тебя любить Зевсъ многоумный.“ И сама Аѳина не пребываетъ въ постоянной ссорѣ съ нимъ, какъ съ Ареемъ, но соглашается на его желанія и предложенія; ср. Н 17—42. Но почему же онъ никогда не пользуется этимъ выдающимся положеніемъ среди олимпійцевъ (Т 413 данное ему названіе θεῶν ὄριστος онъ имѣетъ наравнѣ съ Зевсомъ, ibid. 95) для возстанія и сопротивленія? Причина тому заключается въ томъ, что онъ главнымъ образомъ есть органъ Зевса, его уста, и возвѣщаетъ его рѣшенія; Hymn. Del. 132: „я возвѣщу всѣмъ смертнымъ Зевса неложную волю.“ Hymn. Apoll. Pyth. (75) 254: „всѣмъ имъ я возвѣщу неложную волю“; ср. Hymn. Herm. 533 сл. и π 402: „прежде боговъ спросите, чтобъ свѣдать, какая ихъ воля; если Зевсомъ одобрено будетъ намѣренье наше.“ — Аполлонъ, не только богъ предсказаній, но и мантики вообще (ο 526: „въ это мгновеніе справа поднялся огромный соколъ, посланникъ Аполлона“); онъ даже — пифейскій богъ I 405: „ни сокровища, сколько ихъ каменный сводъ заключаетъ въ храмѣ Феба пророка въ Пифеосѣ, утесами грозномъ“; θ 79: „ему предсказалъ Аполлоновъ въ храмѣ Пифейскомъ оракуль.“ Онъ подразумѣвается навѣрно у Aesch. Eum. 19 Δὸς προφήτης, хотя поэтъ нигдѣ не говоритъ точно.

Касательно предсказаній Аполлонъ приводится въ связь съ Зевсомъ, какъ это видно изъ ο 245: „Амфіарей, волнователь народовъ, милый эгидо-державцу Зевсу и сыну Латоны.“ Такъ какъ, слѣдовательно, должность, въ которой выражается приписываемое ему существо, необходимо требуетъ постоянного согласія съ Зевсомъ, то въ немъ нѣтъ ни одного момента, изъ котораго могли бы развиваться противоположность и борьба; онъ всегда покорный сынъ, который ничего другого не желаетъ, какъ исполнить или возвѣстить волю отца.

§ 81.

21. Если все предыдущее разсужденіе вѣрно, то намъ станетъ понятнымъ, почему необыкновенныя, трудно или совсѣмъ невыполнимыя желанія, осуществленіе которыхъ требуетъ во всякомъ случаѣ единоклюбія всѣхъ главныхъ божествъ, начинаются часто словами: „еслибъ, о Зевсъ отецъ, Аполлонъ и Аѳина Паллада!“ В 371, Δ 288, Η 132, Π 87, δ 341, η 311, σ 235, ω 376. Въ этой формулѣ, въ которой греческое самосознаніе выразило, можетъ быть, свое глубочайшее и высочайшее воззрѣніе на божество, въ этой формулѣ, извѣстной также и аттицистамъ, „грекъ объединяетъ важнѣйшія для него, и тѣснѣйшимъ образомъ соединенныя между собою божества въ одну святѣйшую общину“ („Послѣгом. вѣроуч.“ II, 20). Это сопоставленіе у Гомера такъ же не случайно, какъ и въ клятвѣ аѳинянъ (Schol. В 371). Ибо это вполне естественно, если человѣкъ, какъ при своихъ высшихъ желаніяхъ, такъ и при искреннѣйшихъ увѣреніяхъ обращаетъ свой взоръ къ своимъ высшимъ божествамъ. И въ высшей степени оно важно потому, что оно свидѣтельствуетъ, что греки имѣли сознаніе общенія именно этихъ трехъ божествъ, хотя они и дошли до него не спекулятивнымъ путемъ.

Служація божества.

§ 82.

25. Свободныя божества, которыя мы разсматривали до сихъ поръ, образуютъ основу міра боговъ, выступающаго въ эпосѣ; они же рѣшительнымъ образомъ вмѣшиваются въ событія поэмъ. Размноженіе ихъ и послѣдовательное раздѣленіе олимпійскаго міра боговъ, которое не создается поэтотъ, а получаетъ отъ него лишь національную подкладку и основу, истекаетъ отчасти изъ дальнѣйшихъ семейныхъ отношеній, отчасти же изъ необходимости поставить надъ извѣстными областями міра властителей и правителей. Такъ, прежде всего воинственному сыну Зевса и Геры соответствуетъ Гефестъ⁸³⁾, посвятившій себя мирнымъ искусствамъ; готовому въ бой — хромой; склонному, по примѣру матери, къ спору — миролюбивый, посредничающій при ссорѣ родителей, сынъ, А 571; далѣе, Артемида — Аполлону, охотница (ср. Nitzsch. II, 101), которая, однако, и нѣжными стрѣлами быстро и неожиданно поражаетъ женщинъ, — далеко попадающему въ цѣль богу съ серебрянымъ лукомъ, который тѣмъ же оружіемъ приносить смерть мужамъ: Ω 758, γ 280, η 64, ρ 251. 494. Въ то время, какъ Зевсъ ἐρχεῖοςъ есть хранитель семейнаго права и домашней жизни и, соответственно ему, Гера въ лицѣ Илиіи, ея дочерей (λ 271), заботится о сохраненіи семьи и рожденіи дѣтей, Афродитѣ предоставлена чувственная сторона въ отношеніяхъ половъ между собою: Ε 129: „нѣтъ, ты же шествуй къ любезному дѣлу на свадьбу“; поэтому воспитаннымъ ею дочерямъ Пандорей она не сама доставляетъ бракъ, какъ нравственно-гражданское соединеніе, но испрашиваетъ его для нихъ у Зевса; ο 74, 75,

Гермесъ, наконецъ, у Гомера по крайней мѣрѣ, прежде всего вѣстникъ Зевса: ε 28: „такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Гермесу, милому сыну: Гермесъ, нашъ вѣстникъ заботливый.“ Но онъ не простой вѣстникъ, но также исполнитель такихъ порученій, которыя требуютъ изворотливости, ловкости и осторожности, какъ, напр., Ω проведение Приама въ ахейскій лагерь, въ ε посланіе къ Калипсо, умерщвление Аргуса — сказаніе, которое подобно многимъ другимъ, только отмѣчено поэтомъ въ названіи Ἀργεῖφροντης⁸⁵). Въ качествѣ вѣстника, онъ διακτορος, каковой эпитетъ заключаетъ въ себѣ понятіе проводника, но едва ли имъ только и ограничивается⁸⁶). Но Гермесъ, какъ ἐριόβνιος, является даже и безъ порученій, какъ помощникъ, проводникъ, посредникъ, напр., для Одиссея, которому онъ даетъ μῶλο, для Геркулеса, котораго онъ въ λ 626 (мѣсто это впрочемъ сомнительно) сопровождаетъ въ подземное царство. Ср. Ω 334 „сынъ мой Гермесъ! Тебѣ отъ боговъ наипаче пріятно съ сыномъ земли сообщаться: ты вмешаешь, кому пожелаешь.“ Такъ, въ послѣгомеровскихъ вѣрованіяхъ онъ дѣлается ψυχοπότης (ω). Жезль, который онъ имѣетъ при себѣ при исполненіи порученій, — почему онъ называется также χρυσόραπις — не есть жезль герольда (ср. Nitzsch II, 11) и не ἄβρω καὶ πλότου ῥάβδος, какъ Нумп. Herm. 529, но волшебный жезль, „коимъ онъ огуманиваетъ смертныя очи (κ 291), коль хочеть, иль отверзаетъ у спящихъ“; эти стихи, умѣстные въ Ω 343, 344 (такъ какъ онъ ib. 445 дѣйствительно усыпляетъ стражей лагерь), въ ε 47 и ω 2 стоятъ безъ всякой причины. Будучи самъ проворенъ и одаренъ сильнымъ умомъ (Υ 35: ἐπὶ φρεσὶ περικαλίμῃσι), онъ дѣлаетъ другихъ расторопными о 319: „благодатенъ Гермесъ ко мнѣ былъ, боговъ благовѣстникъ, который всѣмъ смертнымъ людямъ успѣхъ, красоту и великую силу даруетъ: мало найдется такихъ, кто-бъ со мною поспорилъ въ искусствѣ . . .“; онъ научаетъ даже обману и хитрости и нарушенію клятвы; τ 396. Кого онъ любить, тому онъ даетъ богатство Ξ 490; поэтому и сынъ, котораго онъ родилъ съ Полимею, Εὔδωρος II 179; ибо дѣти часто называются по дѣламъ отцовъ.

Эти четыре названные божества, подобно Аѳинѣ и Аполлону, дѣти Зевса. Такимъ образомъ ихъ свойства, какъ и природа сихъ обоихъ, не самостоятельны, но суть ипостазя его существа; ихъ матери суть или какъ Діона, подобно Герѣ, женскія соотвѣтствующія божества, или какъ Латона, противоположность Зевса (міроправитель и отецъ θεμιστες рождаетъ въ тайнѣ сына, который открываетъ θεμιστες и къ которому потомъ присоединяется сестра въ вышеназванныхъ отношеніяхъ); о Майѣ изъ Гомера нельзя узнать ничего точно. Слѣдовательно, тѣ божества въ управляемыхъ ими областяхъ суть собственно только существа, заступающія царя боговъ, дѣйствующія вмѣсто него. Въ пользу этого взгляда говоритъ отношеніе не только Аполлона и Аѳины къ Зевсу, но также и Посидона, если сравнить о 245: „Амфіарей, милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны“ съ Ψ 306: „сынъ Антилохъ! тебя отъ юности боги любили Зевесъ и благой Посидонъ и въ ристательной хитрости всякой сами наставили“; въ этомъ мѣстѣ Гомеръ

даже въ специальной функціи Ποσειδών ἴππιος видитъ власть, принадлежащую даже priori loco Зевсу. Относительно Артемиды говорится ясно Ф 483: „тебя лишь надъ смертными женами львицей Зевсъ поставилъ, надъ ними свирѣпствовать далъ тебѣ волю“. Въ этой идеѣ, будто Зевсъ есть первоначальный источникъ божественныхъ дѣйствій сказывается ясно монархическое положеніе ἕκαστος κρείοντων, стремленіе придать высшему божеству абсолютность, о чемъ будетъ еще рѣчь въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Не удалось сдѣлать абсолютной его личность, такъ какъ такое безконечное углубленіе личности не было возможно и послѣдующимъ духовнымъ воззрѣніямъ; поэтому греки оставили высшіе предѣлы, полагаемые личностію, и Зевсъ сдѣлался для нихъ всемірнымъ принципомъ (Асмусъ 196, II, 63—5).

§ 83.

26. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ божествъ присоединяются нѣсколько менѣе индивидуализированныхъ существъ, въ видѣ служащихъ, сопровождающихъ главное божество, духовъ, въ которыхъ особенно выступаетъ какая нибудь сторона ихъ существа. (Secondaries называетъ ихъ Gladstone въ своихъ Studies on Homer). Съ Зевсомъ, какъ сѣдалищемъ справедливости и политической жизни, соединяется Θемида, не какъ у Hesiod. Theog. 901 въ качествѣ супруги и соправительницы, но въ служебной роли; ср. Υ 4: „Зевсъ же отецъ повелѣлъ, да Θемида безсмертныхъ къ совѣту всѣхъ призываетъ“; далѣе β 68: „я жѣ къ Олимпійскому Зевсу взываю, взываю къ Θемидѣ, строгой богинѣ, совѣты мужей учреждающей“; съ Герою, богиней брака, — Илиѳи, ея дочери: λ 271, съ Аполлономъ — Музы. Эти, согласно древнѣйшимъ воззрѣніямъ на природу, были собственно ключевыми нимфами; но въ духовномъ представленіи онѣ поютъ прекраснымъ голосомъ и (по одиночкѣ или всѣ вмѣстѣ; см. отд. III, § 2) покровительствуютъ и обучаютъ пѣнію; поэтому ср. θ 944 θεός Аполлонъ самъ, θ 64 муза и θ 488 оба вмѣстѣ. Имена ихъ и матери ихъ Μνημοσύνη, Μοισία, напоминаютъ о томъ, что пѣвцу нужна была хорошая память, чтобы рассказывать всѣ событія саги и κλέα ἀνδρῶν по порядку, κατὰ κόσμον, т. е., въ то же время по достоинству ихъ; поэтому именно при началѣ длинной пѣсни (α 1), въ особенности если она предъявляетъ большія требованія къ памяти, умѣстно призваніе музъ, такъ какъ онѣ знаютъ все. Если по Verg. Georg. 4, 392 сл. novit namque omnia vates, quae fuerint, quae mox ventura trahantur, то послѣднее предложеніе для vates, какъ пророка μάντις A 70, вѣрно; для αἰοιδός имѣютъ силу только два первыхъ; но это знаніе онѣ имѣютъ отъ Аполлона или музъ, что все равно для пѣвца людей, хотя на Олимпѣ обыкновенно Аполлонъ играетъ на лирѣ, а музы богини поютъ; если Аполлонъ пророкъ еще въ совершенно особенномъ смыслѣ, то онѣ, конечно, можетъ вдохновить и пѣвца. — Съ Афродитою соединены Хариты⁸⁷⁾, E 338; если въ E 267 Гера обѣщаетъ одну изъ нихъ обручить съ Гипносомъ, то это вѣроятно только поэтической мотивъ; но супругу Гефеста, называемую въ Z 382 κατ' ἐξοχήν харитой, Гезіодъ Theog. 945 именуетъ самою младшей,

Ἄγλαία. Отрывокъ § 267, въ которомъ Афродита является невѣрной супругой того же бога, — позднѣйшаго происхожденія.

Относительно Оръ⁸⁸⁾, съ нашей точки зрѣнія, изъ Гомера можно узнать мало, такъ какъ мы не пишемъ гомеровской миѳологіи. Мы охотно принимаемъ разъясненіе Lehms'a, что онѣ не обозначаютъ, какъ это думали, время года, а представляютъ какъ бы паденіе волнъ временъ; основаніемъ для этого служить Ф 450: „но когда намъ условленной платы желанныя Оръ срокъ принесли.“ Но онѣ представляютъ время не съ его печальной стороны, не все поглощающимъ, но съ его радостной стороны, все приносящимъ. Какъ особенное занятіе ихъ, Гомеръ называетъ ихъ должность небесныхъ привратницъ, „стражѣ которыхъ Олимпъ и великое вѣрено небо, чтобъ облакъ густой разверзатъ иль смыкатъ передъ ними“; Е 749, Θ 394; и когда Θ 411 прямо у воротъ Ириды возвращаетъ Геру и Аѳину, онѣ выпрягаютъ ихъ лошадей (433). Въ то время, какъ это послѣднее только случайнымъ образомъ соединено съ ихъ службой у вратъ олимпійскихъ и служить доказательствомъ охоты и готовности, съ которой у Гомера низшія божества подчиняются высшимъ, обязанность передвигать облака приводитъ ихъ въ непосредственную связь съ Зевсомъ, которому онѣ по Гезіоду Theog. приходятся дочерьми отъ Ѳемиды.

Виночерпица Геба служить, кажется, въ системѣ боговъ Гомера скорѣе для пополненія придворнаго штата; она дочь Зевса и Геры (λ 604, Е 722) и бракъ ея съ обоготвореннымъ Геркулесомъ, подобно браку хариты и Гефеста, имѣетъ для насъ очевидно, аллегорическій характеръ. Въ томъ же положеніи вѣроятно находятся Асклепій и Пайеонъ (ср. Göttling).

II. Міръ боговъ внѣ Олимпа.

§ 84.

27. Этими божествами замыкается кругъ олимпійскихъ боговъ. О тѣхъ божествахъ, которыя не причисляются къ олимпійскимъ, однако не относятся къ подземнымъ, о Діонисѣ и Димитрѣ, настоящее значеніе которыхъ ярко проявляется въ послѣгомеровское время, изъ поэмы можно заключить слѣдующее. Оба суть для поэта дѣйствительныя, личныя божества, такъ какъ Діонисъ Z 129, 131 причисляется къ θεοὶ ἐπιούρανιοι, какъ ε 125 ср. 119 Димитра къ θεαί. Но ни тотъ, ни другой не являются въ обществѣ остальныхъ боговъ на Олимпѣ; они дѣйствуютъ только для міра людей. Діонисъ E 325 (хотя мѣсто это не подлинно) называется характерно χάρις βροτοῖσιν, и только люди ѣдятъ Δήμητρος ἄκτιν (ср. Göttling, Ges. Abhandl. I p. 208). Однако оба божества стоятъ въ связи съ Зевсомъ: Діонисъ, какъ сынъ, Димитра, какъ мать Персефоны, которая по λ 217 дочь Зевса; такъ какъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, никакой необходимости, приписывать этой другой мать; ср. Schoem. Opusc. II стр. 53. Далѣе, поэту кажется извѣстенъ культъ Димитры (B 696 Δήμητρος τέμενος въ Ѳессалійскомъ Пираѣ), но во всякомъ случаѣ не елевсинскія мистеріи; о діонисовскихъ оргіяхъ на священной горѣ Ниѣ

во Фракіи (I 72 страна винограда) имѣть онъ свѣдѣнія, Z 132 ср. X 460, но только о боевыхъ, ибо фракійскій царь Ликургъ преслѣдуетъ Діониса вмѣстѣ съ его тирсами машущими няньками и свергаетъ въ море. О томъ, что съ полевыми культурами и культомъ Діониса соединяется смягченіе нравовъ, осѣдлость, упорядоченіе семейныхъ и государственныхъ отношеній, у Гомера не упоминается ни единымъ словомъ, хотя онъ строго различаетъ благородный образъ жизни, въ которой господствуютъ эти божества, отъ низкаго, при которомъ ни пашутъ, ни сѣютъ, но все, также и виноградъ, растеть въ дикомъ состоянці, какъ въ странѣ Циклоповъ, с 105 сл. Изъ остальныхъ сказаній Гомеръ упоминаетъ только о соединеніи Димитры съ Ясіономъ с 125 и Діониса съ Ариадной⁸⁰⁾ λ 325. Такимъ образомъ то, что поэтъ говоритъ и умалчиваетъ объ этихъ божествахъ, производитъ въ впечатлѣніе, что они, не участвуя въ совѣтѣ боговъ, не вмѣшиваясь въ ходъ эпическаго дѣйствія и находясь въ сторонѣ отъ войны и мореплаванія, суть мирные покровители земледѣлія и правильнаго винодѣлія. Зналъ ли Гомеръ о культѣ бога вина, помнилъ ли онъ вообще о божественномъ дѣйствіи Діониса, какъ бога вина, должно, правда, по Nitzsch III, 42 казаться весьма сомнительнымъ, такъ какъ поэтъ не упоминаетъ о немъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ согласно съ его обычнымъ представленіемъ о дѣйствіи боговъ, почти необходимо сказать о богѣ вина; ни при случаѣ разсказа о Маронѣ, владѣльцѣ благороднѣйшаго вина, жрецѣ Аполлона, о виноградномъ садѣ Алкиноя, ни при описаніи сбора винограда на щитѣ Ахиллеса. И всетаки вышеприведенныя мѣста и особенно тѣ, гдѣ говорится о тирсовыхъ жезлахъ и менадахъ, какъ объ извѣстныхъ вещахъ (Z 134, X 460), ослабляютъ, въ свою очередь, это сомнѣніе.

Совершенно иначе Димитра. Ежедневно вкушаемый *Δήμητρος ἀκτῆ* хлѣбъ долженъ былъ ежедневно напоминать и о подательницѣ его; при вѣяніи, отдѣленіи сора отъ зерна, богиня участвуетъ въ E 500: „такъ если вѣтры плевы рассѣвають по гумнамъ священнымъ, жателямъ, вѣющимъ хлѣбъ, гдѣ Димитра съ златыми кудрями плодъ отдѣляетъ отъ плевъ, возбуждая дыханіе вѣтровъ“; еще только с 125, B 696, E 326, Φ 76, такъ какъ планъ обихъ поэмъ не представляетъ случая для болѣе частаго упоминанія⁸¹⁾.

§ 85.

28. Адъ и Персефона заключаютъ гомеровскую систему боговъ; послѣдняя является у поэта хотя и дочерью Зевса и Димитры, однако (по мѣткому замѣчанію Преллера) не любезною дѣвою послѣдующихъ мѣвовъ, а страшною владычицею царства мертвыхъ и, какъ таковая, слѣдовательно, только женскимъ соотвѣтствіемъ ея супруга. А такъ какъ въ дѣленіи міроуправленія Адъ называется равноправнымъ братомъ Зевса, получающимъ по жребію *ζῶρος ἡρώεας* и даже именуется *Ζεὺς καταχθόνιος* (I 457, ср. 569), то въ царствѣ мертвыхъ онъ то же, что Зевсъ съ Герою на Олимпѣ. Персефона раздѣляетъ съ нимъ власть. Она вмѣстѣ съ нимъ наказываетъ въ подземномъ царствѣ нарушителей клятвы, какъ это Γ 278 вѣрно объясняли уже сами древніе; она слышитъ вмѣстѣ съ нимъ проклятіе, произносимое родителями надъ ихъ дѣтьми, I 454 сл., 569 сл. Хотя по λ 213, 226, 385, 634 могло бы казаться, что она особенно царствуетъ надъ тѣнями женщинъ, но по x 494 она именно сохраняетъ одному только Тирезію среди мертвыхъ мысли и сознаніе, такъ что даже кажется, что она царствуетъ надъ мертвыми (ср. „Послѣгом. вѣроуч.“ II, 15, 126) въ то время, какъ Адъ, непримиримый и неустрашимый *ἀμελίχιος ἦδ' ἀδάμαστος, θεῶν ἔχθιστος πάντων* I 158, 159 знаменуетъ силу смерти надъ людьми. *Θάνατος*, появляющійся

въ П 672 есть аллегорическій образъ состоянія смерти и не приводится Гомеромъ ни въ какую связь съ Адомъ. Впрочемъ, Baumlein (Zimm. Zeitschr. für Alterth. 1839 p. 1183) замѣчаетъ совершенно вѣрно, что, такъ какъ у Гомера весь міръ боговъ приводится въ систему, во главѣ которой и центромъ является Зевсъ, то и Адъ долженъ покориться этому главѣ и, слѣдовательно, раненый Геркулесомъ, долженъ на Олимпѣ искать помощи у Пайеона, Е 395—402.

Страшилища одиссеевскаго міра: Сцилла (*ἀδάνητον κακόν*) съ ея матерью Кратэисъ, Харибда, Сирены, волшебница Цирцея, находятся внѣ круга боговъ. О Керакъ, Эриніяхъ мы будемъ говорить тамъ, гдѣ представленіе о сихъ существахъ касается практической жизни гомеровскаго человѣка.

(Продолженіе будетъ.)

Циркулярное предложеніе Г. Попечителя Кавказскаго уч. округа

относительно нѣкоторыхъ недостатковъ въ преподаваніи древнихъ языковъ и веденіи письменныхъ работъ по этимъ языкамъ.

Гг. Начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

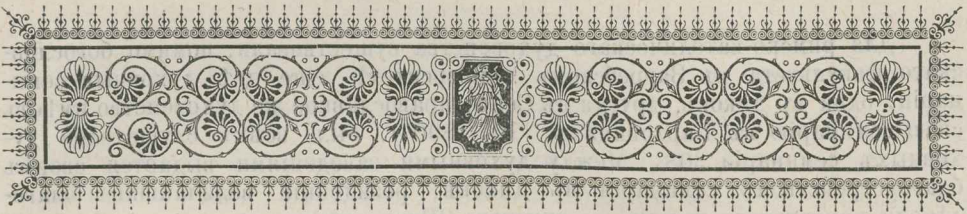
Комиссія, учрежденная 12 февраля 1881 г. для обсужденія вопроса объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ, разработала, подъ руководствомъ бывшаго Окружнаго Инспектора Н. А. Короваева, вопросъ о преподаваніи древнихъ языковъ и дала соотвѣтственныя по сему предмету указанія; между тѣмъ и понынѣ нѣкоторые преподаватели не вполне усвоили указаннаго имъ метода и, несмотря на изданныя въ 1890 г. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программы, остаются при приемахъ, которые признаны непригодными и даже вредными для умственнаго и нравственнаго развитія учащихся. Такъ, нѣкоторые учителя древнихъ языковъ, вопреки указаніямъ программы, не упражняютъ учащихся низшихъ классовъ въ пересказѣ разучиваемыхъ ими латинскихъ басенъ по предлагаемымъ имъ какъ по русски, такъ и по латыни, вопросамъ, не прибѣгаютъ къ обратнымъ переводамъ и перефразировкамъ и учениковъ III и даже IV класса постоянно держатъ на фразахъ по греческому языку и проч.

Не менѣе достойны порицанія и приемы веденія и оцѣнки письменныхъ переводовъ съ русскаго на древніе языки. Просматривая письменныя работы учениковъ, я имѣлъ случай замѣтить, что нѣкоторые гг. преподаватели продолжаютъ держаться прежняго взгляда на эти работы и нерѣдко даютъ для нихъ слишкомъ сложный и обширный матеріалъ, не соотвѣтствующій ни времени, которымъ располагаютъ ученики, ни усвоеннымъ ими знаніямъ. По правильному замѣчанію объяснительной записки къ учебному плану древнихъ языковъ, письменные переводы съ русскаго языка на древніе имѣютъ болѣе дидактическое значеніе и служатъ средствомъ для упроченія грамматическихъ знаній. Далѣе, въ той же запискѣ сказано, что для перевода на тотъ или другой древній языкъ слѣдуетъ предлагать такія русскія фразы и связныя статьи, которыя примыкали бы непосредственно къ латинскому или греческому тексту, читаемому и разрабатываемому въ данное время. Слѣдовательно, если ученикъ усвоилъ текстъ, разобралъ его, сдѣлалъ устно обратный переводъ въ порядкѣ текста и съ измѣненіемъ конструкціи; если онъ знаетъ пройденное изъ курса грамматики, и знаніе его оцѣнено было балломъ удовлетворительнымъ; если онъ, наконецъ, приученъ безошибочно писать изучаемыя статьи и басни, то какъ же онъ можетъ не исполнить удовлетворительно работы, которая должна служить лишь средствомъ для выщаго употребленія пройденнаго?

Результатомъ неправильной постановки письменныхъ работъ являются неудовлетворительныя отмѣтки. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ начальства ихъ, классныя наставники, предметныя или классныя комиссіи не обращаютъ должнаго на это вниманія, не изслѣдуя, почему за ту или другую письменную работу выставлено учителемъ слишкомъ большое число неудовлетворительныхъ балловъ. Ставить цѣлыя ряды единицъ и двоекъ и тѣмъ производить удручающее впечатлѣніе на отдѣльныхъ учениковъ и на весь классъ, ни съ чѣмъ несообразно и противно элементарнымъ указаніямъ педагогика. Не нужно забывать, что тотъ учитель, который ставитъ полонныя учениковъ класса неудовлетворительную отмѣтку, ставитъ, собственно говоря, единицу своему преподаванію: онъ долженъ былъ научить дѣтей и юношей примѣнять правильно къ письменной работѣ все пройденное изъ грамматическаго матеріала; если же ученики не только затрудняются въ примѣненіи синтаксическихъ правилъ, но и сбиваются въ формахъ языка, то это служитъ доказательствомъ несостоятельности методовъ преподаванія. Единицами и двойками учитель ничему научить не можетъ, а только вселитъ въ дѣтяхъ нерасположеніе къ своему предмету и къ самому себѣ и возбудитъ въ нихъ вредное для дальнѣйшаго ученія недовѣріе къ ихъ духовнымъ силамъ. Обращая вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній на такое ненормальное явленіе, возбуждающее, главнымъ образомъ, общественное мнѣніе противъ древнихъ языковъ, я прошу ихъ принять мѣры къ устраненію онаго на будущее время.

Мною и гг. Окружными Инспекторами замѣчено также, между прочимъ, слѣдующее: 1) нѣкоторые гг. преподаватели форсируютъ прохожденіе курсовъ въ низшихъ классахъ и даютъ работы, превышающія требованія программъ; 2) при устныхъ переводахъ разобраннаго текста и, вообще, при спрашиваніи урока подсказываютъ ученикамъ и не имѣютъ терпѣнія выслушать ихъ, чтобы, въ случаѣ неудачнаго отвѣта, исправить ошибку при помощи другихъ учениковъ; 3) не прибѣгаютъ къ хорошему чтенію и такому же отвѣтамъ — столь полезному педагогическому приему не только въ низшихъ классахъ, гдѣ приходится приучать учениковъ къ непривычнымъ ихъ слуху звукамъ изучаемаго языка, къ свойственнымъ этому языку оборотамъ и лексическому его богатству, но и въ старшихъ классахъ, въ которыхъ изучаются стихотворныя размѣры, у лирическихъ поэтовъ довольно сложныя; 4) при прохожденіи синтаксиса даютъ синтаксическія правила, какъ нѣчто готовое, вмѣсто того, чтобы вывести эти правила изъ примѣровъ, извлеченныхъ самими учениками, подъ руководствомъ учителя, изъ читаемыхъ авторовъ; 5) многіе учителя при чтеніи авторовъ дѣлаютъ совершенно излишнія экскурсіи въ область грамматики, между тѣмъ какъ на урокахъ, не положенныхъ для прохожденія грамматики, слѣдуетъ ея касаться лишь настолько, насколько это нужно для точнаго пониманія смысла читаемаго произведенія; 6) при переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій не стараются добиться, при участіи цѣлаго класса, перевода правильнаго и, по возможности, изящнаго, довольствуясь, въ большинствѣ случаевъ, переводомъ, насоро изготовленнымъ, необдуманномъ, и въ иныхъ мѣстахъ даже непонятнымъ.

Указавъ на замѣченные мною и гг. Окружными Инспекторами недостатки въ преподаваніи древнихъ языковъ, покорно прошу гг. Начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній обратить вниманіе на методы преподаванія, на правильность выполненія программъ и принять мѣры къ цѣлесообразной постановкѣ провѣрочныхъ и другихъ письменныхъ работъ по древнимъ языкамъ.

Культурно-учебныя заведенія у Хорватовъ.

Ө. Штифтаръ, Калуга.

Въ повременномъ изданіи «Slovanski Svet» отъ 10 февраля тек. года помѣщены нѣкоторыя очень любопытныя свѣдѣнія о современномъ состояніи культурно-учебнаго дѣла у Хорватовъ. Эти свѣдѣнія заимствованы упомянутымъ листкомъ изъ официального сообщенія, обнародованнаго хорватскимъ мѣстнымъ правительствомъ къ началу тек. года.

За приведенный учебный годъ было въ Хорватіи и Славоніи общественныхъ и частныхъ основныхъ школъ 1259, изъ коихъ 78 посѣщались исключительно мальчиками, 87 однѣми дѣвочками, а 1094 тѣми и другими. По языку, на которомъ происходитъ обученіе, эти учебныя заведенія дѣлятся на 1189 хорватскихъ, 51 нѣмецкихъ, 15 мадьярскихъ, 2 малорусскихъ и 2 словацкихъ. Содержаніе школъ вмѣстѣ съ жалованьемъ учителямъ обошлось 4,456,833 гульдена. Если данную сумму раздѣлить на все населеніе страны, то получается цифра 67, т. е. каждое отдѣльное лицо платитъ на нужды народнаго образованія 67 крейцеровъ. Учителей, трудившихся на пользу нар. просвѣщенія, было 1924; дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу, 252,807, но въ дѣйствительности эта цифра понизилась до 165,253, между тѣмъ какъ 87,554 дѣтей не посѣщало никакихъ уч. заведеній.

Высшихъ нар. училищъ для старшаго возраста съ 6-лѣтнимъ курсомъ было 19; въ старшихъ классахъ этого типа уч. заведеній числилось 583 мальчика и 1056 дѣвочекъ. Ремесленныхъ училищъ было 29 съ 112 отдѣленіями, которыя посѣщались 3150 учениками. Дѣтскихъ садовъ показано 20 съ 807 посѣтителями; кромѣ того было еще 12 временныхъ садовъ-пріютовъ съ 395 дѣтьми. На средства мѣстнаго земскаго фонда печатались разныя изданія въ 188,000 экз. на сумму 302,026 гульденовъ. Въ Загребѣ и Петрини имѣется по одной учительской семинаріи. Коммерческихъ школъ было 4. Учебныхъ заведеній специальныхъ: два земледѣльческія въ Крыжевцѣ и Пожегѣ, земская торговая школа въ Загребѣ, 6 лѣсопильныхъ учебныхъ заведеній, 7 для обученія плетенія корзинокъ, одно для обученія часовому мастерству въ Огулинѣ, для обученія ткацкому ремеслу 2 и одно для обученія мореходству въ Бакрѣ. Среднихъ учебныхъ заведеній 16 съ 4041 воспитанникомъ: 8 полныхъ классическихъ гимназій, 4 реальныхъ гимназій и 4 реальныхъ училища. На среднія уч. заведенія израсходовано 838,299 гульд.; каждый воспитанникъ, стало быть, обошелся въ 93 гульд. 42 кр. Для среднихъ уч. заведеній издано, въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ 47 учебниковъ и учебныхъ пособій въ 145,300 экземплярахъ.

Для римско-католическаго духовенства существовали, помимо богословскаго факультета въ Загребскомъ университетѣ, еще двѣ духовныя семинаріи: одна въ Дяковѣ, другая въ Сени; православное же духовенство имѣетъ свою семинарію въ Карловицахъ. Въ 1890 г. было всѣхъ слушателей духовныхъ семинарій 308. Между духовными заведениями выдается своимъ благоустройствомъ семинарія въ Дяковѣ, резиденціи величайшаго благодѣтеля хорватскаго народа — епископа Штросмейера.

Хорваты имѣютъ свой университетъ въ Загребѣ. Университ. бібліотека насчитывала за 1890 г. 80,447 томовъ. Университ. преподавателей 47 съ 363 слушателями. Университ. фондъ 565,702 гульд., а основной капиталъ для медиц. факультета 129,974 гульд.; всѣ издержки по содержанию университета простирались до 104,455 гульд. 72 кр.

Человѣколюбивыхъ заведеній было 10, культурныхъ 5, а именно: Націон. музей въ Загребѣ, Хорватское педагог. общество, общество св. Іеронима, Матица Хорватская и Югославянская академія наукъ и художествъ. Содержаніе Націон. музея обходится ежегодно въ 16,000 гульд.

Педагог. общество преслѣдуетъ главнымъ образомъ издательскія цѣли по части педагогики и изящной письменности. Его дѣятельность можно признать вполне удовлетворительной. Со времени существованія этого сравнительно еще молодого учрежденія до 1889 г. издано 52 книги разнаго содержанія, преимущественно педагог. и дидактическаго, въ 131,000 экз., ежегодно по 7000 экз. minimum. Кромѣ того педагог. общество состоитъ членомъ-собственникомъ хорватскаго дома въ размѣрѣ 25,000 гульд. Это въ высшей степени полезное заведеніе воздвигнуто было въ Загребѣ на общія средства всѣхъ учителей страны. Постройка его обошлась въ 100,000 гульд. Хорватскій учительскій домъ составляетъ, такъ сказать, націон. центръ, семейный очагъ всѣхъ хорв. учителей.

Общество св. Іеронима обладаетъ имуществомъ въ 124,580 гульд.; за послѣдніе 5 лѣтъ напечатало разныхъ изданій 283,600 экз.; въ 1890 г. насчитывало 9194 члена, главный контингентъ которыхъ составляетъ народная масса со своими пастырями и учителями.

Матица Хорватская выпустила за послѣдніе годы своей благотворной дѣятельности 41 книгу въ 301,000 экз. Печатаніе этихъ книгъ обошлось въ 109,337 гульд. Въ числѣ ея членовъ состояло въ 1890 г. 7787 лицъ разнаго званія, принадлежащихъ большей частью къ интеллигентному классу Хорв. общества. Имущественный фондъ Матицы составляетъ 126,119 гульд.

Югославянская академія напечатала за 1886—1890 г. 27 томовъ своей „Rada“ (труды), 6 книгъ „Starina“, 5 томовъ „Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium“, одинъ томъ „Monumenta historica-iuridica“ (хорватскіе писанные законы). Кромѣ того академія издала еще нѣкоторые другіе труды, по своей высокой стоимости въ платномъ отношеніи совершенно непосильные другимъ обществамъ, а въ особенности частнымъ лицамъ. Акад. бібліотека насчитываетъ 25,000 книгъ, 18,000 рукописей и 25,000 разныхъ письм. документовъ. Ея фондъ достигъ суммы въ 413,008 гульд. Даже изъ этихъ краткихъ свѣдѣній видно, что академ. бібліотека обладаетъ достаточнымъ количествомъ драгоценныхъ печ. и письм. сокровищъ, представляющихъ богатый источникъ ученаго матеріала для желающихъ посвятить свои силы разработкѣ югославянскаго прошлаго.

почти тѣ-же ошибки. Онъ, именно, въ той книгѣ, въ которой передаетъ бесѣды Сократа, вводитъ его разсуждающимъ о томъ, что не должно спрашивать о видѣ божіемъ¹⁾. Онъ же заставляетъ его говорить, что и солнце, и душа²⁾ есть богъ, и то объ одномъ богѣ, то о многихъ³⁾. Все это принадлежитъ почти къ тѣмъ же заблужденіямъ, какія мы видимъ у Платона.

XIII. (32) Также и Антисѣенъ, утверждая въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Естествоиспытатель», что народныхъ боговъ много, а естественный одинъ, уничтожаетъ силу и естество боговъ⁴⁾. Немного иначе и Спевсиппъ⁵⁾, который, слѣдуя своему дядѣ Платону и утверждая, что есть нѣкая сила, управляющая всѣмъ и притомъ воодушевленная⁶⁾, старается вырвать изъ сердець познаніе боговъ.

(33) И Аристотель въ третьей книгѣ о философіи⁷⁾ многое перепутываетъ, не расходясь съ наставникомъ своимъ — Платономъ. Именно, онъ то приписываетъ всю божественность высшему разуму⁸⁾, то говоритъ, что самъ міръ есть богъ⁹⁾, то какое нибудь иное существо ставитъ во главѣ міра¹⁰⁾ и придаетъ ему такую роль, что оно какимъ-то кругообразнымъ движеніемъ¹¹⁾ руководитъ и охраняетъ движеніе міра; то

1) Xen. Memor. Socr. 4, 3, 13.

2) Солнце въ Memor. нигдѣ не названо богомъ; о душѣ 4, 3, 14 — τοῦ θεοῦ μετέχει.

3) Ксенофонтъ и другіе греч. писатели употребляютъ о богѣ то един. ч. ὁ θεός, τὸ θεῖον, τὸ θεῖονον, то множ. οἱ θεοί; един. ч., когда говорится вообще о божествѣ, а не о какомъ нибудь опредѣленномъ богѣ.

4) Антисѣенъ изъ Афинъ, ученикъ Сократа, основатель школы циниковъ. Какъ и Платонъ (см. XII пр. 12) и др., Антисѣенъ считалъ народныхъ боговъ созданіями и слугами одного верховнаго бога. Въ виду этого, слова „уничтожаетъ — боговъ“ не имѣютъ основанія.

5) Спевсиппъ изъ Афинъ, наслѣдникъ своего дяди Платона въ Академіи.

6) Мировая душа (νοῦς). Высшее разумное и нравственное совершенство онъ приписывалъ не ей, а позднѣйшей ступени развитія. Подробности его взглядовъ неизвѣстны.

7) Это сочиненіе затеряно.

8) Νοῦς нематеріальный духъ.

9) Этого Аристотель нигдѣ не утверждаетъ; небо же онъ называетъ ἀθάνατον τι καὶ θεῖον.

10) Вѣроятно, имѣется въ виду πρῶτον στοιχεῖον, πρῶτον τῶν στοιχείων, иначе также — πέμπτη οὐσία, quinta natura, пятый элементъ; первые четыре — воздухъ, огонь, вода, земля.

11) „Пятый элементъ“ наполняетъ мировое пространство выше луны и «Гимназія».

говорить онъ, что небесный жаръ¹⁾ есть богъ, не соображая, что небо есть часть міра, который онъ въ другомъ мѣстѣ самъ назначилъ богомъ. Но какимъ образомъ при такой большой скорости можетъ сохраниться божественное сознаніе неба? гдѣ, затѣмъ, находятся эти столь многочисленные боги, если и небо также считать богомъ²⁾? А такъ какъ онъ-же утверждаетъ, что богъ безтѣлесенъ, то лишаетъ его всякаго чувства, также и благоразумія³⁾. Далѣе, какимъ образомъ онъ, не имѣя тѣла, можетъ приводить міръ въ движеніе или какимъ образомъ, находясь всегда въ движеніи⁴⁾, можетъ быть спокоенъ и счастливъ?

(34) Да и Ксенократъ, товарищъ его по школѣ⁵⁾, не благоразумнѣе его въ этомъ отношеніи. Въ своихъ книгахъ о природѣ боговъ онъ не описываетъ никакого божьяго вида. Онъ, именно, говоритъ, что есть восемь боговъ: пять, называемые именемъ блуждающихъ звѣздъ; шестой — всѣ неподвижныя звѣзды на небѣ, какъ будто изъ разсѣянныхъ членовъ должно себѣ представить одно простое божество; седьмымъ присоединяетъ онъ солнце, восьмымъ луну. Въ какомъ смыслѣ они могутъ быть счастливы, понять нельзя. Изъ той же платоновой школы Гераклитъ изъ Понта⁶⁾ наполнилъ свои книги дѣтскими баснями, и считаетъ божественнымъ то міръ, то разумъ. Онъ приписываетъ также божественность блуждающимъ звѣздамъ, причемъ отни-

изъ него образованы и звѣзды. Этой высшей, божественной матеріи приписывается кругообразное движеніе, чѣмъ и объясняется вращеніе неба и звѣздъ.

1) *Coeli ardor* — иное обозначеніе понятія *πέμπτη οὐσία*, пятый элементъ, эфиръ.

2) Schoemann предполагаетъ здѣсь пропускъ (быть можетъ, о звѣздахъ), потому что трудно думать, чтобы про міръ, управителя міра („иное существо“), пятый элементъ и небо было сказано: „столь многочисленные боги“.

3) См. прим. 8 къ XII гл.

4) Веллей ошибочно приписываетъ этотъ взглядъ Аристотелю. По мнѣнію послѣдняго, верховный богъ самъ находится въ неподвижномъ состояніи, но составляетъ причину движенія вселенной, потому что послѣдняя причина вѣчнаго движенія можетъ исходить только отъ неподвижнаго.

5) Ксенократъ изъ Халкедона (городъ въ Виоиніи, противъ Византіи), ученикъ Платона, наслѣдникъ Спевсиппа въ Академіи. Взглядъ его изложенъ весьма неточно. Ноѳъ и міровая душа стоятъ во главѣ вселенной, небо и звѣзды — созданные боги; стихійныхъ боговъ, господствовавшихъ въ воздухѣ, въ водѣ и землѣ, онъ называлъ именами народныхъ боговъ — Гера, Посидонъ, Димитра.

6) Ученикъ Платона и Спевсиппа, позднѣе и Аристотеля.

маеть у бога чувство¹⁾), утверждаетъ, что его наружность измѣнчива и въ той-же книгѣ включаетъ въ число боговъ опять небо и землю.

(35) А непостоянство Теофраста²⁾ невыносимо. Онъ, вѣдь, то разуму приписываетъ божественное главенство, то небу, а то небеснымъ знакамъ и созвѣздіямъ. Не должно также слушать его ученика Стратона³⁾, имѣющаго прозваніе естествоиспытателя. Онъ полагаетъ, что вся божественная сила заключается въ природѣ, которая заключаетъ въ себѣ причины рожденія, увеличенія, уменьшенія, но лишена всякаго чувства и вида.

XIV. (36) А Зенонъ⁴⁾, чтобы уже перейти къ вашимъ, любезный Бальбъ, полагаетъ, что божественъ естественный законъ⁵⁾ и что въ немъ заключается сила, приказывающая справедливое и препятствующая противному. Мы не можемъ понять, какимъ образомъ она дѣлаеть этотъ законъ воодушевленнымъ существомъ, но, конечно, вѣдь, желаемъ, чтобы богъ былъ воодушевленное существо. Онъ же самый въ иномъ мѣстѣ эфиръ называетъ богомъ⁶⁾, если только можно себѣ представить бога, который ничего не чувствуетъ⁷⁾ и никогда не является намъ на помощь ни въ молитвахъ, ни въ желаніяхъ, ни въ обѣтахъ. А въ иныхъ книгахъ онъ полагаетъ, что какой-то разумъ⁸⁾, простирающійся по всей вселенной, одаренъ божественной силой. Онъ-же приписываетъ то же самое звѣздамъ⁹⁾, затѣмъ годамъ, мѣсяцамъ и годовымъ пере-

1) Эпикурейцы не допускали возможности ощущеній и чувствъ у такого рода божества.

2) Теофрастъ изъ города Эреса на Lesbosъ, ученикъ и послѣдователь Аристотеля.

3) Стратонъ изъ Лампсака, города Мисіи. Cic. Acad. 2, 38, 121: *negat opera deorum se uti ad fabricandum mundum: quaecunque sint, omnia effecta esse natura.* Ср. N. d. 2, 32, 81.

4) Зенонъ, изъ кипрскаго города Китіона, ученикъ частью циника Кратеса, частью академика Ксенократа, основатель стоической школы. Умеръ въ глубокой старости въ Аѣинахъ, около 260 г. до Р. X.

5) Diog. Laërt. VII, 88: νόμος, ὅσπερ ἐστὶν ὁ ὀρθὸς λόγος διὰ πάντων ἐρχόμενος, ὁ αὐτὸς ὢν τῷ Διί.

6) Nat. d. 2, 9, 23.

7) Эфиръ, какъ его представлялъ себѣ Зенонъ, не могъ, по мнѣнію эпикурейцевъ, обладать чувствомъ.

8) То же, что выше названо естественнымъ закономъ.

9) N. d. 2, 15.

мѣнамъ¹⁾. А толкуя Θεογονію Гезіода²⁾, онъ совершенно уничтожаетъ обычныя и усвоенныя представленія о богахъ. Именно, онъ не считаетъ въ числѣ боговъ ни Юпитера, ни Юнону, ни Весту, ни когонибудь иного, посящаго такое названіе, но учитъ, что эти имена даны въ аллегорическомъ смыслѣ предметамъ неодушевленнымъ и нѣмымъ.

(37) Мнѣніе ученика его Аристона³⁾ не менѣе подвержено большому заблужденію, такъ какъ онъ полагаетъ, что нѣтъ возможности представить себѣ образъ бога, и говорить, что въ богахъ нѣтъ чувства, и, вообще, сомнѣвается, есть ли богъ воодушевленное существо или нѣтъ. А Клеанѳъ⁴⁾, который слушалъ Зенона вмѣстѣ съ сейчасъ упомянутымъ, то говорить, что самъ міръ есть богъ⁵⁾, то приписываетъ это названіе разуму и душѣ вселенной⁶⁾, то высказываетъ сужденіе, что самый удаленный и выше всего находящійся, со всѣхъ сторонъ разлитый и крайній, все окружающій и обнимающій жаръ, такъ называемый эфиръ⁷⁾, есть несомнѣнный богъ. Онъ же, словно помѣшанный, въ тѣхъ книгахъ, которыя написалъ противъ чувственнаго удовольствія, то выдумываетъ какой-то образъ и видъ божій, то приписываетъ всю божественность звѣздамъ, то полагаетъ, что нѣтъ ничего божественнѣе разума. Такимъ образомъ окончательно нигдѣ не отыскивается то божество, которое желаетъ провѣрить, какъ слѣдъ ногою, тѣмъ понятіемъ⁸⁾, которое наша душа имѣетъ о немъ.

XV. (38) А Персей⁹⁾, слушатель того же Зенона, говорить, что

1) Очевидное искаженіе, которому, вѣроятно, дало поводъ аллегорическое объясненіе мифологическихъ боговъ.

2) Не въ особомъ сочиненіи, а при случаѣ, въ сочиненіи *περί κόσμου*.

3) Родомъ изъ Хиоса, мало извѣстенъ.

4) Клеанѳъ, изъ Асса въ Мисіи, глава стоиковъ послѣ Зенона.

5) Какъ и самъ Зенонъ. N. d. 2, 8, 21.

6) Varro у Augustin. de civ. Dei. 7, 6: Hunc ipsum mundum esse deum: sed sicut hominem sapientem, cum sit ex corpore et animo, tamen ab animo dici sapientem, ita mundum deum dici ab animo, cum sit ex animo et corpore.

7) Огненный эфиръ и есть тотъ духъ вселенной, который все частью обнимаетъ, частью же проникаетъ, въ качествѣ міровой души.

8) *Πρόληψις* Эпикура (§ 43 кон.). Такимъ образомъ врожденное представленіе есть та рамка, въ которую долженъ войти результатъ философскаго изысканія (какъ слѣдъ, которому должна подойти величина ноги) и, если изысканіе вѣрно, то результатъ его будетъ соответствовать врожденному понятію.

9) *Περσαῖος*, землякъ и ученикъ Зенона.

богами сочтены тѣ люди, которые принесли большую пользу для образа жизни людей¹⁾, и что самые предметы полезные²⁾ и спасительные названы именами боговъ, такъ что онъ говоритъ даже не то, что это изображенія боговъ, а что эти самые предметы божественны. Но что безмысленнѣе или надѣленія божескою почестью грязныхъ и безобразныхъ предметовъ или включенія въ число боговъ людей уже уничтоженныхъ смертию, причемъ весь культъ ихъ будетъ состоять въ изъявленіи глубокой печали?

(39) А ужъ что касается Хрисиппа³⁾, считающагося хитрѣйшимъ толкователемъ сновидѣній стоиковъ, — онъ собираетъ великую толпу незнакомыхъ боговъ и притомъ настолько незнакомыхъ, что догадкою даже нельзя себѣ ихъ представить, хотя умъ нашъ, какъ кажется, можетъ создать воображеніемъ что угодно. Именно, онъ утверждаетъ, что божественная сила заключается въ разумѣ, т. е. въ душѣ и духѣ всей вселенной⁴⁾, и говоритъ, что самъ міръ есть божество и душа его вездѣсуща⁵⁾. Затѣмъ говоритъ онъ, что богъ есть основная сила самого міра⁶⁾, которая заключается въ разумѣ и разсудкѣ, и общая природа вселенной, т. е. всеобъемлющая вселенная; потомъ, что онъ сила судьбы и неизбѣжность будущихъ событій⁷⁾, сверхъ того — тотъ огненный вышеназванный эфиръ, затѣмъ то, что по природѣ можетъ течь и распространяться, какъ вода, земля и воздухъ⁸⁾; божественны солнце, луна, звѣзды и, вообще, вселенная, которая въ себѣ заключаетъ все, и даже тѣ люди, которые достигли безсмертія⁹⁾. (40) Онъ пытается

1) Такие боги — Bacchus, Ceres, Aesculapius и др.; ср. 2, 62.

2) Nat. d. 2, 23, 60 и 62; 31, 80.

3) Χρῑσιππος, родомъ изъ Тарса или Соль въ Киликіи, преемникъ Клеанѳа по кафедрѣ въ Стоѣ. О немъ у Diog. L. 7, 183: εἰ μὴ γὰρ ἦν Χρῑσιππος, οὐκ ἂν ἦν Στοά.

4) О міровой душѣ.

5) Въ текстѣ eius animi fusionem universam вм. eius animum ubique fusum.

6) См. 2, 11, 29. Иное выраженіе предыдущаго понятія о міровой душѣ.

7) Εἰσαρμένη (ср. ниже 20, 55), вѣчный законъ, по которому, въ зависимомъ порядкѣ причинъ и слѣдствій, по необходимости, происходятъ событія.

8) Nat. d. 2, 33, 84: ex terra aqua, ex aqua oritur aër, ex aëre aether: deinde retrorsum vicissim ex aethere aer, inde aqua, ex aqua terra infima.

9) Души обыкновенныхъ людей по смерти тѣла сливаются съ душою вселенной; души лучшихъ людей имѣютъ индивидуальное существованіе и

доказать, что эфиръ есть то, что люди называютъ Юпитеромъ¹⁾, и воздухъ, текущій по морямъ, есть Нептунъ²⁾, а земля есть то, что называется Церерою³⁾. Равнымъ образомъ онъ толкуетъ имена остальныхъ боговъ. Онъ же говорить еще, что сила непрерывнаго и вѣчнаго закона, который есть «какъ бы путеводитель жизни и наставникъ обязанностей», есть Юпитеръ; его-же онъ называетъ роковою неизбѣжностью, вѣчною истиной будущихъ событій, а между тѣмъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы могло казаться присутствіе божественной силы.

(41) Это говоритъ онъ въ первой книгѣ о природѣ боговъ, а во второй желаетъ миѣ Орфея⁴⁾, Музея⁵⁾, Гезіода и Гомера примѣнить къ тому, что самъ сказалъ въ первой книгѣ о безсмертныхъ богахъ, такъ что еще самые древніе поэты, которые и не подозрѣвали этого, были, повидимому, стойками. — Слѣдуя ему, Діогенъ Вавилонскій⁶⁾ въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Минерва» отдѣляетъ отъ миѣ рожденіе Юпитеромъ и происхожденіе дѣвственной богини и переноситъ въ физиологію.

XVI. (42) Итакъ, я изложилъ почти не мнѣнія философовъ, а сновидѣнія сумасшедшихъ. Не много, вѣдь, безразсуднѣе и то, что, будучи сказано поэтами, принесло вредъ самой своей плѣнительностью. Эти поэты вывели боговъ воспламененныхъ гнѣвомъ и изступленныхъ страстью, заставили насъ смотрѣть на ихъ войны, сраженія, битвы, раны, сверхъ того ненависть, раздоры, несогласія, рожденія, гибель, жалобы, слезы, вылившіяся во всей неводержности похоти, прелюбодѣянія, заключенія, связи съ человѣческимъ родомъ и, вслѣдствіе этого, смертныхъ дѣтей отъ безсмертнаго.

(43) Съ заблужденіемъ поэтовъ можно соединить выдумки маговъ⁷⁾

ведутъ божественную жизнь до всемірнаго пожара; души особенно выдающихся людей приобщаются къ богамъ.

1) 2, 4 и 25, 65.

2) 2, 26, 66 и 28, 71.

3) 2, 26, 67 и 28, 71.

4) См. ниже 98, 107.

5) Музей — ученикъ Орфея; ему приписываютъ также оеогоническое стихотвореніе, священные гимны, пророческія изреченія и сочин. о посвященіи и очищеніи.

6) Діогенъ Вавилонскій — ученикъ Хрисиппа, изъ Селевкии въ Сирии.

7) Т. е. странности въ вѣрѣ персовъ и мидянъ.

и безуміе въ этомъ-же родѣ египтянъ¹⁾, потомъ еще мнѣнія толпы, которая, вслѣдствіе незнанія истины, обрѣтается въ величайшемъ непостоянствѣ. Кто зрѣло обсудить, насколько ихъ рѣчи неразсудительны и необдуманы, тотъ долженъ преклониться передъ Эпикуромъ и считать его въ числѣ тѣхъ, о которыхъ идетъ у насъ вопросъ. Онъ, вѣдь, одинъ только уразумѣль, прежде всего, что боги существуютъ, потому что «сама природа напечатлѣла въ душахъ всѣхъ понятіе о нихъ». Именно, гдѣ такое племя или такой родъ людей, который безъ науки не имѣетъ нѣкотораго предварительно существующаго понятія о богахъ? Эпикуръ называетъ это *πρόληψις*, то есть нѣкоторе понятіе о предметѣ а priori²⁾, безъ котораго нельзя ничего ни понять, ни изслѣдовать, ни обсуждать. Значеніе и пользу этого соображенія мы узнаемъ изъ извѣстной божественной книги Эпикура о критеріи³⁾.

XVII. (44) Итакъ, то, что составляетъ основаніе въ этомъ вопросѣ положено, какъ видите, прекрасно. Именно, такъ какъ мнѣніе установилось не вслѣдствіе какого нибудь установленія, обычая или закона, и остается твердое согласіе всѣхъ до одного, то, по необходимости, должно понять, что боги существуютъ, потому что познаніе ихъ въ насъ вложено или, лучше, врождено намъ; а въ чемъ всѣ отъ природы согласны, то неминуемо должно быть истинно. Итакъ, должно признать, что боги существуютъ. И какъ это по большей части твердое мнѣніе всѣхъ не только философовъ, но также и необразованныхъ людей, то сознаемся, что твердо извѣстно также и то, что въ насъ есть либо предварительно существующее понятіе (*anticipatio*), какъ я выше сказалъ, либо предварительное познаніе (*praenotio*) боговъ (новымъ понятіямъ, вѣдь, должно давать и новыя названія, какъ самъ Эпикуръ назвалъ *πρόληψις* то, чего прежде никто не называлъ этимъ словомъ); въ насъ, говорю, есть предварительно существующее понятіе, что боги блаженны и бессмертны.

(45) Именно, та самая природа, которая дала намъ представленіе о самихъ богахъ, напечатлѣла также въ нашихъ умахъ, чтобы считать ихъ вѣчными и блаженными. Если это такъ, то справедливо высказано Эпикуромъ слѣдующее мнѣніе: «что блаженно и вѣчно, то ни само не

1) Имѣется въ виду ихъ поклоненіе животнымъ.

2) У Циц.: *anteceptam animo rei quandam informationem*.

3) По Diog. Laërt. 10, 27: Περὶ κριτηρίου ἢ καλόν (въ которомъ изложена логика Эпикура).

имѣть никакого занятія, ни другому его не предлагаетъ. Такимъ образомъ, имъ не овладѣваетъ ни гнѣвъ, ни милость, потому что все въ этомъ родѣ было бы признакомъ слабости». Если бы мы добивались только благочестиваго почитанія нами боговъ и освобожденія себя отъ суевѣрія, то сказаннаго было бы достаточно; ибо и превосходная природа боговъ чтится бы человѣческимъ благочестіемъ, потому что она вѣчная и блаженнѣйшая (все, вѣдь, выдающееся пользуется справедливымъ поклоненіемъ), и былъ бы изгнанъ всякій страхъ передъ силою и гнѣвомъ боговъ. Понятно, вѣдь, что блаженная и безсмертная природа не причастна ни гнѣву, ни милости и что съ ихъ удаленіемъ ничего страшнаго не грозитъ со стороны боговъ. Но для подтвержденія этой мысли умъ изслѣдуетъ и видъ, и образъ жизни, и умственную дѣятельность божества.

XVIII. (46) Что касается до вида боговъ, то частью природа даетъ намъ объ этомъ наставленіе, а частью научаетъ разумъ. Именно, отъ природы всѣ мы изъ всѣхъ народовъ не знаемъ никакого другого божьяго образа, кромѣ человѣческаго. Какой, вѣдь, иной видъ когда-либо предсталъ кому-нибудь на яву или во снѣ? Но, чтобы не все основывать на врожденныхъ понятіяхъ¹⁾, самъ разумъ говоритъ намъ то же самое.

(47) Именно, такъ какъ превосходнѣйшему существу, частью потому, что оно блаженно, а частью потому, что вѣчно, подобаешь быть также прекраснѣйшимъ, то скажите, какое соединеніе членовъ, какое образованіе чертъ лица, какой образъ, какой видъ можетъ быть красивѣе человѣческаго? Вы, по крайней мѣрѣ, Луцилій, (я не говорю о нашемъ Коттѣ, онъ, вѣдь, утверждаетъ то одно, то другое), изображая божье художественное зодчество, обыкновенно описываете, какъ въ человѣческомъ образѣ все прилажено не только для пользы, но также и для красоты.

(48) Итакъ, если образъ человѣка красотою превосходитъ наружность всѣхъ воодушевленныхъ существъ, а богъ есть воодушевленное существо, то, конечно его образъ тотъ, который прекраснѣе всѣхъ. И такъ какъ извѣстно, что боги въ высшей мѣрѣ блаженны, а блажен-

¹⁾ *Primae notiones*, что въ § 43 названо *πρόληψεις*, Веллей желаетъ посредствомъ умозаключеній доказать истину данныхъ, заключающихся въ „врожденныхъ понятіяхъ“. На слабость его аргументаціи указываетъ Котта XXXII, 89, 90.

нымъ никто быть не можетъ безъ добродѣтели, и добродѣтель не можетъ существовать безъ разума, ни разумъ находится гдѣ-либо кромѣ человѣческаго образа, то должно признать, что боги имѣютъ человѣческій видъ.

(49) Однако этотъ видъ не имѣетъ тѣла, но какъ бы тѣло, и не имѣетъ крови, но какъ бы кровь¹⁾.

XIX. Хотя Эпикуръ и открылъ это болѣе остроумно и высказалъ болѣе тонко, чѣмъ чтобы кто могъ признать въ этомъ истину, однако, полагаясь на нашу проницательность, я разсуждаю короче, чѣмъ требуетъ дѣло. Итакъ, Эпикуръ, который не только умомъ видѣлъ сокровенное и совершенно скрытое, но даже разбираетъ словно рукою, научаетъ, что сущность и природа боговъ такова, что, во первыхъ, она постигается не внѣшнимъ чувствомъ, а умомъ, и не вслѣдствіе нѣкоторой плотности или различаемости по числу, какъ тѣ предметы, которые онъ за ихъ прочность называетъ *στερέμια*, а по образамъ, которые мы усваиваемъ вслѣдствіе перехода на душу ихъ подобія. Затѣмъ, такъ какъ безконечные отпечатки совершенно подобныхъ образовъ изъ безчисленныхъ атомовъ составляются и истекаютъ къ намъ отъ бога, то умъ нашъ, съ величайшимъ наслажденіемъ напряженно внимая этимъ образамъ, получаетъ разумное познаніе того, какое блаженное и вѣчное существо есть богъ.

(50) Значеніе безконечности чрезвычайно велико²⁾ и въ высшей степени достойно полного и прилежнаго разсмотрѣнія. При этомъ разсмотрѣніи, по необходимости, должно понять, что сущность ея такова, что между всѣми предметами есть соотвѣтствіе равенства³⁾. Эпикуръ называетъ это *ισονομία*, т. е. равномѣрное распредѣленіе. И вотъ изъ

¹⁾ По ученію Эпикура, духъ, какъ и тѣло, состоитъ изъ атомовъ, но эти атомы особенно нѣжны. Такъ какъ на матерію можетъ вліять только матерія, то и вліяніе на нашу душу, благодаря которому въ ней существуютъ представленія о богахъ, происходитъ отъ матеріальнаго существа, т. е. боги должны быть матеріальны. Но составляющая ихъ матерія иного рода, чѣмъ во всемъ окружающемъ насъ мірѣ, который мы постигаемъ своими внѣшними чувствами, потому что въ такомъ случаѣ мы могли бы постигать и ихъ, чего въ дѣйствительности не бываетъ. Эта болѣе тонкая матерія и есть какъ бы тѣло, какъ бы кровь, и постигается прямо душою, безъ посредства глазъ.

²⁾ Для рѣшенія нашего вопроса.

³⁾ Въ текстѣ: *Omnia omnibus paribus paria respondeant.*

этого вытекаетъ, что, если столь велико множество смертныхъ, то не меньше число безсмертныхъ и, если безчисленны губящія силы, то также должны быть безконечны силы охраняющія.

Ты также, Бальбъ, и твои единомышленники обыкновенно спрашиваете у насъ, какова жизнь боговъ и какъ проходитъ ихъ вѣкъ? Очевидно, такая, что счастливъе ея и обильнѣе всякими благами нельзя ничего и представить. (51) Именно, богъ ничего не дѣлаетъ, не обремененъ никакими занятіями, не задумываетъ никакихъ дѣлъ, наслаждается своею мудростью и добродѣтелью, подлинно увѣренъ, что онъ всегда будетъ находиться среди величайшихъ и вѣчныхъ удовольствій.

XX. (52) Такого бога по справедливости можно бы назвать блаженнѣйшимъ, а вашего сущимъ мученикомъ. Ибо, если богъ есть сама вселенная, то что можетъ быть менѣе покойно, какъ безъ перерыва съ удивительной быстротой вращаться всякое мгновение вокругъ небесной оси? А блаженно только покойное. Если же въ самой вселенной заключается богъ, который управляетъ и руководитъ, соблюдаетъ теченія звѣздъ, перемѣны времянь года, систематическую очередь во всемъ, и, созерцая земли и моря, охраняетъ удобства и жизнь людей, то поистинѣ этотъ богъ заваленъ тягостными и трудными дѣлами.

(53) А счастье мы полагаемъ въ беззаботности души и свободѣ отъ всякихъ дѣлъ. Именно, тотъ же, кто научилъ насъ прочему, научилъ также, что вселенная создана природою¹⁾, что не было никакой надобности въ мастерской и что столь легко то дѣло, которое не можетъ, по вашему, произойти безъ божественной изобрѣтательности, что природа производитъ, произвела и будетъ производить безчисленные міры²⁾. Такъ какъ вы не видите, какимъ образомъ можетъ произвести это природа безъ какого-нибудь разума, то, какъ писатели трагедій, прибѣгаете къ богу, когда не можете довести дѣла до естественной развязки.

(54) Конечно, вы не искали бы его содѣйствія, если бы видѣли безмѣрную и безпредѣльную во все стороны величину пространствъ, въ которую душа, хотя и напряженно вникаетъ, мысленно странствуя въ ширину и длину, однако не видитъ никакого предѣльнаго рубежа,

1) Безсознательная сила природы, какъ и въ § 35. Ср. ниже § 67.

2) Основанія, по которымъ Эпикуръ признавалъ множество міровъ (Lucret. 2, 1052 сл.), сводятся къ тому, что нельзя доказать противнаго. Впрочемъ, Эпикуръ не первый утверждалъ это.

на которомъ могла бы остановиться. И вотъ, въ этой безпредѣльности широтъ, долготъ, высотъ, носится безконечное количество безчисленныхъ атомовъ, которые, хотя между ними пустота, всетаки сдѣпляются между собою и, хватаясь другъ за друга, соединяются. Черезъ это происходятъ тѣ формы и виды вещей, которыя, по вашему мнѣнію, не могутъ образоваться безъ раздувальныхъ мѣховъ и наковаленъ. Итакъ, вы посадили намъ на шею вѣчнаго господина, чтобы мы и дни, и ночи боялись его. Ибо кто не станетъ бояться бога, который все предвидитъ, обдумываетъ, замѣчаетъ, считаетъ все, что къ нему относится, заботливъ и пренеполненъ труда?

(55) Отсюда для васъ явилась, во первыхъ, та роковая необходимость, которую вы называете *εἰμαρμένη*, такъ что, что бы ни случилось, вы считаете проистекшимъ изъ вѣчной истины и непрерывнаго ряда причинъ. Но во сколько надо цѣнить ту философію, которой, словно старухамъ, да и то необразованнымъ, все кажется происходящимъ по судьбѣ? Отсюда же слѣдуетъ и ваша *μαντική*, что по-латыни значитъ *divinatio*, и если бы мы желали васъ слушать, то наполнились бы такимъ суевѣріемъ, что должны были бы почитать гаруспиковъ¹⁾, авгуровъ²⁾, предсказателей³⁾, прорицателей и снотолкователей.

(56) Избавленные Эпикуромъ отъ этихъ страховъ и получивъ черезъ него свободу, мы и не боимся тѣхъ, которые, какъ мы понимаемъ, ни себѣ не создаютъ никакой тягости, ни для другого ея не ищутъ, и благочестиво и съ благоговѣніемъ поклоняемся совершенной и превосходной природѣ боговъ. Но я боюсь, что, увлекшись рвеніемъ, говорилъ слишкомъ долго; впрочемъ, трудно было бы оставить неоконченнымъ столь важный и столь прекрасный предметъ, хотя я и

1) *Haruspices*, этрускіе предсказатели, жреческая коллегія со временъ императора Клавдія. Ихъ главныя занятія въ Римѣ: толкованье продігій и умилостивленіе по этому случаю боговъ, погребеніе молній и гаданье по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ.

2) авгуры составляли почетную коллегію жрецовъ въ Римѣ съ древнѣйшихъ временъ. Знаменія, наблюдаемая ими: 1) *signa ex coelo* (молнія, громъ), 2) *signa ex avibus*, по голосу (воронъ, галка, сова, дятель, пѣтухъ) или по полету (орелъ, ястребъ, коршунъ), 3) *signa ex tripudiis*, по клеванію корма цыплятами (особенно въ военное время, передъ битвою), 4) *signa ex quadrupedibus*, гаданье по попадающимъ на встрѣчу четвероногимъ, 5) *signa ex iris*, по дурнымъ примѣтамъ, которыхъ было очень много. Два послѣдніе вида гаданья не имѣли общественнаго значенія.

3) Предсказатели за деньги въ обществѣ находились въ презрѣніи.

долженъ былъ имѣть въ виду не столько самъ говорить, сколько слушать васъ.

XXI. (57) На это Котта любезно, по своему обыкновенію, сказалъ слѣдующее:

— Однако, любезный Веллей, если бы ты не сказалъ чего-нибудь, то отъ меня, по крайней мѣрѣ, ты не могъ бы услышать ровно ничего. Ибо мнѣ обыкновенно не такъ легко приходитъ на мысль, почему что-либо истинно, какъ почему что ложно, и, какъ вообще часто это случается со мною, такъ въ особенности я испыталъ это немного раньше, именно слушая тебя. Предложишь мнѣ вопросъ, какую считаю я природу боговъ, я, быть можетъ, ничего не отвѣчу. Спросишь, думаю ли я, что она такая, какъ тобою сейчасъ изложено, скажу, что, по моему, никоимъ образомъ. Но прежде чѣмъ приступлю къ разсмотрѣнію изложеннаго тобою, выскажу свое мнѣніе о тебѣ.

(58) Я часто, кажется, слышалъ, какъ извѣстный твой близкій другъ, не задумываясь, отдавалъ тебѣ предпочтеніе передъ всѣми римлянами и только немногихъ греческихъ эпикурейцевъ сравнивалъ съ тобою; но такъ какъ я понималъ, что ты имъ чрезвычайно любимъ, то думалъ, что онъ преувеличиваетъ изъ расположенія къ тебѣ. Хотя я и боюсь хвалить въ глаза, однако признаюсь, что о темномъ и весьма трудномъ вопросѣ ты сказалъ ясно и что твоя рѣчь не только богата мыслями, но даже краснорѣчивѣе, чѣмъ ваши имѣютъ обыкновеніе говорить.

(59) Въ бытность мою въ Афинахъ я часто слушалъ Зенона, котораго нашъ Филонъ¹⁾ обыкновенно называлъ коринѳеемъ эпикурейцевъ, и притомъ слушалъ по совѣту самаго Филона. Я полагаю, что этотъ совѣтъ онъ далъ мнѣ съ тою цѣлью, чтобы я легче могъ судить, какъ легко опровергнуть ихъ положенія, когда выслушаю способъ изложенія главы эпикурейцевъ. И вотъ онъ, не какъ большинство, но какъ сейчасъ ты, говорилъ отчетливо, выразительно и краснорѣчиво. Но что часто происходило со мною по отношенію къ нему, то же случилось сейчасъ, когда я тебя слушалъ: мнѣ было тяжело, что такой большой умъ (выслушай меня благосклонно) впалъ въ такія легкомысленныя, чтобы не сказать нелѣпыя, сужденія.

(60) Да и самъ я теперь не предложу ничего лучшаго. Ибо, какъ сейчасъ я сказалъ, во всѣхъ почти вопросахъ, и особенно въ относящихся къ природѣ, я скорѣе могъ бы сказать, чего нѣтъ, чѣмъ что есть.

¹⁾ См. гл. 3, 3.

XXII. Если ты меня спросишь, что такое божество и каково оно, я воспользуюсь примѣромъ Симонида. Когда объ этомъ спросилъ у него тираннъ Иеронъ, онъ потребовалъ себѣ одинъ день на размышленіе. Спрошенный на слѣдующій день, онъ попросилъ двухдневнаго срока. Когда затѣмъ онъ часто сталъ удваивать число дней и Иеронъ изумляясь спросилъ, почему онъ такъ поступаетъ, Симонидъ отвѣчалъ, что чѣмъ дольше онъ раздумываетъ, тѣмъ вопросъ ему кажется темнѣе. Я думаю, что Симонидъ (онъ, вѣдь, былъ, говорятъ, не только симпатичный поэтъ, но и въ прочихъ отношеніяхъ человѣкъ образованный) въ виду того, что много приходило ему на умъ остроумнаго и основательнаго, сомнѣваясь, что всего истиннѣе, потерялъ всякую надежду на истину.

(61) А сказалъ ли что нибудь твой Эпикуръ (я предпочитаю говорить съ нимъ, чѣмъ съ тобою), что было бы достойно не только философіи, но и посредственной разсудительности?

Въ вопросѣ о природѣ боговъ прежде всего спрашивается, есть ли боги или нѣтъ. Неудобно отрицать? Полагаю, еслибы вопросъ былъ предложенъ въ народномъ собраніи; а въ такомъ разговорѣ и собраніи, какъ наше, весьма легко. И вотъ я, самъ жрецъ, полагающій должнымъ въ высшей степени свято охранять религіозные обряды и господствующую религію, желаю, чтобы въ томъ положеніи, которое здѣсь важнѣе всего, что боги существуютъ, убѣдили меня не только принятіемъ на вѣру, но и вполне убѣдительными доводами. Много, вѣдь, попадаетея такого, что смущаетъ, такъ что иногда кажется, что совершенно нѣтъ такихъ боговъ.

(62) Обрати вниманіе на то, какъ я дружелюбно поведу съ тобою дѣло; я не коснусь того, что у васъ общее съ прочими философами, какъ, напримѣръ, самого положенія, что боги существуютъ, ибо всѣ почти такъ думаютъ, и я самъ въ числѣ первыхъ. Итакъ, я противъ этого не спорю, однако то основаніе, которое ты приводишь, считаю недостаточно прочнымъ.

XXIII. Именно, ты сказалъ, что, такъ какъ такимъ образомъ думаютъ люди всѣхъ племенъ и народовъ, то это довольно сильное для насъ основаніе признать существованіе боговъ. Но это доказательство и само по себѣ маловажно и сверхъ того ложно. Ибо, во первыхъ, откуда тебѣ извѣстны мнѣнія народовъ? Я, съ своей стороны, полагаю, что много есть народовъ столь дикихъ и непросвѣщенныхъ,

что у нихъ и никакого предположенія о богахъ нѣтъ¹⁾. (63) А далѣе, развѣ Диагоръ²⁾, прозванный *ἄθεος*, и за нимъ Θεодоръ³⁾, не отвергли открыто существованія божія? И Протагоръ⁴⁾ изъ Абдеры, о которомъ ты недавно упомянулъ, въ эти времена самый главный софистъ, высказалъ слѣдующее положеніе: «я имѣю основанія и не утверждать бытія боговъ, и не отрицать его»⁵⁾. По приказанію аѳинянь онъ за это былъ изгнанъ изъ города, а сочиненія его сожжены въ народномъ собраніи. Поэтому, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю, многіе стали осторожниѣе въ обнаруженіи такого мнѣнія, потому что даже сомнѣніе не могло избѣгнуть наказанія. Что сказать намъ о святотатцахъ, о людяхъ безсовѣстныхъ и клятвопреступникахъ? «Если бы когда нибудь Луцій Тубуль⁶⁾, Лупъ⁷⁾ или чудовище Карбонъ⁸⁾, какъ говоритъ Луцилій, «вѣрили въ существованіе боговъ, развѣ они были бы такими клятвопреступными или такими порочными?»

(64) Итакъ, это доказательство не столь надежно, какъ кажется, для подтвержденія того, что вы хотите. Но такъ какъ оно общее также и инымъ философамъ, то въ настоящее время я его опушу; предпочитаю перейти къ тѣмъ, которыя вамъ свойственны.

(65) Я соглашаюсь на существованіе боговъ; ты научи меня только, откуда они, гдѣ, какое у нихъ тѣло, душа, жизнь? Это именно знать я желаю. Ты во всемъ употребляешь во зло властное своеволие атомовъ, и все, что попадаетъ тебѣ, ты образуешь и производишь изъ

1) Противоположный взглядъ у Cic. de leg. 1, 8, 24. Tusc. 1, 13, 30.

2) См. гл. 1, пр. 5.

3) См. гл. 1, пр. 6.

4) Ibid. пр. 1.

5) Слова Протагора у Diog. L. IX, 51: *περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι οὐθ' ὡς εἰσὶν οὐθ' ὡς οὐκ εἰσὶν*. Аѳиняне, впрочемъ, обыкновенно относились съ полной терпимостью къ теоретическимъ взглядамъ и наказывали только за явное отрицаніе боговъ или за оскорбленіе существующихъ обычаевъ.

6) L. Hostilius Tubulus «quum praetor quaestionem inter sicarios exercuisset, ita aperte cepit pecunias ob rem iudicandam, ut anno proximo P. Scaevola tribunus plebis ferret ad plebem, vellentne de ea re quaeri. Quo plebiscito decreta a senatu est consuli quaestio Gn. Caepioni; profectus in exsilium Tubulus statim nec respondere ausus; erat enim res aperta». Fin. 2, 16, 54.

7) Вѣроятно, L. Cornelius Lentulus Lupus, консулъ въ 156 г. до Р. Х. Что Луцилій нападалъ на него, свидѣтельствуемъ Hor. Sat. 2, 1 68 и Pers. 1, 114. Основаніе неизвѣстно.

8) G. Papirius Carbo, другъ Тиберія Гракха, демагогъ.

нихъ. Но, во первыхъ, они есть ничто, ибо то, что не имѣетъ тѣла, есть ничто; съ другой стороны, всякое мѣсто занято тѣлами; такимъ образомъ не можетъ быть никакой пустоты, не можетъ быть ничего недѣлимаго.

XXIV. (§6) Это я теперъ привожу, какъ оракулы физиковъ; не знаю, правдивы они или ложны, но они однако болѣе правдоподобны, чѣмъ ваши. Ибо эти презрѣнные взгляды Демокрита, или еще раньше Левкиппа¹⁾, что существуютъ атомы одни гладкіе, другіе шереховатые, иные круглые, а иные угловатые, нѣкоторые крючковидные и какъ бы загнутые, и что изъ нихъ образовано небо и земля, безъ понужденія какимъ либо естествомъ, но вслѣдствіе какого-то случайнаго стеченія, — это ихъ мнѣніе ты, Гай Веллей, провелъ вплоть до нашего времени и, пожалуй, скорѣе можно было бы лишитъ тебя всякаго положенія въ жизни, чѣмъ отклонитъ отъ этого взгляда. Ты, вѣдь, раньше, чѣмъ узналъ эти мнѣнія, порѣшилъ, что должно тебѣ быть эпикурейцемъ. Такимъ образомъ было необходимо или воспринять умомъ эти презрѣнные взгляды или потерять принятое тобою названіе эпикурейскаго философа.

(67) Именно, что ты возьмешь, чтобы перестать быть эпикурейцемъ? Ничего, ты говоришь, не возьму зато, чтобы оставить ученіе, въ которомъ счастье и истина. Это, стало быть, истина? О счастьи я ничего не стану возражать; по твоему мнѣнію, и божество обладаетъ имъ въ томъ лишь случаѣ, если оно совершенно обезсиливается въ досугѣ; но гдѣ-же истина? Въ безчисленныхъ, думаю, мірахъ, которые во всякую, даже малѣйшую частицу времени, одни нараждаются, другіе погибаютъ? Или можетъ быть въ недѣлимыхъ, образующихъ столь прекрасныя произведенія безъ руководства какой либо природы²⁾, безъ всякаго плана? Однако я увлекаюсь, забывши о той вѣжливости, съ которой немного раньше сталъ говорить съ тобой. Итакъ, я соглашусь на то, что все состоитъ изъ атомовъ. Но какое намъ до того дѣло? Вопросъ, вѣдь, идетъ о природѣ боговъ.

(68) Допустимъ, что и они изъ атомовъ; они, стало быть, не

1) Левкиппъ, основатель ученія объ атомахъ, около 500 г. до Р. Х.

2) Это противорѣчитъ тому, что Веллей сказалъ гл. 20, 53. Но въ нѣкоторомъ отношеніи то и другое справедливо. Атомы, имѣя движеніе сверху внизъ, очевидно слѣдуютъ природному закону, но отклоняются отъ этого направленія, вопреки закону природы, и только это отклоненіе дѣлаетъ возможнымъ образованіе вселенной. См. с. 25, 69.

вѣчны. Именно, что изъ атомовъ, то когда нибудь произошло; а если произошло, то никакихъ боговъ не было прежде, чѣмъ они произошли; и если есть происхожденіе у боговъ, то, по необходимости, есть у нихъ и уничтоженіе, какъ и ты немного раньше¹⁾ разсуждалъ относительно вселенной Платона. Гдѣ, стало быть, то ваше блаженное и вѣчное, два слова, которыми вы отмѣчаете божество? Желая это доказать, вы попадаете, какъ загнавшійся охотникъ, въ колючіе кустарники²⁾. Такъ ты, вѣдь, говорилъ, что не тѣло у бога, а какъ бы тѣло, не кровь, но какъ бы кровь.

XXV. (69) Вы очень часто поступаете такимъ образомъ, что, утверждая что нибудь неправдоподобное и желая избѣжать порицанія, приводите что нибудь такое, чего совершенно даже быть не можетъ, такъ что лучше было бы допустить именно то, о чемъ идетъ споръ, чѣмъ такъ безстыдно упорствовать. Такъ, напримѣръ, Эпикуръ, видя, что мы ни надъ чѣмъ не будемъ имѣть власти³⁾, если атомы по своей собственной тяжести будутъ увлекаемы внизъ, потому что ихъ движеніе было бы опредѣленное и необходимое, изобрѣлъ способъ избѣгать необходимости, способъ, который очевидно ускользнулъ отъ вниманія Демокрита⁴⁾. Онъ говоритъ, что атомъ, несясь сверху внизъ по своему вѣсу и тяжести по прямому направленію, немножко уклоняется.

(70) Говорить это позорище, чѣмъ не быть въ состояніи защитить того мнѣнія, которое утверждаешь. Онъ также поступаетъ съ діалектиками. Такъ какъ ими сказано, что во всѣхъ такихъ логическихъ противоположеніяхъ, въ которыхъ сказано да или нѣтъ, одно изъ двухъ истинно, то онъ испугался, что, если допустить что нибудь въ родѣ слѣдующаго: «Эпикуръ завтра будетъ жить или не будетъ», одно изъ двухъ будетъ необходимо, и отвергъ необходимость

1) С. 8, 20.

2) Цицеронъ желаетъ сказать, что эпикурейцы впадаютъ въ непонятныя утвержденія и потому трудно опровержимыя, и доказываетъ это въ слѣдующей главѣ двумя примѣрами.

3) По той причинѣ, что, если душа состоитъ только изъ атомовъ, которые слѣдуютъ природнымъ законамъ движенія, то и душевная дѣятельность должна слѣдовать законамъ физической природы, и человѣкъ, такимъ образомъ, не можетъ имѣть свободной воли.

4) Демокритъ не принималъ прямолинейнаго движенія съ произвольнымъ уклоненіемъ.

всего этого положенія — да или нѣтъ¹⁾). Что можно было сказать неразумнѣе этого? Аркесилай нападалъ на Зенона, утверждая, что всё впечатлѣнія чувствъ ложны, а Зенонъ говорилъ, что нѣкоторыя, кажется, ложны, но не всё. Эпикуръ побоялся, что, если признать обманчивость однихъ впечатлѣній, ничто не будетъ правдивымъ, и утверждалъ, что всё чувства служатъ вѣстниками правды²⁾). Ни одно изъ этихъ положеній не остроумно особенно; ибо, намѣреваясь отразить легкой ударъ, онъ получилъ тяжелый.

(71) Онъ такъ же поступаетъ относительно природы боговъ. Избѣгая матеріальности недѣлимыхъ атомовъ, чтобы изъ этого не послѣдовало гибели и разрушенія³⁾, онъ утверждаетъ, что у боговъ нѣтъ тѣла, но есть какъ бы тѣло, нѣтъ крови, но есть какъ бы кровь.

XXVI. Кажется удивительнымъ, что жертвонаблюдатель не смѣется, увидѣвши другого такого же; еще удивительнѣе, что вы между собою можете сдерживать смѣхъ. «Нѣтъ тѣла, но есть какъ бы тѣло». Я бы понималъ его качество, еслибы это было сказано относительно изображенія изъ воска или глиняныхъ фигуръ; а что такое въ богѣ какъ бы тѣло или какъ бы кровь, понять не могу, да и ты также, Веллей, этого не понимаешь, но не хочешь признаться.

(72) Вы, вѣдь, твердите, словно заученное наизусть школьниками, то, что Эпикуръ зѣвая бредилъ, а самъ онъ между тѣмъ хвастаетъ, какъ мы видимъ въ его сочиненіяхъ, что онъ не имѣлъ никакого наставника⁴⁾). Еслибы онъ этого и не выставлялъ на видъ, я, съ своей стороны, всетаки легко бы этому повѣрилъ, подобно тому, какъ хозяину дурного строенія, еслибы онъ хвасталъ, что не имѣлъ архитектора. Незамѣтно въ немъ никакого слѣда академіи, никакого слѣда лица⁵⁾,

1) Эпикуръ утверждалъ, что принципъ *exclusi tertii* не можетъ имѣть абсолютнаго значенія, потому что относительно противоположеній, относящихся къ будущему, возможно, что ни одно изъ нихъ не будетъ имѣть мѣста.

2) Причины такого взгляда у *Lucret. IV, 480* сл.; обманъ чувствъ составляетъ слѣдствіе неправильнаго сужденія о чувственномъ впечатлѣніи.

3) Эпикуръ отвергалъ не то, что тѣла боговъ состоятъ изъ атомовъ, но не признавалъ *consuetio*, приписывалъ богамъ меньшую матеріальность. О дѣйствительной причинѣ приписыванія эпикурейцами такой субстанции богамъ см. гл. XVIII, прим. 2.

4) Такой отзывъ одного письма Эпикура упоминаетъ также *Diog. L. 10, 13*. Онъ же изъ другого письма приводитъ слѣдующія слова: *παίδειαν δὲ πᾶσαν, μαχάριε, φεῦγε*.

5) Т. е. не видать у него знакомства ни съ Платономъ, ни съ Аристотелемъ.

никакого слѣда даже школьнаго образованія¹⁾. Онъ могъ слушать Ксенократа²⁾ (о безсмертные боги, какого мужа!) и нѣкоторые думаютъ, что онъ его слушалъ, но самъ онъ заирается, а ему самому я больше всѣхъ вѣрю. Онъ говоритъ, что въ Самосѣ онъ слушалъ какого-то Памфила³⁾, ученика Платона. (Онъ тамъ жилъ въ молодости съ отцомъ и съ братьями, потому что отецъ его Неоклъ прибылъ на этотъ островъ въ качествѣ колониста, но такъ какъ маленькое поле не доставляло ему достаточнаго содержанія, какъ я думаю, онъ былъ учителемъ въ школѣ).

(73) Но этого платоника Эпикуръ ставитъ необычайно низко; настолько онъ боится, чтобы не казалось, что онъ чему-либо когда нибудь учился. Отъ Навсифана⁴⁾, ученика Демокрита, онъ отказаться не можетъ и, хотя не отрицаетъ, что его слушалъ, но за то терзаетъ его поношеніями. А если онъ не слушалъ этого демокритова ученія, то что онъ слушалъ? что имѣется въ физикѣ Эпикура не отъ Демокрита? Ибо, хотя онъ кое-что измѣнилъ, какъ, напримѣръ, то, что я сказалъ немного выше объ отклоненіи атомовъ, однако большею частью говоритъ то же: атомы, пустое пространство, отпечатки внѣшняго міра⁵⁾, безконечность пространства и, въ связи съ нимъ, безчисленность міровъ, ихъ начало и гибель, — все почти, что составляетъ предметъ науки о природѣ. Ну, а что ты разумѣешь подъ этимъ «какъ бы тѣло» и «какъ бы кровь»?

(74) Я вѣдь не только признаюсь, но и сношу безъ неудовольствія, что ты это знаешь лучше, чѣмъ я; а разъ что нибудь сказано, то что же такое, что можетъ быть понятно Веллею, а Коттѣ непонятно? Итакъ, я понимаю, что такое тѣло, что такое кровь; а что такое «какъ бы тѣло» и «какъ бы кровь», совершенно никоимъ образомъ не понимаю. Да и не скрываешь ты отъ меня, какъ обыкновенно дѣлалъ Пифагоръ съ посторонними, и не говоришь намѣренно темно, какъ Гераклитъ⁶⁾, но, да позволено будетъ сказать это между нами, ты и самъ не понимаешь.

1) ἐγχόλιος παιδεία — литература, грамматика и риторика.

2) См. выше гл. XIII пр. 13.

3) Неизвѣстное лицо.

4) Навсифанъ, греческій философъ, принадлежавшій къ школѣ Демокрита.

5) См. выше гл. XI, X § 49.

6) И ниже (3, 14, 35) Цицеронъ говоритъ, что неясность Гераклита (около 500 г. до Р. Х.) была намѣренная. Это же странное мнѣніе у Diog. Laërt. 9, 6.

XXVII. (75) Я вижу, что ты отстаиваешь то мнѣніе, что у боговъ есть какой-то видъ, который не заключаетъ въ себѣ ничего твердаго, ничего плотнаго, ничего въ осязаемой формѣ, ничего выдающагося и что онъ чистъ, легокъ, прозраченъ. Скажемъ, стало быть, то же, что о косской Венерѣ¹⁾: это не тѣло, но подобіе тѣла, и эта краснота, разлитая по тѣлу въ соединеніи съ бѣлизною, не кровь, но нѣкоторое подобіе крови; такъ и въ богѣ Эпикура не предметы, а подобія предметовъ. Представь себѣ, что я убѣжденъ въ этомъ, хотя этого нельзя даже и понять, и скажи мнѣ объ очертаніяхъ и формахъ твоихъ неясно обрисованныхъ боговъ.

(76) На этотъ случай нѣтъ у васъ недостатка въ количествѣ оснований, по которымъ вы желаете увѣрить, что у боговъ человѣчскій видъ: во первыхъ, потому, что таково въ нашихъ умахъ представленіе и врожденное понятіе, что человѣку, когда онъ думаетъ о богѣ, представляется человѣчскій образъ; затѣмъ, потому, что божественная природа превосходитъ все въ мірѣ и должна обладать прекраснѣйшимъ образомъ, а прекраснѣе человѣческаго образа нѣтъ никакого; въ качествѣ третьяго основанія вы приводите то, что никакой иной видъ не можетъ быть жилищемъ разума.

(77) Итакъ, разсмотримъ по очереди, каково каждое изъ этихъ оснований. Мнѣ, вотъ, кажется, что вы захватываете²⁾, словно по принадлежащему вамъ праву, положеніе никоимъ образомъ не достойное одобренія. Вообще, кто когда-либо былъ слѣпъ при точномъ наблюденіи вселенной, чтобы не видѣть, что этотъ человѣчскій видъ перенесенъ на боговъ или по какому нибудь совѣту мудрецовъ, чтобы тѣмъ легче отвратить умы непросвѣщенныхъ людей отъ извращенной жизни къ почитанію боговъ, или вслѣдствіе суевѣрія, чтобы были изображенія, поклоняясь которымъ думали бы, что обращаются прямо къ самимъ богамъ? А поэты, живописцы и ваятели еще усилили эти представленія. Не легко, вѣдь, было, подражая инымъ формамъ, изобразить боговъ что либо дѣлающими и предпринимающими. Быть можетъ, этому способствовалъ еще тотъ взглядъ, что для человѣка ничто не казалось красивѣе человѣка. Но ты, въ качествѣ естествоиспытателя, развѣ не видишь, какая льстивая посредница и какъ бы обольстительница самой

¹⁾ Знаменитая картина художника Апеллеса (въ IV в. до Р. Х.), представляющая Венеру выходящею изъ морской пѣны.

²⁾ Т. е. принимаете за истину.

себя природа? Или, быть можетъ, ты думаешь, что есть на сушѣ или въ морѣ какое либо животное, которое бы не восхищалось всего болѣе животнымъ своего рода? Еслибы это было не такъ, то почему бы быку не стремиться къ кобылицѣ, а жеребцу къ коровѣ? Или, можетъ быть, ты полагаешь, что орелъ, левъ или дельфинъ предпочитаютъ какой нибудь видъ своему! Что же, стало быть, удивительнаго, если такимъ же образомъ природа предписала человѣку не считать ничего красивѣе человѣка? (Это и составляетъ причину того, что мы считаемъ боговъ похожими на людей¹⁾).

XXVIII. (78) Какъ по твоему: еслибы у звѣрей былъ разумъ, развѣ не всякій изъ нихъ приписывалъ бы всего болѣе своему роду? А я клянусь (скажу, какъ думаю), что, хотя и люблю самого себя, всетаки не смѣю утверждать, что я красивѣе того быка, который увезъ Европу²⁾. Въ этомъ, вѣдь, случаѣ спрашивается не о нашихъ дарованіяхъ и рѣчахъ, но о наружномъ видѣ. И еслибы мы желали придумывать и присоединять себѣ формы, ты не захотѣлъ бы быть такимъ, какимъ рисуютъ извѣстнаго морскаго обитателя Тритона³⁾, бѣдующимъ на плавающихъ чудовищахъ, соединенныхъ съ человѣческимъ тѣломъ? Это трудный вопросъ. Такъ, вѣдь, велика сила природы, что всякій человѣкъ желаетъ быть похожимъ только на человѣка, (79) какъ и муравей на муравья. Но, однако, на какого человѣка? Вѣдь много ли красивыхъ? Когда я былъ въ Аѳинахъ, въ отдѣленіяхъ юношей⁴⁾ находилось едва по одному такому. Я понимаю, чему ты улыбаешься, но дѣло, однако, таково. Затѣмъ, для насъ, которые, съ разрѣшенія древнихъ философовъ, восхищаемся юношами, часто бываютъ пріятны даже недостатки⁵⁾. Алкея⁶⁾ восхищается родимое пятно на тѣлѣ мальчика; а родимое пятно есть тѣлесный недостатокъ. Ему, однако, это казалось

1) Слова, заключенныя въ скобки, Schoemann исключаетъ изъ текста.

2) Влюбившись въ Европу, Зевсъ превратился въ быка и перенесъ ее черезъ море на своей спинѣ на островъ Критъ. Ovid. Met. 2, 850 и сл.

3) Морское божество, сынъ Посидона и Амфитриты; онъ изображался съ двумя, вмѣсто ногъ, рыбьими тѣлами.

4) E gregibus ephoborum, разумѣются общества молодыхъ людей, составлявшіяся для совмѣстныхъ упражненій въ гимназіяхъ.

5) Та же мысль у Lucret. 4, 1154; Horat. Sat. 1, 3, 40.

6) Алкей, лесбосскій лирикъ VII в. до Р. X. Его эротическія стихотворенія частью упоминаются писателями (напр. Cic. Tusc. 4, 33, 71), частью дошли до насъ въ отрывкахъ.

красою. Кв. Катулъ, отецъ моего товарища и пріятеля¹⁾, любилъ земляка твоего Росція²⁾ и про него также написалъ слѣдующее: «Я какъ-то стоялъ, привѣтствуя всходящую Аврору, какъ вдругъ и Росцій слѣва появился. О небожители, да будетъ мнѣ позволено сказать, что мнѣ онъ, хотя и смертный, показался красивѣй божества». Для него онъ былъ красивѣй божества, а былъ онъ, какъ и въ настоящее время, весьма косоглазымъ. Что за важность, если это именно казалось ему привлекательнымъ и прелестнымъ?

XXIX. (80) Возвращаюсь къ богамъ. Станемъ ли мы считать нѣкоторыхъ изъ нихъ, если не косыми, то, по крайней мѣрѣ, прищуривающими глаза? Одни, пожалуй, имѣютъ родимое пятно, а иные курносые, вислоухіе, съ широкими лбами, съ большими головами, какъ и между насъ? Или, быть можетъ, у нихъ все въ лучшемъ видѣ? Сдѣлаемъ вамъ уступку въ этомъ отношеніи. Такъ развѣ одно лицо у всѣхъ ихъ? Вѣдь, если ихъ много, то, по необходимости, одно будетъ красивѣе другого. Стало быть, какойнибудь богъ не вполне красивъ. Если лицо у всѣхъ ихъ одно и то же, то, по необходимости, на небѣ процвѣтаетъ академія. Ибо, если нѣтъ никакой разницы между однимъ божествомъ и другимъ, то нѣтъ у боговъ никакого познанія, никакого разумѣнія³⁾.

(81) А что, любезный Веллей, если даже все то положеніе, что намъ во время размышленія о божествѣ не представляется никакого иного образа кромѣ человѣческаго, совершенно ложно, неужели ты все-таки будешь защищать это столь несообразное мнѣніе? Намъ, пожалуй, оно такъ и представляется, какъ ты говоришь⁴⁾; съ дѣтства, вѣдь, знаемъ мы Юпитера, Юнону, Минерву, Нептуна, Вулкана, Аполлона и прочихъ боговъ съ тѣмъ лицомъ, какое придать имъ разсудили за благо живописцы и ваятели, и не только съ такимъ лицомъ, но и въ такомъ украшеніи, возрастѣ и одеждѣ. Но не такъ думаютъ египтяне, сирійцы и всѣ почти варвары; именно, ты найдешь у нихъ болѣе твердыя пред-

¹⁾ Имѣется въ виду Q. Lutatius Q. f. Q. n. Catulus, консулъ 676 и товарищъ Котты по понтификату. Одноименный отецъ его былъ консуломъ въ 652 г.; одна его эпиграмма къ прекрасному юношѣ у Gell. N. A. 19, 9.

²⁾ Извѣстный комикъ Q. Roscius, за котораго защитительная рѣчь Цицерона дошла до насъ. Онъ былъ родомъ, какъ и Веллей, изъ Lanuvium.

³⁾ Конечно, шутливое замѣчаніе; если боги по наружности и не отличаются другъ друга, то они все-таки могутъ различать остальное.

⁴⁾ См. выше гл. 18, 46.

ставленія относительно нѣкоторыхъ звѣрей, чѣмъ у насъ о святѣйшихъ храмахъ и статуяхъ боговъ.

(82) Ибо мы видимъ, что наши ограбили много храмовъ и изъ святѣйшихъ мѣстъ унесли изображенія боговъ, но, чтобы египтянинъ тронулъ крокодила, или ибиса, или кошку, этого и слыхомъ не слыхать. Какъ ты думаешь? развѣ извѣстный Аписъ, священный быкъ египтянъ, не казался богомъ египтянамъ? Право же, настолько, насколько и тебѣ та ваша подающая здравіе Юнона¹⁾, которую ты никогда, даже и во снѣ, не видишь иначе, какъ въ козлиной шкурѣ, съ копьемъ, съ маленькимъ щитомъ и въ башмакахъ съ закорюченными носками. Но не такова Юнона аргосская и римская. Стало быть, видъ Юноны иной для аргивянъ, иной для ланувійцевъ, иной для насъ. Да и у насъ видъ Юпитера Капитолійскаго одинъ, а у африканцевъ видъ Юпитера Аммона другой.

XXX. (83) Не стыдно ли, стало быть, физику, т. е. наблюдателю и изслѣдователю природы, искать подтвержденія истины въ томъ, чѣмъ напитаны умы вслѣдствіе привычки? Такимъ, вѣдь, образомъ можно будетъ говорить, что Юпитеръ всегда бородатъ, Аполлонъ всегда безъ бороды, что у Минервы глаза сѣрые, а у Нептуна темноголубые. Конечно, мы хвалимъ того аѳинскаго Вулкана, котораго изваялъ Алгамень²⁾; онъ стоитъ легко одѣтый и примѣтно не обезображивающее его хроманіе. Мы, стало быть, будемъ имѣть хромого бога, потому что таково преданіе о Вулканѣ.

(84) Затѣмъ, мы примемъ также и то, что боги существуютъ подъ тѣми именами, какими мы ихъ называемъ? Но, во первыхъ, сколько человѣческихъ языковъ, столько и названій боговъ. Именно, ты называешься Веллеемъ, куда ни прибудешь, но не также называется Вулканъ въ Италиі, въ Африкѣ и въ Испаніи. Затѣмъ, число божескихъ именъ не велико, даже и въ книгахъ понтификовъ³⁾, а число боговъ неисчислимо. Или, быть можетъ, нѣтъ у нихъ именъ? Конечно, объ этомъ вы необходимо должны сказать такимъ образомъ. Къ чему, вѣдь, много именъ, когда они всѣ на одно лицо? Какъ было бы прекрасно,

¹⁾ Священная роща и храмъ Юноны Ланувійской или Sospita въ Lanuvium (поэтому „ваша“) почитались и въ Римѣ.

²⁾ Ваятель эпохи Перикла, замѣчательнѣйшій ученикъ Фидія.

³⁾ Indigitamenta, quae et nomina deorum et rationes ipsorum nominum continent. Serv. ad Verg. Georg. 1, 21.

любезный Веллей, сознаться скорѣе въ незнаніи того, чего не знаешь, чѣмъ наболтать вздору до тошноты и недовольства собою. Или, можетъ быть, ты думаешь, что божество похоже на меня или на тебя? Конечно, ты такъ не думаешь. Что же? стало быть назвать мнѣ божествомъ солнце, луну или небо? Слѣдовательно, также и блаженнымъ? какими же оно пользуется удовольствіями? И мудрымъ? да какимъ же образомъ можетъ быть мудрость въ такомъ чурбанѣ? Таковы ваши мнѣнія.

(85) Если, стало быть, божество не имѣетъ ни человѣческаго вида, что я доказалъ, ни какого нибудь въ этомъ родѣ, въ чемъ ты самъ убѣжденъ, то что же ты колеблешься отвергнуть существованіе божіе? Не смѣешь. Это, конечно, умно, хотя ты на этотъ разъ боишься не народа, а самихъ боговъ. Я знаю эпикурейцевъ, поклоняющихся всякимъ изображеніямъ, хотя замѣчаю, что нѣкоторые думаютъ объ Эпикурѣ, что онъ, чтобы не стать предметомъ негодованія аѳинянъ, на словахъ оставилъ боговъ, а на дѣлѣ ихъ уничтожилъ. И вотъ, въ его избранныхъ краткихъ изреченіяхъ, которыя вы называете *χόρια δόξαι* (главные положенія), первое изреченіе, какъ полагаю, слѣдующее: «что блаженно и безсмертно, то и само не имѣетъ и не задаетъ никому другому работы»¹⁾.

XXXI. Относительно этого мнѣнія, изложеннаго такимъ образомъ, нѣкоторые думаютъ, что онъ такъ выразился намѣренно, а это онъ сдѣлалъ по совершенному неумѣнію говорить; они дурно думаютъ о человѣкѣ вовсе не лукавомъ.

(86) Именно, сомнительно, говорить ли онъ о томъ, что есть нѣчто блаженное и безсмертное, или о томъ, что еслибы оно было²⁾. Они не замѣчаютъ, что, хотя здѣсь онъ и высказался двусмысленно, но во многихъ другихъ мѣстахъ и онъ, и Метродоръ³⁾ высказались также откровенно, какъ немного раньше и ты. Онъ дѣйствительно вѣритъ въ существованіе боговъ, и я никого не видѣлъ, кто болѣе боялся бы того, чего, какъ онъ утверждаетъ, не должно бояться, именно смерти и боговъ. О вопросахъ, которыми обыкновенные люди не такъ сильно волнуются, онъ громко восклицаетъ, что отъ нихъ умы всѣхъ людей въ ужасѣ. Столько тысячъ людей занимается разбоемъ, хотя

1) См. выше § 45.

2) Подраз.: то не имѣло бы ни само никакой работы и не задавало бы ея другимъ.

3) Метродоръ — ближайшій другъ и ученикъ Эпикура.

за это положена смерть; иные грабятъ всё храмы, какіе могутъ. Полагаю, что первыхъ ужасаетъ страхъ смерти или послѣднихъ страхъ божественной святости!

(87) Но такъ какъ, Эпикуръ (я уже стану говорить съ нимъ самимъ), ты не осмѣливаешься отрицать существованіе боговъ, то что тебѣ препятствуетъ причислить къ божественнымъ существамъ солнце, или вселенную, или какойнибудь вѣчный разумъ? «Никогда я не видѣлъ, говоришь ты, душу, обладающую умомъ и разсудкомъ, ни въ какомъ иномъ образѣ кромѣ человѣческаго.» А видѣлъ ли ты чтонибудь подобное солнцу, или лунѣ, или пяти планетамъ? Солнце, ограничивая свое движеніе двумя крайними пунктами одного круга¹⁾, совершаетъ свой годовой путь. Освѣщенная лучами того же солнца, луна совершаетъ такой же обходъ въ мѣсячный промежутокъ времени; а пять звѣздъ, придерживаясь того же круга, однѣ ближе къ землѣ, другія подальше, изъ однихъ и тѣхъ же исходныхъ точекъ совершаютъ одинаковые пути въ разные промежутки времени. Развѣ ты видѣлъ чтонибудь такое, Эпикуръ? Итакъ, не должно быть ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, потому что ничего быть не можетъ, кромѣ того, что мы осязаемъ или видимъ.

(88) А бога самого развѣ ты видѣлъ? Почему, стало быть, ты вѣришь въ его существованіе? Итакъ, уничтожимъ все, что или исторія, или разумъ намъ открываетъ. Изъ этого выйдетъ, что жители средины материка не повѣряютъ въ существованіе моря. Что за великое стѣшеніе духа! Такъ, напримѣръ, еслибы ты родился на Серифѣ²⁾ и никогда не выѣзжалъ съ этого острова, на которомъ видывалъ часто зайчиковъ и лисичекъ, ты не повѣрилъ бы въ существованіе львовъ и пантеръ, еслибы кто рассказывалъ тебѣ, каковы они; а если бы ктонибудь рассказывалъ о слонѣ, ты бы даже подумалъ, что надъ тобою смѣются. Ты всетаки, Веллей, посредствомъ умозаключенія вывелъ свое мнѣніе³⁾, не по обычаю вашей школы, но по способу диалектиковъ (ихъ правила совершенно игнорируютъ ваши одноплеменики)⁴⁾; ты принялъ, что боги блаженны. Согласенъ. «А блаженнымъ никто не можетъ быть безъ добродѣтели».

1) Подъ кругомъ разумѣется эклиптика и ея „два крайніе пункта“ — точки пересѣченія съ тропикомъ рака и козерога.

2) Небольшой Цикладскій островъ, въ южномъ ряду этой группы.

3) См. выше § 48.

4) Эпикурейцы.

XXXII. (89) И на это согласенъ, даже охотно. «Добродѣтель же не можетъ имѣть мѣста безъ разума». И съ этимъ необходимо согласиться. Ты прибавляешь, что разумъ пребываетъ только въ человѣческомъ образѣ. Кто, полагаешь, согласится съ тобою въ этомъ? Вѣдь, еслибы это было такъ, то что за надобность была бы тебѣ доходить до этого постепенно? Ты бы могъ тогда съ полнымъ правомъ принять это положеніе. А твое «постепенно» каково? Именно, отъ блаженства къ добродѣтели, отъ добродѣтели къ разуму ты дошелъ, по моему, по степенямъ. Отъ разума же къ человѣческому образу какимъ ты образомъ подходишь? Это, конечно, не подходить, а низвергаться!

(90) Да и того я не понимаю, почему Эпикуръ предпочелъ называть боговъ похожими на людей, чѣмъ людей на боговъ. Ты спросишь, что за разница, — вѣдь, если это похоже на то, такъ и то похоже на это. Понимаю, но я говорю, что не отъ людей перешло очертаніе наружности на боговъ; боги, вѣдь, всегда были, они никогда не родились, если, конечно, они будутъ вѣчны; а люди родились. Стало быть, человѣческій образъ существовалъ раньше, чѣмъ люди тотъ именно образъ, которымъ обладали безсмертные боги. Стало быть, не ихъ образъ слѣдуетъ назвать человѣческимъ, а нашъ божьимъ. Но пусть это будетъ, какъ вамъ угодно; я спрашиваю о томъ, какое это было счастье — вы, вѣдь, утверждаете, что во вселенной ничто не проиеходитъ разумно — что это, спрашиваю, былъ за случай?

(91) Откуда такое счастливое стеченіе атомовъ, что вдругъ родились люди съ образомъ божьимъ? Должны ли мы думать, что божественныя сѣмена упали съ неба на землю, и, такимъ образомъ, появились люди, похожіе на своихъ отцовъ? Я желалъ бы, чтобы вы говорили это; я бы весьма охотно призналъ наше родство съ богами. Вы не говорите ничего подобнаго, но утверждаете, что наше сходство съ богами есть дѣло случая. Неужели еще нужно намъ искать доказательствъ въ опроверженіе этого взгляда? О еслибы я могъ также легко находить истину, какъ доказать ложность!

XXXIII. Именно, ничего не забывая и краснорѣчиво, такъ что я съ удовольствіемъ подивился такой учености у римлянина, ты перечислилъ, начиная съ Фалеса милетскаго, мнѣнія философовъ о природѣ боговъ.

(92) Неужели, по твоему, въ бреду говорятъ всё тѣ, которые рѣшаютъ, что божество можетъ быть безъ рукъ и безъ ногъ? Неужели и обсужденіе того, какая польза и удобство для человѣка въ членахъ, не убѣждаетъ васъ въ той мысли, что боги не нуждаются въ нихъ? Какая, вѣдь, надобность въ ногахъ тому, кто не ходитъ? къ чему руки, если ничего не нужно ими схватывать? къ чему остальное устройство всѣхъ частей тѣла, въ которомъ нѣтъ ничего напраснаго, ничего безпричиннаго, ничего излишняго? Въ виду этого, никакое искусство не можетъ подражать изобрѣтательности природы. Богъ, слѣдовательно, будетъ имѣть языкъ и не будетъ говорить; зубы, небо и горло будутъ безъ всякой пользы; понапрасну будетъ имѣть богъ и тѣ части, которыя природа дала тѣлу для продолженія рода; и внутреннія части — сердце, легкія, печень и прочее — столько же ему бесполезны, какъ и внѣшнія. Какая въ нихъ красота, если отнять ихъ пользу? а вы, вѣдь, утверждаете, что онѣ есть у бога вслѣдствіе своей красоты.

(93) Основываясь на этихъ сонныхъ видѣніяхъ, развѣ не говорили противъ Пивагора, Платона и Эмпедокла не только Эпикуръ, Метродоръ и Гермархъ¹⁾, но даже гетера Леонтія²⁾ осмѣлилась писать противъ Теофраста? Правда, писала она умѣло и аттическимъ языкомъ, но всетаки. Такъ велика была разнузданность въ саду Эпикура³⁾. И еще вы обыкновенно жалуетесь! Зенонъ⁴⁾, по крайней мѣрѣ, даже ссорился. Къ чему говорить объ Альбуціи⁵⁾? Что касается Федра⁶⁾, то, хотя я не знаю никого ни съ большимъ вкусомъ, ни мягче, однако сердился старикъ всякій разъ, если я сказалъ что нибудь погрубѣе, между тѣмъ какъ Эпикуръ оскорблялъ Аристотеля всяческими поно-

¹⁾ Гермархъ изъ Митилены, ученикъ Эпикура и его преемникъ въ эпикурейской школѣ.

²⁾ Подруга Эпикура.

³⁾ Эпикуръ жилъ и училъ въ своемъ саду близъ Аѳинъ. Этотъ садъ онъ завѣщалъ Гермарху и дальнѣйшимъ преемникамъ.

⁴⁾ См. выше § 59.

⁵⁾ Titus Albucius, приверженецъ эпикурейскаго ученія, вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ Аѳинахъ сталъ большимъ грекофиломъ (Cic. Brut. 131 doctus etiam Graecis T. Albucius vel potius plane Graecus), за что осмѣявъ Луциліемъ. Послѣ пропреторства въ Сардиніи (650 г.) онъ былъ обвиненъ въ вымогательствѣ и осужденъ.

⁶⁾ Федръ, эпикуреецъ, котораго Цицеронъ слушалъ въ Римѣ.

шеніями, позорно злословилъ на сократова Федона¹⁾, въ цѣлыхъ книгахъ нападалъ на Тимократа²⁾, брата своего товарища Метродора, за то, что тотъ въ чемъ то не соглашался съ нимъ въ философіи, неблагодаренъ былъ по отношенію къ Демокриту, ученію котораго слѣдовалъ, и такъ дурно отзывался о наставникѣ своемъ Навсифанѣ, у котораго кое-чему научился³⁾.

XXXIV. А Зенонъ вашъ поносилъ злословіемъ не только своихъ современниковъ Аполлодора и Силлу, но про самого Сократа, отца философіи, говорилъ, употребляя латинское слово, что это былъ аѳинскій шутъ (scurra), а Хризиппа называлъ не иначе, какъ Хризиппою⁴⁾.

(94) Ты самъ немного раньше, когда словно читалъ списокъ⁵⁾ философскаго сената, утверждалъ про великихъ людей, что они безумствуютъ, бредятъ, сошли съ ума. Если изъ нихъ никто не имѣлъ правдиваго представленія о природѣ боговъ, то боюсь, что и нѣтъ ея вовсе, потому что то, что вы утверждаете, цѣликомъ выдуманно и едва ли достойно бабьяго вниманія при ночной работѣ за прялкой. Вы, вѣдь, не сознаете, какъ много еще труда вы должны принять на себя, еслибы, пожалуй, и добились отъ насъ уступки въ томъ, что образъ человѣческій и божій одинъ и тотъ же. Божество должно будетъ прилагать всякій уходъ и заботу о тѣлѣ такъ же, какъ это должно чловѣку: ему будетъ свойственно хожденіе, бѣганіе, лежаніе, наклоненіе, сидѣніе, схватываніе, наконецъ еще, языкъ и рѣчь.

(95) А что касается вашего утвержденія, что есть боги мужескаго и женскаго пола, то вы сами видите, что изъ этого слѣдуетъ. Я, съ своей стороны, не могу достаточно надивиться, откуда вашему главѣ пришли на мысль такія мнѣнія. Но вы не перестаете восклицать, что должно удержать то положеніе, что божество блаженно и безсмертно. Что же

¹⁾ Федонъ, уроженецъ Илиды, прибылъ въ Аѳины, въ качествѣ военно-плѣннаго, работъ, познакомился съ Сократомъ и былъ его ревностнымъ ученикомъ. Благодаря Сократу, онъ былъ выкупленъ на волю. По его имени названъ діалогъ Платона о безсмертіи. Самъ Федонъ былъ авторомъ нѣсколькихъ діалоговъ.

²⁾ Несмотря на эти нападенія, по дошедшему до насъ завѣщанію Эпикура, Тимократъ и нѣкто Аминомахъ назначены наслѣдниками его имущества.

³⁾ См. выше § 73.

⁴⁾ Вѣроятно, онъ этимъ хотѣлъ осмѣять его словоохотливость („старая болтунья“). Литературная производительность Хризиппы была необыкновенная: ему приписываютъ 705 сочиненій.

⁵⁾ Какъ цензоръ.

ему препятствуетъ быть блаженнымъ, если оно и не двуногое? и почему это блаженство (должно ли его назвать *beatitas* или *beatitudo*; оба эти выраженія шереховаты, но употребленіемъ мы должны смягчать слова), почему оно, каково бы оно ни было, не можетъ относиться къ солнцу, или къ нашему міру, или къ какому нибудь вѣчному разуму, не имѣющему тѣлеснаго образа и членовъ?

(96) Ты только возражаешь: «никогда не видѣлъ я, чтобы солнце или міръ были блаженными». Ну, а видѣлъ ли ты когда нибудь другой міръ, кромѣ нашего? Ты скажешь «нѣтъ». Почему, стало быть, ты осмѣливаешься говорить, что міровъ не 600000, а безчисленное множество? «Разумъ, говоришь, научаетъ». А не научилъ тебя разумъ тому, что по вопросу о превосходнѣйшей природѣ, притомъ же блаженной и вѣчной, чѣмъ можетъ быть одна только божественная природа, насколько превосходитъ насъ она безсмертіемъ, настолько и превосходствомъ души, и насколько души, настолько и тѣла? Почему, стало быть, стоя ниже въ прочихъ отношеніяхъ, мы видомъ будемъ равны имъ? Къ сходству съ божествомъ ближе подходитъ человѣческая добродѣтель, чѣмъ человѣческой образъ.

XXXV. (97) Можно ли сказать что нибудь настолько дѣтски наивное (остановимся подольше на этомъ вопросѣ), какъ, на примѣръ, утверждать, что не существуетъ вовсе тѣхъ видовъ животныхъ, которыя рождаются въ Черномъ морѣ¹⁾ или въ Индіи? Однако, даже самые любознательные люди не въ состояніи, на основаніи изслѣдованій, узнать о столь многихъ, сколько существуетъ въ дѣйствительности живущихъ на землѣ, въ морѣ, въ болотахъ и рѣкахъ. Итакъ, мы станемъ отрицать ихъ существованіе, такъ какъ никогда ихъ не видали? А самое сходство, которое васъ всего болѣе восхищаетъ, какъ мало оно относится къ дѣлу! Ну, не похожа ли собака на волка? И, какъ говоритъ Эпій, «какъ похожа на насъ обезьяна, противное животное». Но нравы въ томъ и другомъ различны. Изъ звѣрей ни одного нѣтъ умнѣе слона, а по складу какое неуклюжѣе?

(98) Это о животныхъ. Ну, а между самими людьми развѣ при величайшемъ сходствѣ наружности не бываетъ различныхъ характеровъ и при полномъ сходствѣ характеровъ — несхожей наружности? Въ самомъ дѣлѣ, если мы, любезный Веллей, развѣ принялись за такой

¹⁾ У древнихъ подъ Чернымъ моремъ (*Rubrum mare*) разумѣлись въ обширномъ смыслѣ части океана на югъ отъ Аравіи — Черное море и Персидскій заливъ.

родъ доказательствъ, то обрати вниманіе, куда онъ клонится. Ты принялъ, что разумъ можетъ быть только въ человѣческомъ образѣ; иной приметь, что только въ существѣ, находящемся на землѣ, только въ родившемся, только въ выросшемъ, только въ состоящемъ изъ души и тѣлннаго, слабаго тѣла, наконецъ, только въ человѣкѣ и притомъ смертномъ. Если во всѣхъ этихъ случаяхъ вы возражаете, то что за причина, что смущаетъ тебя одна только форма? ¹⁾ Ты, вѣдь, видѣлъ, что всѣ приведенныя мною свойства находятся въ человѣкѣ совмѣстно съ разумомъ и разумомъ. Отнявши эти качества, ты всетаки утверждаешь, что ты знаешь божество, лишь бы остались очертанія. Это, значить, говоришь не думая, но словно на угадъ.

(99) Впрочемъ, можетъ быть, ты и того не замѣчаешь, что не только человѣку, но даже и дереву служить помѣхою все лишнее и не имѣющее пользы. Какъ обременительно имѣть однимъ пальцемъ болѣе обыкновеннаго! Почему? Потому что наши пять пальцевъ не нуждаются еще въ шестомъ ни для красоты, ни для пользы. А у твоего бога лишній не одинъ палецъ, но голова, шея, затылокъ, бока, желудокъ, спина, колѣни, руки, ноги, бедра, голени. Если это для того, чтобы богъ былъ безсмертенъ, то какая надобность въ этихъ членахъ для жизни? Къ чему ему самое лицо? Скорѣе нужно слѣдующее: мозгъ, сердце, легкія, печень; въ нихъ, вѣдь, мѣстопробываніе жизни, а видъ лица нисколько не вліяетъ на продолжительность жизни.

XXXVI. (100) И однако ты порицалъ тѣхъ, которые, созерцая самую вселенную, ея части — небо, земли, моря, и ихъ украшенія — солнце, луну и звѣзды, и познавъ своевременное наступленіе времени года, ихъ смѣну и очередность, по этимъ величественнымъ и прекраснымъ созданіямъ пришли къ мысли, что есть какое-то превосходное и выше стоящее существо, которое все это создало, двигаетъ, управляетъ и направляетъ. Если они и ошибаются даже въ своемъ предположеніи, я всетаки вижу, чѣмъ они руководятся. А у тебя какое великое превосходное произведеніе, созданное, по твоему, божественнымъ разумомъ, по которому ты могъ бы предполагать о существованіи боговъ? «Было у меня, говоришь ты, и есть въ душѣ нѣкое врожденное представленіе

¹⁾ Т. е.: отчего это ваше предубѣжденіе относительно вида боговъ (πρόληψις) настолько васъ ослѣпляетъ, что противясь, вообще, разнымъ произвольнымъ утвержденіямъ, вы сами крѣпко держитесь такого же произвола.

о божествѣ. Конечно, и о бородатомъ Юпитерѣ и о Минервѣ въ шлемѣ; развѣ, стало быть, ты думаешь, что они такіе?

(101) Насколько правильнѣе судить объ этомъ толпа людей непро-свѣщенныхъ, которые приписываютъ божеству не только человѣческіе члены, но также и употребленіе членовъ! Именно, даютъ богу лукъ, стрѣлы, копье, щитъ, трезубецъ, молнію, и, хотя не понимаютъ, что бы такое боги дѣлали, всетаки не могутъ себѣ представить божества ничего не дѣлающимъ. Даже сами осмѣиваемые египтяне обоготоврили животныхъ только за какую нибудь пользу, которую могутъ получать отъ нихъ. Такъ, напримѣръ, ибисы истребляютъ величайшее множе-ство пресмыкающихся, такъ какъ это птицы высокаго роста, съ крѣп-кими ногами, съ крѣпкимъ, какъ рогъ, и длиннымъ клювомъ. Они от-вращаютъ заразу отъ Египта, потому что убиваютъ и пожираютъ летучихъ змѣй, приносимыхъ африканскимъ вѣтромъ изъ Ливійской пустыни; такимъ образомъ онѣ ни живыя не вредятъ ужаленіемъ, ни мертвыя запахомъ¹⁾. Я бы могъ говорить о пользѣ ихневмоновъ, кро-кодиловъ и кошекъ, но желаю быть краткимъ и вывожу такое заклю-ченіе, что звѣри обоготоврены варварами, всетаки, за благодареніе, а отъ вашихъ боговъ не только нѣтъ никакого благодаренія, но даже, вообще, никакого дѣла.

(102) «Нѣтъ у нихъ, говоритъ онъ, никакого занятія.» Эпикуръ, какъ изнѣженныя дѣти, полагаетъ, конечно, что нѣтъ ничего лучше праздности.

XXXVII. Однако и самыя дѣти, даже когда находятся въ без-дѣйствіи, развлекаются какою нибудь дѣтскою игрою; а про бога мы утверждаемъ, что въ праздности онъ настолько столбенѣетъ отъ без-дѣйствія, что боимся, что въ случаѣ, если онъ тронется, и блаженнымъ уже быть не можетъ. Ваша рѣчь не только отказываетъ богамъ въ дви-женіи и божественной дѣятельности, но даже людей дѣлаетъ лѣнливыми, такъ какъ, дѣлая что нибудь, даже божество не можетъ быть блаженно.

(103) Но пусть будетъ богъ, какъ вы утверждаете, изображеніемъ и образомъ человѣка? Каково его жилище, каково мѣстопробываніе, каково мѣсто, какой, наконецъ, образъ жизни? Отъ чего онъ, какъ вы

¹⁾ То же говорятъ и другіе, но по ихъ свѣдѣніямъ летучія змѣи являются изъ Аравіи; такъ Herod. 2, 75; 3, 107; Ammian. Marc. 22, 15, 26. Нѣкоторые желаютъ видѣть въ этомъ (Linn.) draco volans. Все здѣсь объ этомъ, конечно, баснословно.

утверждаете, счастливъ? Долженъ, вѣдь, пользоваться и наслаждаться своими благами тотъ, кому суждено быть счастливымъ. Ибо даже и у невоодушевленныхъ созданій, у всякаго есть свое, ему принадлежащее, мѣсто; такъ, земля занимаетъ самое низкое мѣсто, ее покрываетъ вода, высшее мѣсто удѣлено воздуху, а самое высокое огню. А изъ животныхъ одни живутъ на землѣ, инья въ водѣ, инья, словно двоякою жизнью, живутъ въ обоихъ мѣстахъ; есть также нѣкоторыя, которыя, какъ думаютъ, рождаются отъ огня и появляются часто летающими въ пылающихъ печахъ¹⁾.

(104) Итакъ, прежде всего спрашиваю: гдѣ обитаетъ вашъ богъ? Затѣмъ, какая причина заставляетъ его двигаться съ мѣста, если только онъ когда нибудь двигается? Далѣе, такъ какъ отличительная черта всѣхъ воодушевленныхъ существъ — стремиться къ чему нибудь, что подходитъ къ ихъ природѣ, то къ чему стремится божество? Потомъ, на что онъ употребляетъ свой разумъ и рассудокъ, а, наконецъ, какимъ онъ образомъ счастливъ, какимъ вѣченъ? Къ какому изъ этихъ вопросовъ ты ни прикоснешься, вездѣ больное мѣсто. Столь дурно предпринимаемое доказательство не можетъ дойти до желаннаго вывода.

(105) Ты такъ, вѣдь, говорилъ²⁾, что видъ божества постигается мыслью, не внѣшнимъ чувствомъ, что въ этомъ видѣ нѣтъ никакой плотности, что не остается онъ одинаковымъ по отношенію къ числу³⁾ и что представленіе о немъ таково, что онъ постигается вслѣдствіе перехода на душу подобія⁴⁾, да и никогда не прекращается приращеніе подобія изъ безконечнаго числа атомовъ, и вслѣдствіе этого⁵⁾ нашъ разумъ, направленный на эти предметы, считаетъ природу боговъ счастливой и вѣчной.

¹⁾ Seneca Qu. nat. 5, 6: ignis, qui omnia consumit, quaedam etiam creat et, quod videri potest non simile veri, tamen verum est, animalia igne creari. — Plin. Н. Н. 11, 36: In Cypri aerariis fornacibus ex medio igni maioris muscae magnitudine volat pennatum quadrupes: appellatur pyralis, a quibusdam pyrausta. Quamdiu est in igni, vivit: quum evasis longiore paullo volatu, emoritur.

²⁾ Именно гл. 19; 49. Въ этомъ мѣстѣ Веллей говорилъ не о видѣ божества, но о сущности и природѣ (vim et naturam deorum) боговъ. Видъ (species) узнается по imagines, которыя представляются душѣ; по сущности же боги, по Эпикуру, λόγῳ θεωρητοί.

³⁾ По Эпикуру о числѣ и счислимости боговъ не можетъ быть и рѣчи.

⁴⁾ См. гл. 19, 49.

⁵⁾ См. § 109.

XXXIII. Ради самихъ боговъ, о которыхъ у насъ рѣчь, что же, наконецъ, это такое? Вѣдь, если они дѣлаютъ впечатлѣніе только лишь на мысль¹⁾ и не имѣютъ никакой ни плотности, ни видимости, то какая разница, будемъ ли мы мыслить о гишпокентаврѣ или о богѣ? Вѣдь, всякое такое представленіе въ душѣ²⁾ прочіе философы называютъ безсодержательнымъ, а вы говорите, что это прибытіе и вступленіе въ душу образовъ.

(106) Такъ, напримѣръ, когда я представляю себѣ, что вижу, какъ Т. Гракхъ говоритъ рѣчь въ Капитоліи передъ народнымъ собраніемъ и предлагаетъ голосованіе относительно М. Октавія³⁾, то такое представленіе въ душѣ называю безсодержательнымъ, а по твоему образу и Гракха, и Октавія остаются⁴⁾ и, явившись предварительно на Капитоліи, представляются затѣмъ моей душѣ. Ты говоришь, что то же самое происходитъ относительно божества, частое появленіе котораго производитъ впечатлѣніе на душу, и изъ этого мы постигаемъ, что боги блаженны и вѣчны.

(107) Допусти, что есть образы, которые оставляютъ впечатлѣнія на душѣ, но однако уму представляется только нѣкоторый видъ; развѣ еще и причина, почему онъ счастливъ и почему вѣченъ? Что же такое эти ваши образы и откуда они? Это произвольное положеніе цѣликомъ заимствовано у Демокрита. Но и его многіе порицали, да и вы не находите выхода, и все дѣло шатко и хромаетъ. Ибо, что мнѣ можно доказать, какъ не то, что на меня нисходятъ образы всѣхъ, Гомера, Архилоха, Ромула, Нумы, Пифагора, Платона, однако, не въ томъ же видѣ, какимъ они обладали? Итакъ, какимъ же это образомъ? чьи изображенія? Аристотель утверждаетъ, что поэта Орфея никогда не существовало и существующее стихотвореніе Орфея, какъ говорятъ,

¹⁾ Подраз.: а не на внѣшнія чувства.

²⁾ Подраз.: безъ чувственного воспріятія.

³⁾ По предложенію Т. Гракха, товарищъ его по должности народнаго трибуна М. Октавій (133 г.), ставшій на сторонѣ противниковъ аграрныхъ законовъ, по рѣшенію голосовъ народнаго собранія, лишень былъ этого званія.

⁴⁾ По Эпикуру, кромѣ образовъ предметовъ, постигаемыхъ глазами, есть болѣе нѣжные образы, воспринимаемые непосредственно душою. Такимъ образомъ, хотя предметы уже и не существуютъ, но образы ихъ продолжаютъ существовать и, слѣдовательно, образы давно умершихъ лицъ могутъ представляться, напримѣръ, во снѣ. Lucret. 5, 63.

принадлежитъ какому-то пивагорейцу Керкопу; а между тѣмъ Орфей, т. е. его образъ, какъ вы говорите, часто представляется моей душѣ.

(108) А это какъ понять, что отъ одного и того же человѣка иные образы въ моей душѣ, а иные въ твоей? Какъ понять то, что мы имѣемъ представленія о такихъ предметахъ, которыхъ совершенно никогда не было и быть не могло, какъ, напримѣръ, о Сциллѣ, о Химерѣ, о такихъ людяхъ, мѣстностяхъ, городахъ, которыхъ никогда не видѣли? какъ понять, что, лишь только мнѣ вздумалось, образъ въ душѣ готовъ, что безъ зова они являются даже во снѣ? Все это дѣло, любезный Веллей, ничтожно; а вы насильно навязываете образы не только глазамъ, но даже душѣ. Такова безнаказанность въ болтовнѣ!

XXXIX. (109) И какъ произвольно! Столь часто происходитъ переходъ на душу истекающихъ представлений, что изъ многихъ, повидимому, образуется одно. Мнѣ стыдно было бы говорить, что я этого не понимаю, еслибы вы сами, защищающіе свои положенія, понимали ихъ. Именно, какимъ образомъ ты докажешь, что образы несутся непрерывно? или, если и непрерывно, какимъ образомъ вѣчно? Этому, говоришь ты, способствуетъ несчетное множество атомовъ. Развѣ, стало быть, оно же произведетъ то, что все они будутъ вѣчны¹⁾? Ты прибѣгаешь къ равномерности (такимъ, вѣдь, образомъ, если угодно, назовемъ *ισονομίαν*) и утверждаешь, что, такъ какъ есть смертная природа, то необходимо также быть и безсмертной. Такимъ образомъ, такъ какъ есть смертные люди, то должны быть нѣкоторые безсмертные; и такъ какъ они рождаются на землѣ, то должны родиться и въ водѣ. «И такъ какъ есть силы губящія, то есть и охраняющія.» Пусть будутъ, конечно; но они могутъ охранять только то, что существуетъ; а что ваши боги существуютъ, я не вѣрю.

(110) Однако какимъ образомъ происходятъ все эти подобія пред-

¹⁾ Безконечностью числа атомовъ Эпикуръ объяснялъ принятое имъ вѣчное истеченіе божественныхъ атомовъ. Здѣсь же Котта говоритъ такъ, какъ будто Эпикуръ изъ безконечнаго числа атомовъ, а въ §§ 105—107 изъ непрерывнаго истеченія образовъ божіихъ, желаетъ доказать безсмертіе боговъ. Эпикуръ на основаніи *πρόληψις* и старался подкрѣпить вѣру въ безсмертіе закономъ равномерности (*ισονομία*). По этому закону, такъ какъ есть смертные, то должны быть и безсмертные и, такъ какъ все извѣстныя намъ существа смертны и преходящи, то остается только богамъ приписать безсмертіе. Какъ ни слабо доказательство, но оно всетаки лучше того, которое Котта приписываетъ Эпикуру.

метовъ изъ недѣлимыхъ тѣлъ? Хотя бы и существовали послѣднія (ихъ однако вовсе нѣтъ), они могли бы, пожалуй, ударять другъ друга и отъ столкновенія приходить въ движеніе, но не могли бы образовывать, придать надлежащій видъ, цвѣтъ, воодушевить. Никоимъ, стало быть, образомъ, вы не дѣлаете своего бога безсмертнымъ.

ХІ. Разсмотримъ теперь его блаженство. Безъ добродѣтели, конечно, онъ никоимъ образомъ блаженъ быть, не можетъ; но добродѣтель дѣятельна, а вашъ богъ ничего не дѣлаетъ: стало быть, не причастенъ къ добродѣтели, — значитъ, и не блаженъ.

(111) Какая же, стало быть, его жизнь? «Она, говоришь ты, есть пользованіе богатымъ запасомъ благъ, не нарушаемыхъ никакимъ зломъ.» Какими же это благами? Я думаю, удовольствіями, чувственными, конечно; вы, вѣдь, и не знаете никакой духовной услады, никакой кромѣ исходящей отъ тѣла и для тѣла. Я полагаю, любезный Веллей, что ты не похожъ на остальныхъ эпикурейцевъ, которые не стыдятся нѣкоторыхъ выраженій Эпикура, коими онъ свидѣтельствуетъ, что онъ и не понимаетъ даже никакого удовольствія внѣ нѣжныхъ и сластолюбивыхъ усладъ; онъ даже не краснѣя перечисляетъ ихъ поименно.

(112) Итакъ, какую ты пищу доставишь богамъ, какіе напитки, какое разнообразіе звуковъ и цвѣтовъ, какіе предметы для осязанія, какіе знаки, чтобы осыпать ихъ удовольствіями? Поэты, вотъ, создаютъ нектаръ и амброзію для пиршествъ, и богиня молодости или Ганимедъ подаютъ бокалы. А ты, Эпикуръ, что будешь дѣлать? Я, право, не вижу, изъ какого источника будетъ имѣть эти предметы твой богъ и какимъ образомъ онъ будетъ ими пользоваться. Итакъ, человѣческая природа болѣе одарена для достиженія счастливой жизни, чѣмъ природа боговъ, потому что наслаждается большимъ количествомъ удовольствій.

(113) Но могутъ возразить, что ты называешь ихъ менѣе важными удовольствіями, доставляющими чувствамъ словно щекотанье (это, вѣдь, выраженіе Эпикура). До какихъ поръ ты будешь шутить? Даже, вотъ, нашъ Филонъ не могъ переносить, что эпикурейцы «презираютъ избѣживающія и сладострастные удовольствія.» Въ высшей степени памятно произносилъ онъ весьма много изреченій Эпикура тѣми же самыми словами, какими они были написаны. Онъ также приводилъ много еще болѣе безстыднаго изъ Метродора, товарища эпикуровой мудрости. Метродоръ, вѣдь, обвиняетъ своего брата Тимократа за то,

что тотъ сомнѣвается, что все, относящееся къ счастью, измѣряется отношеніемъ къ животу; и не разъ онъ говоритъ это, а часто. Я вижу, ты киваешь головой; тебѣ, вѣдь, это извѣстно. Я принесъ бы книги, еслибы ты отрицалъ. Теперь я и не порицаю, что у васъ все направляется къ удовольствію; это иной вопросъ, но я доказываю, что ваши боги не причастны къ удовольствію, а, стало быть, по вашей же мѣрѣ, не блаженны даже.

XLI. (114) «Но, они свободны отъ боли!» Неужели этого достаточно для той счастливѣйшей, изобилующей благами, жизни? Они, говорятъ, непрерывно думаютъ, что они блаженны; нѣтъ, вѣдь, у нихъ ничего иного, о чемъ бы помышлять. Итакъ, сообрази это и представь себѣ бога, не помышляющаго во всю вѣчность ничего иного, кромѣ: «мнѣ прекрасно», «я счастливъ». Однако я не вижу, какъ этотъ вашъ богъ не боится погибнуть, въ виду того, что безъ всякаго перерыва его ударяетъ и волнуетъ вѣчный напоръ атомовъ и изъ него самого вѣчно истекаютъ на насъ образы. Такимъ образомъ вашъ богъ и не блаженъ, и не вѣченъ.

(115) «Но, Эпикуръ писалъ еще о набожности и о благочестіи къ богамъ.» Да, но какимъ образомъ говоритъ онъ въ этихъ книгахъ? Можно, пожалуй, сказать, что слушаешь великихъ понтификовъ Тиберія Корункания¹⁾ или Публия Сцеволу²⁾, а не того, который до основанія уничтожилъ всякую религію, и не силою, какъ Ксерксъ³⁾, а своимъ ученіемъ разрушилъ храмы и жертвенники. А именно, какую можно привести причину для почитанія боговъ людьми, если боги не только не пекутся о людяхъ, но и, вообще, не заботятся и ничего не дѣлаютъ?

(116) «Но, имъ присуща особливая, такъ сказать, и выдающаяся природа, такъ что она сама по себѣ должна привлекать мудраго къ поклоненію.» Да развѣ можетъ быть что нибудь выдающееся въ такомъ существѣ, которое, радуясь своему удовольствію, ничего никогда не намѣрено дѣлать, не дѣлаетъ и не дѣлало? Какою преданностью ты обязанъ тому, отъ котораго ничего не получилъ, или чѣмъ,

¹⁾ Первый pontifex maximus изъ плебеевъ (III в.), имѣлъ славу чловека благочестиваго (2, 66, 165) и авторитета въ религіозныхъ дѣлахъ (3, 2, 5).

²⁾ P. Mucius Scaevola (II в.) pont. m. и замѣчательный юристъ своего времени.

³⁾ Herod. 8, 109 и др. о походѣ Ксеркса въ Грецію.

вообще, можно быть обязаннымъ тому, у котораго нѣтъ никакой заслуги? Благочестіе, вѣдь, есть справедливость¹⁾ по отношенію къ богамъ, а если у человѣка нѣтъ никакой общности съ богомъ, то какое правовое отношеніе²⁾ можетъ быть съ нимъ у насъ? А набожность есть умѣніе почитать боговъ³⁾, но я не понимаю, за что ихъ должно почитать, если отъ нихъ и не получено и не ожидается никакого добра.

XLII. (117) А какое у насъ основаніе поклоняться богамъ изъ удивленія къ той природѣ, въ которой не видимъ ничего выдающагося? Освободиться отъ суевѣрія, чѣмъ вы обыкновенно хвалитесь, легко, отвергнувъ всякое значеніе боговъ; впрочемъ, можетъ быть, ты полагаешь, что Діагоръ или Θεодоръ, которые совершенно отвергли существованіе боговъ, могли быть суевѣрны? Я не считаю таковымъ даже Протагора, который не могъ утверждать ни того, что боги существуютъ, ни того, что ихъ нѣтъ. Мнѣнія, вѣдь, всѣхъ этихъ людей не только уничтожаютъ суевѣріе, которое заключается въ пустомъ страхѣ боговъ, но также и религію, которая состоитъ въ благочестивомъ почитаніи боговъ.

(118) Развѣ не всю религію до основанія уничтожили утверждавшіе, что вся вѣра въ безсмертныхъ боговъ вымыслена мудрыми людьми ради государства съ тою цѣлью, чтобы религія приводила къ долгу тѣхъ, кого разумъ не можетъ? Какую же религію оставилъ Продикъ кеоскій⁴⁾, утверждавшій, что въ число боговъ включено то, что приноситъ пользу человѣческой жизни?

1) Потому что справедливость есть чувство, по которому каждому воздается должное. Cic. partit. or. c. 22, 78: in communiōne autem quae posita pars est (virtutis) iustitia dicitur, eaque erga deos religio, erga parentes pietas, vulgo autem bonitas. Lact. div. inst. 6, 10: Primum iustitiae officium est coniungi cum deo, secundum cum homine.

2) Въ Римѣ духовный санъ не былъ отдѣленъ отъ свѣтской дѣятельности: званіе авгура или понтифика совмѣщалось съ должностью претора или консула. Для занятія этого сана было достаточно предварительной военной или гражданской общественной службы. Понтифики, большею частью юристы, создали религіозные законы по образцу человѣческихъ; въ тѣхъ и другихъ преимущественную роль играетъ форма. Пониманіе отношенія боговъ и людей между собою, благодаря сверхъ того также и національному характеру, сошло на юридическую почву.

3) У стоиковъ: εἶναι δὲ τὴν εὐσεβείαν ἐπιστήμην θεῶν θεραπείας.

4) Современный Сократу знаменитый софистъ.

(119) А развѣ не совѣмъ безъ религіи тѣ, которые научаютъ, что храбрые, знаменитые или могущественные люди по смерти дѣлались богами и что это именно они, кого мы обыкновенно чтимъ, кому молимся и поклоняемся? Евгемеръ¹⁾ всего больше развилъ эту мысль, и нашъ Энній перевелъ его и больше прочихъ ему слѣдовалъ. А Евгемеръ описываетъ смертные случаи и похороны боговъ. Что же, стало быть, оказывается? утвердилъ онъ религію или совершенно уничтожилъ ее цѣликомъ? Я ничего не говорю о досточтимомъ и святомъ Элевсинѣ²⁾, «гдѣ посвящаются племена крайнихъ предѣловъ», опускаю Самоѳракію³⁾ и о томъ, что на Лемносѣ⁴⁾ «тайно почитается въ ночную сходку въ густыхъ лѣсныхъ дебряхъ». Черезъ объясненіе этихъ таинствъ и указаніе ихъ настоящаго смысла узнается скорѣе природа вселенной, чѣмъ боговъ⁵⁾.

XLIII. (120) Мнѣ кажется, что даже Демокритъ, мужъ особенно великій, изъ источниковъ котораго Эпикуръ орошалъ свои садки, колеблется во взглядѣ на природу боговъ. Именно, то онъ думаетъ, что во вселенной есть образы, одаренные божественностью; то называетъ богами начала разума, обрѣтающіяся въ той же вселенной; то воодушевленные образы, которые обыкновенно приносятъ намъ пользу или вредъ; то какіе-то громадныя образы, столь громадныя, что они охватываютъ вселенную⁶⁾. Все это достоинѣе родного города Демокри-

1) Евгемеръ, изъ Мессаны въ Сициліи, въ концѣ IV в. до Р. X.

2) Городъ въ Аттікѣ, у Элевсинскаго залива, на сѣверъ отъ острова Саламина.

3) Самоѳракія — островъ въ Эгейскомъ морѣ, недалеко отъ ѳракійскаго берега, извѣстный древними мистеріями такъ называемыхъ кабировъ.

4) О тѣхъ же мистеріяхъ.

5) Въ этихъ таинствахъ боги — олицетворенныя силы природы, въ дѣяніяхъ и судьбахъ боговъ — явленія природы. Нельзя, впрочемъ, думать, что такое толкованіе приписывали мистеріямъ сами жрецы.

6) Демокритъ, насколько можно судить о его взглядахъ по этому вопросу, принималъ божественную субстанцію, разлитую по вселенной и состоящую изъ особенныхъ нѣжнѣйшихъ атомовъ, — *θεία οὐσία*. Изъ этой субстанціи берутъ свое начало отдѣльные боги и души одушевленныхъ существъ, которыя питаются частицами этой субстанціи, вдыхая ее съ воздухомъ. Это то же, что здѣсь названо „начала разума“ (*principia mentis*), а выше гл. 12, 29 *natura, quae imagines fundat* (природа, которая изливаетъ и посылаетъ образы). Эта субстанція создаетъ *εἶδωλα*, не имѣющія грубаго матеріальнаго состава, и такъ нѣжна, что невидима глазами, а постигается

това¹⁾, чѣмъ Демокрита. Вѣдь, кто въ состояніи представить себѣ въ умѣ эти образы? кто можетъ имъ удивляться?

(121) Кто можетъ считать ихъ достойными поклоненія или святости? По истинѣ, Эпикуръ съ корнемъ извлекъ изъ человѣческихъ сердець религію, отнявъ у боговъ помощь и милость. Ибо, утверждая, что природа божества самая лучшая и превосходная, онъ же отрицаетъ у божества милость²⁾; онъ уничтожаетъ то, что всего болѣе свойственно лучшей и превосходнѣйшей природѣ. Вѣдь, что лучше или превосходнѣе доброты или благотворительности? Утверждая, что боги не имѣютъ этихъ чувствъ, вы утверждаете, что божеству никто не дорогъ: ни богъ, ни человѣкъ, что никого оно не любитъ, никого не цѣнитъ. Изъ этого вытекаетъ, что боги не только людьми пренебрегаютъ, но и между собою они пренебрегаютъ другъ другомъ.

XLIV. Насколько лучше говорятъ порицаемые вами стойки! Они думаютъ, что мудрые мудрымъ, даже незнакомымъ, друзья! Нѣтъ, вѣдь, ничего любезнѣе добродѣтели, и, кто ею овладѣетъ, будетъ любимъ нами, среди какого народа бы ни жилъ.

(122) А сколько зла вы причиняете, считая милость и доброжелательство за слабость! Ибо, не говоря уже о сущности природы боговъ, вы полагаете, что даже и люди не были бы благотворительны и благодѣтельны, еслибы не были слабы. Развѣ нѣтъ никакого естественнаго уваженія между добрыми людьми? Дорого даже само слово *amor* (любовь), отъ котораго произведено слово *amicitia* (дружба). Если мы будемъ направлять послѣднюю въ свою пользу, а не на выгоду того, кого мы любимъ, то это будетъ не дружба, а какая-то торговля своими выгодами. Такимъ образомъ, любятъ луга, пашни и стада домашней скотины, потому что отъ нихъ получается выгода; а уваженіе и дружба людей безкорыстны. Итакъ, насколько болѣе безкорыстно это чувство въ богахъ, которые, ни въ чемъ не нуждаясь, и другъ друга любятъ, и заботятся о людяхъ! Еслибы это было не

только душой, имѣющею такой же составъ: *δὲσφάρτα μὲν, οὐκ ἄσφάρτα δέ, καὶ τοῦτων τὰ μὲν εἶναι ἀγαθοποιά, τὰ δὲ κακοποιά.* Sext. Emp. IX, 19 p. 553. Это и есть цицероновы *animantes imagines, quae vel prodesse nobis soleant vel posere.* „Какіе-то громадные образы“ никѣмъ не упоминаются и ихъ источникъ, вѣроятно, недоразумѣніе.

¹⁾ Городъ Абдера пользовался незавидной славой глупости.

²⁾ § 45.

такъ, то къ чему намъ поклоняться богамъ? къ чему обращаться къ нимъ съ молитвами? зачѣмъ понтификамъ стоять во главѣ священнодѣйствій и авгурамъ надъ авспиціями? чего намъ желать отъ безсмертныхъ боговъ? зачѣмъ дѣлать обѣты? — Но, вѣдь, еще есть сочиненіе Эпикура о набожности!

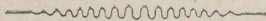
(123) Да надъ нами смѣется этотъ человѣкъ, не столько остроумный, сколько независимый по отношенію къ произволу въ писаніи. Какая, вѣдь, можетъ быть набожность, если боги не заботятся о человѣческихъ дѣлахъ? Какое можетъ быть одушевленное существо, ни о чемъ не заботящееся? Итакъ, безспорно правдивѣе то, что нашъ общій другъ Посидоній¹⁾ сказалъ въ пятой книгѣ о природѣ боговъ. Онъ говоритъ, что, по мнѣнію Эпикура, никакихъ боговъ нѣтъ, а то, что онъ сказалъ о безсмертныхъ богахъ, сказано имъ для отвращенія негодованія. Эпикуръ, вѣдь, не могъ бы быть столь глупымъ, чтобы представлять себѣ бога подобнымъ ничтожному человѣку, да и то только по наружнымъ очертаніямъ, не имѣющимъ твердаго сложенія, одареннымъ всеми человѣческими членами, но нисколько не пользующимся ими. Божество у него нѣчто слабое и прозрачное, ничего никому не удѣляющее, ничего не даящее, ни о чемъ не заботящееся, ничего не дѣлающее. Но, во первыхъ, такого существа совершенно быть не можетъ, и Эпикуръ, видя это, на дѣлѣ отвергаетъ, на словахъ же оставляетъ боговъ.

(124) Затѣмъ, если богъ дѣйствительно таковъ, что не знаетъ никакого расположенія, никакой любви къ людямъ, то «пусть себѣ будетъ здоровъ»²⁾; къ чему мнѣ говорить, «пусть будетъ милостивъ»³⁾? Ни къ кому, вѣдь, онъ не можетъ быть милостивъ, потому что, какъ вы говорите, и всякое расположеніе, и всякая любовь есть слабость.

¹⁾ См. выше гл. 3, прим. 5.

²⁾ Valeat, выраженіе изъ обыденной жизни, при прощаніи.

³⁾ Propitius sit — молитвенное выраженіе.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ А. М. КАЛМЫКОВОЙ.

С.-Петербургъ

Литейный проспектъ № 60.

Складъ беретъ на себя исполненіе заказовъ на всякія книги и журналы, учебники для всѣхъ учебныхъ заведеній, специально на книги для народнаго чтенія, для народныхъ школъ и библиотекъ, высылку волшебныхъ фонарей, картинъ къ нимъ и, вообще, различныхъ учебныхъ пособій и принадлежностей.

Складъ беретъ на себя: 1) Составленіе ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, школьныхъ и народныхъ библиотекъ на различныя суммы, начиная съ пяти рублей. 2) Выборъ книгъ и картинъ для чтенія съ волшебнымъ фонаремъ; выборъ книгъ и картинъ для награды и для раздачи на школьныхъ праздникахъ. 4) Подборъ лучшихъ и наиболее дешевыхъ книгъ для продажи крестьянамъ изъ складовъ, устраиваемыхъ земствами и частными лицами.

Въ складъ имѣется большой запасъ картинъ для волшебнаго фонаря (декалькомани) географически-этнографическаго содержанія (болѣе 100 сюжетовъ). Цѣна полосы 10—20 к. Тоже на стеклѣ 50 и 70 к. Заграничныя стѣнные таблицы по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Цѣна отъ 10 коп. до 1 руб. 60 коп. за таблицу.

Складомъ рекомендуются:

I. Картины по Исторіи.

а) **Большая Колленція изъ 45 листовъ.** Изд. Брауна и Шнейдера въ Мюнхенѣ. Ц. 4 р. 50 к. Ассирія 1 л., Египетъ 3 л., Персія 1 л., Греція 7 л., Македонія 1 л., Римъ 8 л. Семь чудесъ свѣта 2 л. — *Сцены изъ домашняго, востанго и религознаго быта:* До-историческое время: Постройка пирамидъ. Охота персидскихъ царей. Дельфійскій оракулъ. Олимпійскія игры. Греческій театр. Македонская фаланга. Морскія сраженія. Осада города. Тарпейская скала. Переходъ Ганнибала черезъ Альпы. Триумфъ римскаго полководца. Бои въ римскомъ циркѣ. Вандалы въ Римѣ и др. — *Группы и фигуры изъ исторіи вселенныхъ:* Египтяне, Евреи, Персы, Греки, Римляне, Германцы, Франки, короли, папы, епископы, рыцари, монахи, бюргеры, крестьяне, венеціанскій дожъ и др.

Малая коллекція изъ главныхъ картинъ того же изданія въ 16 листахъ. Ц. 1 р. 60 к.

б) **Двѣнадцать художественныхъ хромофотографированныхъ картинъ изъ исторіи культуры Лемана.** Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{2}$ вершк. Цѣна картины 1 р. 60 коп.

1) Жилище и хозяйство древняго германца. 2) Рыцарскій замокъ 13-го вѣка. 3) Пѣвецъ въ залѣ рыцарскаго замка. 4) Турниръ. 5. Судилище времянь Карла Великаго. 6) Осада города. 7) Площадь средневѣковаго города. 8) Сцена изъ домашней жизни бюргера 16-го вѣка. 9) Рабочій день въ монастырѣ 10-го вѣка. 10) Вербовка крестьянъ ландскнехтами. 11) Лагерная жизнь въ тридцатилѣтнюю войну. 12) Картина изъ придворной жизни 18 вѣка.

II. Картины по географіи и этнографіи.

а) **Картина для объясненія главныхъ формъ суши и воды.** Размѣръ 26×20 в. Цѣна 3 руб. Объяснительный текстъ къ картѣ 35 коп.

б) **Тоже,** изд. Шрейбера. Размѣръ 26×20 вершк. Цѣна 2 руб. 50 коп.

в) **Колленція изъ 14 хромофотографированныхъ картинъ.** Изд. Шрейбера. Ц. 2 р. 10 к. 1. Формы суши и воды. 2. Жизнь и природа въ горахъ. 3. Жаркая пустыня. 4. Тропическій лѣсъ. 5. Альпійскій ледникъ. 6. Шафгаузенскій водопадъ. 7. Жизнь на днѣ моря. 8. Типы племенъ. 9. Лапландцы. 10. Становище сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. 11. Переселенцы въ Америкѣ. 12 и 13. Благоустройство большого города. 14. Почта и желѣзная дорога. — Картины могутъ быть приобрѣтены и въ отдѣльности при требованіи не менѣе десяти экземпляровъ одной и той же картины.

г) **Этнографическія художественныя хромофотографированныя картины Лейтемана.** Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{2}$ вершк. Цѣна 1 руб. 50 коп. за картину.

1. Типы человѣческихъ расъ. (Головы въ естественную величину.) Этнографическія группы въ обстановкѣ домашняго быта: 1. Эскимосы, 2. Индѣйцы, 3. Индусы, 4. Китайцы, 5. Австралійцы.

III. Картины по Естествовѣдѣнію.

а) Хромофотографированныя картины по Зоологіи Лейтемана. Коллекція изъ 41 стѣнной таблицы. Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{2}$ вершк. Цѣна картины 1 р. 30 к.

1. Шимпанзе. 2. Вампиръ. 3. Ежъ и кротъ. 4) Куница и выдра. Бурый медвѣдь. 6. Бѣлый медвѣдь. 7. Волкъ. 8. Лисица. 9. Левъ и львица. 10. Тигръ. 11. Кенгуру. 12. Бобръ. 13. Дромадеръ. 14. Сѣверный олень. 15. Буйволъ. 16. Слонь. 17. Жирафъ. 18. Тюлень. 19. Китъ. 20. Орель. 21. Кондоръ. 22. Иволка и ткачъ. 23. Глухарь. 24. Страусъ. 25. Цапля. 26. Пеликанъ. 27. Черепашка. 28. Крокодилъ. 29. Удавъ и гремучая змѣя. 30. Сомъ и лосось. 31. Осетръ и окунь. 32. Акула. 33. Жуки. 34. Пчела. 35. Шелкопрядъ. 36. Скорпионъ и тарантулъ. 37. Крабы и раки. 38. Шивка и глисты. 39. Каракатица и устрицы. 40. Кораллы. 41. Муха, сарачна и др.

Каждая изъ этихъ картинъ можетъ быть приобретена и отдѣльно.

б) Раскрашенныя картины по зоологіи. Изд. Шрейбера. Коллекція изъ 20 картинъ. Ц. 2 р. 1. Левъ. 2. Тигръ. 3. Волкъ. 4. Медвѣдь. 5. Слонь. 6. Носорогъ. 7. Жирафъ. 8. Верблюдъ. 9. Осель. 10. Муравей. 11. Бѣлка. 12. Моржъ. 13. Страусъ. 14. Сова. 15. Ласточки. 16. Птичья гнѣзда. 17. Лягушки. 18. Крокодилъ. 19. Бабочка. 20. Низшія животныя.

По желанію коллекція можетъ быть дополнена слѣдующими картинами: 21. Лошадь. 22. Корова. 23. Козы. 24. Овцы. 25. Свины. 26. Ежъ. 27. Мыши. 28. Зайцы. 29. Аисты. 30. Голуби. 31. Собака. 32. Кошки. 33. Индѣйки. 34. Гуси и утки.

в) Культурныя растенія. Размѣръ $20 \times 14\frac{1}{4}$ вершк. Хромофотографированныя картины. Цѣна картины 1 р. 50 коп.

Плантаціи: 1) Чай. 2) Кофе. 3) Табакъ. 4) Хлопка. 5) Сборъ какао и 6) Сборъ каучука и перца.

г) Коллекція лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ. Изд. Герольда въ Вѣнѣ. Цѣна каждого выпуска изъ пяти листовъ 3 руб.

Выпускъ I-й. 1. Оливковое дерево. 2. Букъ. 3. Пирамидальный тополь. 4. Сосна. 5. Дубъ. — Выпускъ II-й. 1. Липа. 2. Грушевое дерево. 3. Каштанъ. 4. Акація. 5. Ореховое дерево.

Большое изображеніе дерева и отдѣльно: цвѣтъ, плодъ, листь и др.

д) Коллекція по Минералогіи изъ 8 хромофотографированныхъ таблицъ. Изд. Шрейбера. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Золото. Серебро. Мѣдь. Желѣзо. Каменный уголь. Мраморъ. Гранитъ и пр.

IV. Таблицы по Технологіи. Изд. Ваксмута. Разм. 20×12 вершк.

Цѣна картины 1 руб.

1 и 2. Обработка льна. 3. Доменная печь. 4. Обработка желѣза. 5 и 6. Локомотивъ.

Изданія Книжнаго Склада А. М. Калмыковой.

Справочная книга по вопросамъ народнаго образованія. Педагогическій календарь на 1891—92-й учебный годъ. Сост. В. А. Воскресенскій. М. Н. Пр. одобрень для учительскихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Содержаніе: официальные свѣдѣнія и распоряженія о народныхъ училищахъ, церковно-приходскихъ школахъ о народныхъ читальняхъ и чтеніяхъ. Правила для испытаній на учительскія званія. Уставы техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Списки вышедшихъ въ 1890 г. педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ и книгъ одобренныхъ М. Н. Пр. Пять статей педагогическаго содержанія. Каталоги библиотекъ на сумму отъ 5 р. до 200 р. изъ книгъ одобрени. М. Н. Пр. для школьныхъ и народныхъ библиотекъ и мн. др. Ц. 50 к. съ пер. 55 к.

2) Педагогическій календарь на 1890—91 учебн. годъ. Цѣна 20 к. Оба года высылаются за 75 коп. марками.

3) Я. А. Крестьянское хозяйство и книга. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

4) Тяжкіе грѣхи темныхъ людей. Ц. $1\frac{1}{2}$ к.

5) Мунтъ Валуева. Авраамъ Линкольнъ съ рисунками. Ц. 20 коп.

Разсказы изъ ясной Поляны.

6) Напитанъ Головининъ, съ рисунками. Ц. 20 коп.

7) Христофоръ Колумбъ, съ рисунками. Ц. 15 коп.

Вышелъ 2-мъ изд.

Каталогъ книгъ для народныхъ библиотекъ (на сумму отъ 1 р до 200 р.) Составила А. М. Калмыкова. Высылается за 10 к. марками.

Продолжается подписка на 1892 годъ
на
ЖУРНАЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ,
подъ названіемъ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Программа журнала: 1. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по классической филологіи и дидактическаго — по преподаванію классическихъ языковъ и совмѣстно съ ними русскаго. 2. Рецензіи и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по классической филологіи и по педагогикѣ. 3. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по классической филологіи и по педагогикѣ въ текущей журнальной русской и заграничной литературѣ. 4. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагогическихъ обществъ. 5. Библиографія. 6. Объявленія. — Въ приложеніи: греческіе и римскіе классики въ русскомъ переводѣ (будутъ помѣщаться только съ 1893 года).

Сроки выхода: четыре раза въ годъ (въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ) книжками. Двѣ книжки будутъ составлять отдѣльный томъ въ объемѣ не менѣе двадцати печ. листовъ.

Содрудники журнала: В. А. Алексѣевъ, проф. В. П. Бузескулъ, проф. А. Д. Вейсманъ, проф. П. Г. Виноградовъ, преп. гимн. П. А. Виноградовъ, преп. гимн. А. С. Владимірскій, преп. Лицея Ц. Н. В. А. Грингмутъ, прив. доцентъ Я. А. Денисовъ, прив.-доцентъ А. Н. Деревницкій, проф. В. Г. Зубковъ, проф. О. Ф. Зѣлинскій, проф. О. Е. Коршъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, преп. гимн. Т. И. Ланге, преп. гимн. А. П. Ланговой, помощ. попеч. Каз. учебнаго округа В. В. Латышевъ, проф. І. А. Лециусъ, преп. Лицея Ц. Н. С. И. Любомудровъ, прив.-доц. А. М. Мироновъ, проф. О. Г. Мищенко, проф. В. И. Модестовъ, преп. гимн. В. П. Недачинъ, проф. И. В. Нетушилъ, М. В. Никольскій, проф. С. Опацкій, преп. гимн. Н. А. Орлинъ, А. В. Орѣшниковъ, преп. гимн. П. Д. Первовъ, преп. гимн. С. А. Радецкій, прив.-доцентъ С. В. Рождественскій, С. А. Селивановъ, преп. гимн. В. В. Смирновъ, прив.-доц. С. И. Соболевскій, проф. А. И. Сонни, прив.-доц. А. А. Стрѣльцовъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, прив.-доц. Е. И. Челпановъ, преп. гимн. Э. В. Черный, проф. А. Н. Шварцъ, проф. О. А. Шеборъ, преп. гимн. В. И. Шенрокъ, прив.-доц. В. А. Шефферъ, проф. Г. О. Шульцъ, прив.-доц. А. Н. Щугаревъ и нѣкот. друг.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ (съ 1 янв.) шесть рублей, на полгода три рубля. Доставка журнала съ наложеннымъ платежемъ не принимается. — За перемѣну адреса подписчики доплачиваютъ двадцать коп. марками. — Частныя объявленія отъ книгопродавцевъ и издателей — по расчету, считая за страницу 25 рбулей.

Подписка принимается въ редакціи „Филологическаго Обозрѣнія“ (адресъ Московскому Почтамту извѣстенъ) и въ книжныхъ магазинахъ: А. А. Ланга (Москва, Кузнецкій Мостъ, д. кн. Гагарина) и А. С. Суворина (въ Москвѣ и С.-Петербурѣ).

Редакторы-издатели: *А. Адольфъ. В. Антальротъ.*

Продолжается подписка

НА 1892 г.

(третій годъ изданія).

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ПРЕДНАЗНАЧАЕМЫЙ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Цѣль журнала — широкое распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ. Съ этою же цѣлію въ теченіе 1892 г., кромѣ ряда общепедагогическихъ статей, предполагается дать рядъ очерковъ педагогическихъ взглядовъ лучшихъ русскихъ педагоговъ, а для систематическаго знакомства съ воззрѣніями иностранныхъ педагоговъ предполагается въ „Приложеніяхъ“ напечатать переводъ книги англійскаго педагога Квика, подъ заглавіемъ „Реформаторы воспитанія.“

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи. — 2) Критика и библиографія. —
- 3) Мелкія сообщенія — (рефераты). — 4) Хроника. — 5) Приложенія — (литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.) —
- 6) Объявленія.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.; кромѣ того допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская Больница, кварт. главн. Д-ра), и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-издатель *д-ръ Е. А. Покровский.*

Продолжается подписка на 1892 г.

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ „РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1891 года въ „Р. Ш.“ напеч. м. пр. слѣд. статьи: 1) Страничка изъ ист. воспитанія въ Россіи конца пр. вѣка. Изъ воспоминаній **А. П. Степанова**; 2) Изъ моихъ шк. воспоминаній. **А. А. Фета**; 3) Забытый міръ (изъ панс. воспом.). **П. В. Засодимскаго**; 4) Нач. образ. и народ. училища въ Зап. Евр. и въ Россіи въ XIX вѣкѣ. **Н. Х. Весселя**; 5) Импер. Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ. **М. И. Радомской**; 6) О мѣрахъ къ огранич. распростр. зарази. болѣзней въ школахъ. Проф. **Н. И. Быстрова**; 7) Душа ребенка въ первые годы жизни. Проф. **Н. Н. Ланге**; 8) Механизмъ вниманія. **Его-же**; 9) Что такое общее образование? Проф. **Н. И. Карѣва**; 10) Педагог. и филос. подготовка уч. ср. уч. зав. **М. И. Демкова**; 11) Соврем. франц. идеи о воспитаніи **М. Ѳ. Каптерева**; 12) Картинки сем. воспитанія. **А. К. Молотова**; 13) Что такое дѣтск. книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть? **К. Н. Модзалевскаго**; 14) Дѣти и птицы. Проф. **Д. Н. Кайгородова**; 15) Огнош. семьи и школы къ вопр. о ретегиторствѣ. **М. И. Крыгина**; 16) Къ вопросу объ обрем. учен. наш. гимназій. **Я. Г. Мора**; 17) Къ вопросу о переутомл. учащихся. **С. А. Будаевского**; 18) Профессіон. школа и подѣемъ отеч. промышленности. **М. Л. Песковскаго**; 19) Цѣль и средства преподав. низшей математики. **С. И. Шохоръ-Троцкаго**; 20) Къ вопросу о преподав. ест. наукъ въ спец. уч. зав. Проф. **П. С. Лесгафта**; 21) Преподав. географіи въ посл. 50-лѣтіе и желат. постановка этого предмета въ наш. ср. уч. заведеніяхъ. **А. И. Пуликовскаго**; 22) Очерки частной инци. въ дѣлѣ нар. образованія въ Россіи. **Я. В. Абрамова**; 23) Нар. образованіе въ Моск. губерніи. **И. П. Бѣлоконскаго**; 24) Нар. образ. въ Вост. Сибири. **Его-же**; 25) Къ вопросу о знач. и зад. русск. нар. школы. **А. М. Тютрюмова**; 26) Спец. практ. задачи русской нар. школы. **Н. А. Феликсова**; 27) Какія училища нужны для Петербурга. **К. К. Сентъ-Илера**; 28) Къ вопросу о журналѣ для народа и нар. школы. **А. М. Калмыковой**; 29) Къ вопросу о книгѣ въ жизни наш. дѣтей и юнош. (Разборъ девяти нов. книгъ для дѣтскаго чтенія). **Ея-же**.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на педагог. сочиненія, брошюры и руководства, дано обзорное нѣсколькихъ педагог. журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и, наконецъ, библиогр. указатель педагог. сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и нар. чтенія, выш. съ 1-го ноября 1890 г. по 1-ое июня 1891 года.

Подписка приним. въ гл. конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ гл. отдѣленіяхъ конторы: въ кн. магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, а также и въ кн. складѣ А. М. Калмыковой. Подп. цѣна въ Петербургѣ безъ доставки — *шесть рублей* въ годъ; съ доставкою *шесть рублей пятьдесятъ копеекъ*; для иногор. съ перес. — *семь рублей*. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и нач. гор. школъ дѣляется съ подписной платы одинъ рубль уступки.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣд. лица: **Я. В. Абрамовъ**, **И. Ѳ. Анненскій**, **М. А. Антоновичъ**, **В. Л. Бернштаммъ**, **Н. И. Билибинъ**, **С. К. Буличъ**, **И. П. Бѣлоконскій**, проф. **Н. И. Быстровъ**, проф. **В. Г. Васильевскій**, **П. И. Вейнбергъ**, **К. Х. Вессель**, **Е. Н. Водозова**, **В. А. Воскресенскій**, **З. Б. Вулихъ**, **Е. М. Гаршинъ**, **В. П. Геннингъ**, **М. Ю. Гольдштейнъ**, **Н. Г. Дебольскій**, **М. И. Демковъ**, **П. В. Засодимскій**, проф. **Д. Н. Кайгородовъ**, **А. М. Калмыкова**, **П. Ѳ. Каптеревъ**, проф. **Н. И. Карѣвъ**, проф. **А. И. Кирпичниковъ**, **Я. И. Козальскій**, проф. **Ю. А. Кулаковскій**, проф. **А. Н. Ланге**, проф. **П. Ф. Лесгафтъ**, **І. Э. Мандельштаммъ**, **В. В. Михайловъ**, **К. Н. Модзалевскій**, проф. **В. И. Модестовъ**, **П. О. Морозовъ**, **Л. Е. Оболенскій**, проф. **Н. А. Осонинъ**, **А. Н. Острогорскій**, **В. П. Острогорскій**, **І. И. Паульсонъ**, **М. Л. Песковскій**, **Н. И. Позняковъ**, **В. И. Роговъ**, **Д. Д. Семеновъ**, **В. Д. Сиповскій**, **К. Н. Сентъ-Иллеръ**, **В. И. Срезневскій**, **А. М. Страннолюбскій**, проф. **А. С. Трачевскій**, **Н. Ю. Цируль**, **Вл. А. Шидловскій**, проф. **В. А. Шидловскій**, **С. И. Шохоръ-Троцкий**, проф. **Эрисманъ**, и нѣкоторые другіе.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВНИМАНІЮ РОДИТЕЛЕЙ и ПЕДАГОГОВЪ.

Продолжается подписка на 1892 г.

НА ОБЩЕ-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ изданіи участвуютъ слѣдующія лица, извѣстныя своею дѣятельно-
стію въ учебномъ, педагогическомъ и литературномъ мѣрѣ:

К. К. Абаза, Я. В. Абрамовъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вах-
теровъ, проф. П. И. Вейнбергъ, Е. Н. Водовозова, проф. Н. Я. Гротъ, Ѳ. И.
Егоровъ, К. В. Ельницкій, Л. Д. Журавлевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. И.
Конради (изъ Парижа), С. Н. Кулябка, Б. Э. Кетрицъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ,
В. Н. Макъ-Гаханъ (Нью-Йоркъ), В. В. Михайловъ, П. А. Нагель, А. П. Налимовъ,
М. В. Овчинниковъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, В. О. Португаловъ,
А. С. Пругавинъ, А. С. Селивановъ, Д. Д. Семеновъ, проф. И. П. Скворцовъ,
М. М. Соколова, А. Ф. Соколовъ, А. Т. Соловьевъ, Е. Н. Тихомирова, Д. И.
Тихомировъ, В. Г. Турчаниновъ (изъ Христіаніи), И. Ф. Федоровскій, И. О.
Фесенко, В. А. Хавкинъ (въ Парижѣ), Е. И. Челпановъ, В. Н. Чеховъ, Х. Х.
Цинкъ, проф. В. И. Шерцль и многіе другіе.

ВЫШЕПРИВЕДЕННЫЯ ИМЕНА ГГ. СОТРУДНИКОВЪ ГОВОРЯТЪ САМИ ЗА СЕБЯ.

Форматъ изданія будетъ увеличенъ вдвое и внѣшній видъ его будетъ
значительно улучшенъ, безъ повышенія подписной платы.

Въ пользу голодающихъ Редакція жертвуетъ 2% со
всей подписной суммы, поступившей до 1-го Февраля
1892 года.

Подробный проспектъ на 1892 г. высылается по требованію бесплатно.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ **5** р.; пол-
года — **3** р.; 3 мѣсяца — **2** р.; для начальныхъ школъ, учителей
и духовныхъ лицъ — **4** р. за годъ; **2** р. на 6 м.; **1** р. на 3 м. и
40 к. на 1 м., и за границу **6** р.

Съ 1892 года, при конторѣ «Школьнаго Обозрѣнія», въ Москвѣ,
открывается складъ народныхъ книгъ и картинъ, учебниковъ, сочи-
неній по всеъмъ отраслямъ знанія, русскихъ и иностранныхъ учебныхъ
пособій — картъ, глобусовъ и проч.

Адресъ конторы редакціи: Москва, Тверской бул. д. бар. Шеппенгъ,
въ контору редакціи газеты „Школьное Обозрѣніе.“

Редакторъ-Издатель П. И. Гусаренко.

О В Ъ И З Д А Н И И

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

ВЪ 1892 ГОДУ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ универс. сословія свѣдѣнія, необход. по отношеніямъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Унив. Извѣст. печатаются:

1. Протоколы засѣданій унив. Совѣта.
2. Новыя постан. и распоряженія.
3. Свѣдѣнія о преподав. и учащихся, списки студентовъ и постор. слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиогр. указ. для учащихся.
6. Библиограф. указатели книгъ, поступ. въ унив. библіотеку и въ студентскій отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относ. къ устройству и состоянію ученой, учебной, администр. и хоз. части Универс.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ уч.-вспом. заведеній.
9. Годичные отчеты.
10. Отчеты о путешествіяхъ съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представл. для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертаци.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжеств. собраніяхъ.
13. Вступит. публичныя лекціи и полные курсы.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Цѣна за 12 книжекъ **6 р. 50 коп.**, съ пер. **7 руб.**

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Главный Редакторъ **В. Иконниковъ.**

ВЪ 1892 ГОДУ

при

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“,

журналь

научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналь будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Иеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ.“

Указомъ Св. Синода отъ $\frac{3}{19}$ февраля 1884 г. подписка, какъ на журналь „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ — 7 руб.

Адресъ: въ Редакцію „Трудовъ“, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, — 2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: за 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1890 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 к., 1874—1891 гг. по 1 руб.

Ученыя Записки

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1892 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ **отдѣлѣ наукъ**: ученныя изслѣдованія профессоръ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публ. лекціи и рѣчи; отчеты по уч. командировкамъ; научныя работы студентовъ, а также рекомед. факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ **отдѣлѣ критики и библиографіи**: проф. рецензіи на магист. и докт. диссертации, и на студ. работы; крит. статьи о вновь появив. сочиненіяхъ; библиогр. отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ; біограф. очерки и некрологи; актовый отчетъ, и проч.

IV. **Приложенія**: универс. курсы професс. и преподавателей; памятники истор. и литер. съ научн. комментаріями.

Ученныя Записки выходятъ періодически, шесть разъ въ годъ, книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

„Православный Собесѣдникъ“

будеть издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строгоправославномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1 января, **ежемѣсячно**, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ „Православный Собесѣдникъ“ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе, полезное для пастырскаго служенія духовенства.“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792.)

Цѣна за полное годовое изданіе, со всеми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во все мѣста Имперіи **7 руб.**

Подписка принимается въ редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи, въ Казани.

Въ той же редакціи продаются по пониженнымъ цѣнамъ „Православный Собесѣдникъ“: за 1855 и 1856 годы цѣна по 1 руб.; за 1857 г. цѣна 2 руб.; за 1859—1866, по 3 руб. за годъ, 1871—1874, 1876, 1882 и 1883 годы, по 3 тома въ каждомъ, по 5 руб. за годъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый

ПРИ ГЛАВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

Выходитъ ежем. книжками отъ 5 до 7 и болѣе печ. листовъ и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: официальнаго и неофициальнаго.

Въ неофиц. части въ теченіе 1891 г. были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Опытъ систем. изложенія теор. основъ и приѣмовъ преподаванія искусства выразительнаго чтенія. *Д. Д. Коровякова.* — Синтаксическія новшества. *Т. В. Докучаева.* — Къ вопросу о методахъ и приѣмахъ веденія учен. сочиненій. *С. В. Преображенскаго.* — О вліяніи точныхъ наукъ на образованіе слога. *Е. Ф. Литвиновой.* — Соврем. преподаваніе математики въ ср. уч. заведеніяхъ Германіи. *З. В. Вулиха.* — Объ изученіи иностр. языковъ. *А. Н. Томсона.* — Новое направленіе въ педагогикѣ. *П. Ф. Кантерева.* — Объ образов. значеніи нѣкот. уч. предметовъ. *О. А. Фулъс.* — Объ электрическихъ машинахъ. *П. Новикова.* — Иллюстраціи къ статьямъ о педагог. наказаніяхъ. *А. Н. Острогорскаго.* — Отдѣлы: критика и библіографія. Изъ записной книжки редакціи. Для библіогр. справокъ. Приложенія: Описаніе коллекцій Педаг. Музея. I. Исторія *М. А. Андріянова.* — Теорет. основанія тѣлесныхъ упражненій. *П. Н. Иванова.*

Условія подписки: Съ доставкою въ Россіи — 5 р., за границу — 6 р. Подписка принимается: 1) въ редакціи (отъ иногородныхъ) — Фурштадская № 12—4 кв. 9. и 2) въ книжномъ магазинѣ Н. О. Фену. Спб., Невскій пр. № 40.

Редакторъ **А. Острогорскій.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1892 годъ.

„ОБРАЗОВАНИЕ“

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный вопросамъ женскаго и мужскаго воспитанія и обученія.

Съ 1892 года редакція журнала „Женское Образование“ измѣняетъ названіе на вышеприведенное и значительно расширяетъ программу и объемъ журнала, имѣя въ виду дать больше мѣста разработкѣ общихъ педагог. вопросовъ, слѣдить за оживленнымъ педагог. движеніемъ на Западѣ, а также за научными изслѣд. и открытіями, о которыхъ необходимо знать учительницамъ и учителямъ. Увеличенъ, будетъ также отдѣлъ критики и библиографіи. Вопросы нач. (народнаго) и женскаго образованія, какъ наиболѣе существенные, по прежнему будутъ занимать въ журналѣ видное мѣсто. Въмѣсто прежнихъ 10 №№ въ годъ, въ 1892 году будетъ 12 №№, и каждая книжка вмѣсто прежнихъ 5 печ. листовъ будетъ заключать не менѣе 6 листовъ.

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе П. Ѳ. Каптеревъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Журналъ будетъ выходить **ежемесячно** книжками около шести печатныхъ листовъ каждая.

Подъ названіемъ „Историческая бібліотека для учащихся“ будетъ выходить въ концѣ каждого года приложеніе къ журналу выпусками въ 10—15 печ. листовъ „Разказы изъ Всеобщей исторіи съ иллюстраціями“ В. Д. Сиповскаго. Подписчики „Образованія“ могутъ подписываться, прилагивая 1 р. къ цѣнѣ журнала. Въ отдѣльной продажѣ „Историческая бібліотека“ будетъ стоить дороже.

Цѣна за годъ, т. е. за 12 №№, съ доставкой 5 р. (Для нар. учительницъ и учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока). Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются 10 проц. уступки.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Гороховая ул., д. 18, училище глухонѣмыхъ, кв. директора); а также въ магазинѣ Фену и „Нов. Времени“ (Невскій пр., д. Армянской церкви). *Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору редакціи.*

За 1876, 77, 78 и 83 годы полныхъ экземпляровъ журнала „Женское Образование“ въ складѣ редакціи больше не имѣется.

За 1879, 1880, 1881, 1882, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. есть небольшое число полныхъ экземпляровъ. Цѣна съ пересылкой 4 рубля, безъ приложенія.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

БИБЛЮГРАФЪ

1892.

ИЗДАНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
(12 №№ въ годъ.)

Годъ VIII.

Учебнымъ Комит. М-ства Народн. Просв. **рекомендованъ** для основ. библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. — Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ **одобренъ** для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій и училищъ. — По распоряженію Военно-Ученаго Комитета **помѣщенъ** въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; исторія, теорія и практика книговѣдѣнія; библиотечное, издательское и книжоторговое дѣло прежде и теперь; хроника книговѣдѣнія. Вопросы и отвѣты.

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) Rossica (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи); 4) правительственные распоряженія по дѣламъ печати; 5) библиографическія извѣстія и объявленія.

Подп. цѣна за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльный номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница 8 р.; $\frac{3}{4}$ стран. 6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран. 4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран. 2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран. 1 р. 50 к. О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ — А. Суворина (Спб. Невскій пр., д. № 38) и въ редакціи.

Адресъ редакціи: Спб., Забалканскій (Обухов.) прос., д. 7 кв 13.

Оставшіеся въ **ограниченномъ числѣ** полныя комплекты „БИБЛЮГРАФА“ за прошлое время съ 1885 г. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.). Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціе брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3 Ц. по 60 к. 2) Библиогр. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) А. Н. Сѣровъ. I. Библиогр. указатель произ. Сѣрова. II. Библиогр. указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за вып. 4) Библиограф. списокъ литер. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 к. — Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

„БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ”

НОВЫЙ, СПЕЦІАЛЬНЫЙ БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

- I. Библиографія.** Памятники древней письменности и печ. произведенія русской и иностран. литературы, представл. материалъ для библиографіи.
Библиогр. монографіи по научнымъ и литер. вопросамъ.
Библиографія сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей.
Исторія библиографіи.
Биографіи и некрологи библиографовъ, библиофиловъ и ревнителей просвѣщенія.
Обозрѣніе обществ. и частныхъ книгохранилищъ, библиотекъ и архивовъ въ Россіи и за границею.
Обозрѣніе монастырскихъ и цер. книгохранилищъ въ Россіи.
Описание древнихъ манускриптовъ, старопечатныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ, гравюръ, картъ и т. п.
- II. Критика.** Отзывы ученыхъ учреждений и обществъ о произведеніяхъ печати.
- III. Книжное дѣло.** Типографское, издательское и книжноторговое дѣло, его прошлое и настоящее.
Обозрѣніе дѣятельности и успѣховъ въ литографскомъ, граверномъ, фотографическомъ и другихъ искусствахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.
- IV. Извѣстія и замѣтки** — о различныхъ событіяхъ и случаяхъ въ книжномъ мѣрѣ; о дѣятельности ученыхъ обществъ; о съѣздахъ, ученыхъ экспедиціяхъ и т. п. Протоколы засѣданій ученыхъ обществъ.
- V. Смѣсь.** Мелкія замѣтки, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу и библиографіи.
- Вопросы и отвѣты** по библиографіи.
- Приложенія:** 1) Капитальныя изслѣдованія по библиографіи. 2) Лѣтопись русскаго книгопечатанія: распоряженія Правительства по дѣламъ печати, списокъ русскихъ книгъ и указатель статей въ період. изданіяхъ за ист. мѣсяцъ, *Rossica*. 3) Книжныя новости антикв. магазина П. Шибанова и др. книгопродавцевъ.
- Иллюстраціи** въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.
- Объявленія** о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.
Журналъ выходитъ съ начала 1892 г., ежемѣсячно (каждое 15-е число), книжками in 8°, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печ. листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ съ доставкой и пересылкою	6 р. — к.
За границу	7 „ — „
На другіе сроки подписка не принимается.	
Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ	— „ 75 „
Съ доставкой и пересылкою	1 „ — „
Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ дост. и перес.	15 „ — „

Плата за объявленія.

Полная страница	20 р.
Половина страницы, или одинъ полный столбецъ	12 „
Четверть страницы, или половина одного столбца	7 „
$\frac{1}{8}$ страницы или $\frac{1}{4}$ столбца	4 „

Редакторъ **А. Н. Соловьевъ.**

Издатель **П. П. Шибановъ.**

Подписка и объявленія принимаются въ Главной Конторѣ Редакціи (Москва, Петровская мѣня, Антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гл. иностр. добровольно обращаются исключительно въ Москву, въ Главную Контору Редакціи.

Принимается подписка на журналъ
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ
при участіи Моск. Психол. Общества

Подъ редакціей проф. Моск. унив. Н. Я. Грота.

Изданіе А. А. Абрикосова.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

(Съ 1 ноября 1891 г.)

Содержаніе 10-ой книги: А. Введенскій. Фулье и метафизика будущаго. — Б. Чичеринъ. Положительная философія и единство науки. — В. Штейнъ. Леопарди и его пессимизмъ. — К. Н. Трубецкой. Философія христіанской теократіи въ V в. — М. Мензбургъ. Историческій очеркъ возрѣвній на природу. — Н. Гротъ. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Спиноза. — Н. Гиляровъ-Платоновъ. Онтологія Гегеля. — Е. Челмановъ. Гельмгольцъ какъ философъ и психологъ. — Обзоръ журналовъ и книгъ. — Психологическое общество.

Январьская (11) книга вышла 1-го января. Содержаніе ея: Б. Чичеринъ. Положительная философія и единство науки. Соціологія. — П. Виноградовъ. И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства. — Вл. Штейнъ. Леопарди и его пессимизмъ (оконч.). — А. Введенскій. Фулье и метафизика будущаго (оконч.). — К. Вентцель. Система философіи Вундта. — Н. Гиляровъ-Платоновъ. Онтологія Гегеля (оконч.) и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ безъ дост. 6 руб., съ дост. и перес. 6 руб. 50 коп., за границу 7 руб. 50 коп. На годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1891 г. по 1-е января 1893 г.) безъ дост. 7 руб. 50 коп., съ дост. и перес. 8 руб., за границу 9 руб. 50 коп. Лица, желающія подписаться съ 1-го ноября 1891 по 1-е января 1893 г., могутъ пользоваться разсрочкой: при подпискѣ вносится 4 руб. 50 коп. (безъ дост.), 5 руб. (съ перес.), или 6 руб. 50 коп. (за границу), и не позже 1-го марта остальные 3 рубля. Члены Психол. Общества, учащіяся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 р. Экземпляры журнала за первый (четыре книги) и за второй (пять книгъ) годъ продаются по 6 руб., съ пересылкой 7 руб.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“ (Спб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Спб., Москва, Варшава), Вольфа (Спб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башманова (Казань) и др., принимается въ конторѣ журнала: Москва, Чистые пруды, д. Мейнгардъ.

Вышло изданіе журнала

„Вопросы Философіи и Психологіи“

Г. ГЕФДИНГЪ

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГІИ, ОСНОВАННОЙ НА ОПЫТѢ.

Содержаніе: I. Предметъ и методъ психологіи. II. Душа и тѣло. III. Сознательное и безсознательное. IV. Дѣленіе психическихъ элементовъ. V. Психологія познанія. VI. Психологія чувства. VII. Психологія воли.

Переводъ подъ редакціей А. А. Козлова (стр. 1—97) и г. Колубовскаго (остальн. часть книги).

Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб. 80 коп.

Подписчики журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ пользуются бесплатною пересылкой. Лица, желающія получить книгу немедленно по ея выходѣ наложеннымъ платежомъ, благоволятъ заявлять о своемъ желаніи въ контору журнала (Москва, Чистые пруды, д. Мейнгардъ).

Объявление объ изданіи „СЛАВЯНСКАГО ОБОЗРѢНІЯ“.

Съ концомъ 1891 года изданіе „Славянскихъ Извѣстій“ прекратилось и взаиѣнъ ихъ выходитъ съ января 1892 г. въ **С.-Петербургѣ** безъ предварительной цензуры ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ

„Славянское Обзорѣніе“,

подъ редакціей профессора Императорскаго Варшавскаго университета **Антоня Семеновича Будиловича**. Программа изданія слѣдующая: I. Статьи по слав. литературамъ, слав. этнографіи, исторіи и политикѣ. II. Корреспонденціи. III. Лѣтопись событій слав. жизни въ областяхъ: полит., религ., обществ. и литературной. IV. Критика и библиографія. V. Отчеты о дѣятельности слав. обществъ и др. под. учреждений. VI. Смѣсь. VII. Приложенія: переводы изъ произведеній слав. беллетристики. VIII. Портреты славянскихъ дѣятелей. IX. Объявленія.

Имѣя широкія связи съ выдающимися литературными и общественными дѣятелями во всѣхъ славянскихъ земляхъ, редакція твердо надѣется сдѣлать

„Славянское Обзорѣніе“

центральнымъ органомъ для разработки назрѣвающихъ вопросовъ и общихъ дѣлъ греко-славянскаго міра, въ его отношеніяхъ къ азиатскому востоку и романо-германскому западу. Важность этихъ вопросовъ для дальнѣйшихъ судебъ Россіи, Славянства и всего человѣчества внушаетъ редакціи

„Славянскаго Обзорѣнія“

надежду, что она будетъ поддержана въ своихъ стремленіяхъ русско-славянскою печатью и обществомъ.

Объемъ отдѣльныхъ книжекъ

„Славянскаго Обзорѣнія“

— отъ 8 до 10 печ. листовъ. Срокъ ихъ выхода — во второй половинѣ каждаго мѣсяца. Подписная цѣна: **за годъ** безъ перес. **7 руб. сер.**; съ перес. въ Россіи и за границей **8 руб.** или **10 австр. гульд.**; за полгода **4 руб. сер.** или **5 австр. гульд.**; за четверть года **2 руб. сер.** или **3 австр. гульд.**

Подписка принимается у редактора-издателя проф. **А. С. Будиловича** (въ г. Варшавѣ, на Кручей ул., д. № 13), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи и за границую.

КРОК.

CASOPIS VENOVANÝ VESKERYM POTREBAM STREDNIHO SKOLSTVA,

vychází 1. dne každého měsíce (mimo srpen a zari) v sesitech trojarchovych.

Redaktor: Prof. Fr. Xav. Prusik.

Predplaci se rocne (i se zasylkou) v Rakousko-Uhersku 3 zl., v cizine 3 zl. 50 kr. (— 3 rub.) Jednotlivý sesit stojí 40 kr.

Rukopisy se nevrajeci, lec si toho kdo vyslovne vyzádá pri zásylce.

REKLAMACI LZE DBATI TOLIKO DO 14. DNE PO VYDANI SESITU.

Redakce i administrace „Kroka“ jest v Praze,

I. v Bartolomejské ulici cis 5.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

„Русскій Архивъ“ въ 1892 году издается двѣнадцатью тетрадями въ годъ, составляющими три отдѣльные книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1892 году съ пересылкою и доставкой — девять рублей. Для чужихъ краевъ — двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева), Вознесенскій проспектъ, домъ 22-й, кв. 18 (у В. А. Чумикова), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“

П. Бартеньевъ.

Изданія журнала „Гимназія“

Ф. Экштейнъ.

Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ

перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Лат. преподаваніе. А. *Исторія.* Гл. I. Преподаваніе у римлянъ. Гл. II. Въ средніе вѣка. Гл. III. Съ XV вѣка. Гл. IV. Съ XVI—XVIII вѣка. Гл. V. Исторія преподаванія въ гимназіяхъ. — Б. *Методъ.* Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменныя работы. — Ч. II. Греч. преподаваніе. I—IV. Общія замѣчанія. А. *Исторія.* Преподаваніе со временъ реформаціи. Б. *Методъ.* Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменныя работы.
Ц. 3 р.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 1 руб. 50 коп. ▶

К. Негельсбахъ. Гимназическая педагогика. Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева. I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Ц. 1 р.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 50 коп. ▶

Г. Бржоска. Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго** (нѣтъ въ продажѣ).

І. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. **С. Шаровой**, подъ ред. **Г. Янчевецкаго.** Ц. 3 р.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 1 р. 50 к. ▶

Ч. I. Изслѣдованіе искусства по его сущности. Гл. I. Происхожденіе искусства. Гл. II. Искусство у египтянъ, финикянъ и персовъ. Гл. III. Искусство этрусковъ. Гл. IV. Искусство у грековъ. Гл. V. Искусство у римлянъ. Ч. II. Искусство въ связи съ обстоятельствами времени. Гл. I. Искусство до Фидія. Гл. II. Отъ Фидія до Александра В. Гл. III. Послѣ Александра. Упадокъ искусства. Гл. IV. Греческое искусство въ Римѣ. Гл. V. Упадокъ при Септиміи Северѣ. — **Мелкія статьи.**

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х., перев. **Г. Янчевецкаго.** Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринѣика. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида Б. Кн. VII. Ахайя. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 2 руб. 50 коп. ▶

Ксенофонтъ. Полное собраніе сочиненій, перев. **Г. Янчевецкаго** въ 5 частяхъ. Ц. 7 р. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Кироседія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Ц. 2 р.

Содержаніе Мелкихъ Статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Апологія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Аѣнское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Иеронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѣнъ. IX. Гишпархъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

Paedagogicke Rozhledy. Rocnik V. Vestnik liter. a paedag. odboru. Vychazeji 15 kazdeho mesice; celoročne 2 zl. 50 kr. — Redaktor **Josef Klika.** V Praze.

Krok, casopis venovany veskerym potrebam stredniho skolstva, vychazi 1. dne kazdeho mesice (mimo spren a zari) v sesitech trojarchovych. V Praze. Redaktor: Prof. **Fr. Xav. Prusik.** Predplaci se rocne 3 zl. 50 kr. (= 3 rub.).

Listy filologicke, vydavajise nakladem jednoty ceskych filologu v Praze. Odpovedni redaktori **J. Gebauer** a **J. Kral.** Kocnik XIX. Vychazeji v 6 sesitech petiarchovych; predplatne v Rusku 3 rub.

Наставник, лист професорскога друштра. Уредник **Момчило Иванович,** Београд. Излази у двумесечним свескама од 5—6 табака, и стаје годишне десет динара.

Просветни Гласник, службени лист министарства просвете и црквених послова крал. Србије. Година XIII. Београд. Излази у месечним свескама од 7 и више табака не четвртини, стаје 15 динара (франака).

Слав. обзорѣніе, февраль: I. Три мира аз.-европ. материка, проф. **В. Ламанскаго.** — II. I. А. Коменскій, проф. **А. Б.** — III. Гр. Л. Толстой, какъ художникъ и мудрецъ **С. Г.-Ваянскаго.** — IV. Городъ Ледеянь-Леденець въ слав. поэзиі, проф. **М. Халанскаго.** — V. Лѣтопись. — VI. Письма изъ слав. земель. — VII. Библиографія. — VIII. Спб. слав. благотв. общество. — IX. Смѣсь. — X. Приложение. „Пришла бѣда на бѣдняка“, Я. Неруды (съ чешск.).

V.

ГИМНАЗІЯ

V.

ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

въ 1892 г.

V ГОДЪ ИЗДАНІЯ

выходитъ ежемѣсячно.

Подписка продолжается. Цѣна за 12 книгъ **8 руб.** въ годъ.

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Гимназія Импер. Николая I. Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Всѣ изданія „Гимназіи“ и „Описаніе Еллады“ Павсаніи могутъ быть приобрѣтаемы Гг. подписчиками за **полцѣны.**

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. журналъ „Гимназія“ признанъ заслуживающимъ особенной рекомендаціи для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для содѣйствія возможно большому распространенію между преподавателями сихъ заведеній. [Предложеніе Г. Министра Гг. Попечителямъ уч. округовъ 28 февр. 1889 г. № 3899.]

Дозволено цензурою. — Ревель, 13 Апрѣля 1892 г.

Печатня Г. Матизена въ Ревель.